

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 4 (238)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 4 (238). – 192 с.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Путин. Россия: Национальный вопрос	5
Михаил Делягин. Непубличный аспект кризиса демократии	17
Леокадия Дробижева. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: Опыт 20 лет реформ	32
А. Сайдарханов. Участие местных сообществ в России в развитии межкультурных коммуникаций	49
Айдар Хабутдинов. Мусульманская образовательная тради- ция в Нижегородском регионе	54
Ф. Кулиев. О религиозной идентичности народов Северного Кавказа в условиях глобализации	67
В. Никеров. От Фукусимы до Ливии: Политизация трубо- проводного соперничества на каспийской энерге- тической сцене	72
А. Клименко. Дестабилизирующие факторы в отношениях между Киргизстаном и Узбекистаном	78
Хаким Абдулло Рахнамо. Ислам в высших учебных заведе- ниях Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана	80
Нурлан Абдулов. Процессы регионализации, интеграции и институционализации в Центральной Азии	92
А. Захарьин. Ислам в Китае	100
Илтер Туран. Турция на подъеме: От неразвитой страны к региональной державе	113
А. Яковлев. Саудовская Аравия в начале XXI века: Государство и проблемы развития	128
Леонид Исаев. «Перманентная революция»: Арабский мир в поисках стабильности	146
Борис Долгов. Мусульманская диаспора во Франции: Светская демократия и исламская идентификация	156

Вячеслав Белокреницкий. Демографическое будущее исламского мира	172
«Много лет мы жили в одном государстве...».....	187

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

В. Путин,

Председатель Правительства
Российской Федерации

РОССИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие. Мы видим, что происходит в мире, какие здесь копятя серьезнейшие риски. Реальность сегодняшнего дня – рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Разрушают, подтачивают государства и разделяют общества.

Колоссальные миграционные потоки – а есть все основания полагать, что они будут усиливаться, – уже называют новым «великим переселением народов», способным изменить привычный уклад и облик целых континентов. Миллионы людей в поисках лучшей жизни покидают регионы, страдающие от голода и хронических конфликтов, бедности и социальной неустроенности.

С «обострением национального вопроса» вплотную столкнулись самые развитые и благополучные страны, которые прежде гордились своей толерантностью. А сегодня – друг за другом объявляют о провале попыток интегрировать в общество инокультурный элемент, обеспечить неконфликтное, гармоничное взаимодействие различных культур, религий, этнических групп.

«Плавильный котел» ассимиляции барахлит и чадит – и не способен «переварить» все возрастающий масштабный миграционный поток. Отражением этого в политике стал «мультикульту-

рализм», отрицающий интеграцию через ассимиляцию. Он возводит в абсолют «право меньшинства на отличие» и при этом недостаточно уравнивает это право – гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом.

Во многих странах складываются замкнутые национально-религиозные общины, которые не только ассимилироваться, но даже и адаптироваться отказываются. Известны кварталы и целые города, где уже поколения приезжих живут на социальные пособия и не говорят на языке страны пребывания. Ответная реакция на такую модель поведения – рост ксенофобии среди местного коренного населения, попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места, социальные блага от «чужеродных конкурентов». Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность.

Вполне уважаемые европейские политики начинают говорить о провале «мультикультурного проекта». Чтобы сохранить свои позиции, эксплуатируют «национальную карту» – переходят на поле тех, кого ранее сами считали маргиналами и радикалами. Крайние силы, в свою очередь, резко набирают вес, всерьез претендуя на государственную власть. По сути, предлагается вести речь о принуждении к ассимиляции – на фоне «закрытости» и резкого ужесточения миграционных режимов. Носители другой культуры должны либо «раствориться в большинстве», либо остаться обособленным национальным меньшинством – пусть даже обеспеченным разнообразными правами и гарантиями. А фактически – оказаться отлученным от возможности успешной карьеры. Прямо скажу – от гражданина, поставленного в такие условия, трудно ожидать лояльности по отношению к своей стране.

За «провалом мультикультурного проекта» стоит кризис самой модели «национального государства» – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности. И это – серьезный вызов, с которым придется столкнуться и Европе, и многим другим регионам мира.

Россия как «историческое государство»

При всей внешней схожести ситуация у нас – принципиально иная. Наши национальные и миграционные проблемы напрямую связаны с разрушением СССР, а по сути, исторически –

большой России, сложившейся в своей основе еще в XVIII в. С неизбежно последовавшей за этим деградацией государственных, социальных и экономических институтов. С громадным разрывом в развитии на постсоветском пространстве.

Продекларировав 20 лет назад суверенитет, тогдашние депутаты РСФСР в запале борьбы с «союзным центром» запустили процесс строительства «национальных государств», причем даже внутри самой Российской Федерации. «Союзный центр», в свою очередь, пытаясь давить на оппонентов, начал вести закулисную игру с российскими автономиями, обещая им повышение «национально-государственного статуса». Сейчас участники этих процессов перекладывают вину друг на друга. Но очевидно одно – их действия в равной степени и неизбежно вели к развалу и сепаратизму. И у них не нашлось ни мужества, ни ответственности, ни политической воли – чтобы последовательно и настойчиво отстаивать территориальную целостность Родины. То, в чем, возможно, не отдавали себе отчет инициаторы «затей с суверенитетами», – все остальные, в том числе и за рубежами нашего государства, – поняли очень четко и быстро. И последствия не заставили себя ждать.

С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах – и за гранью гражданской войны, причем именно на этнической почве. Огромным напряжением сил, большими жертвами эти очаги нам удалось погасить. Но это, конечно, не означает, что проблема снята. Однако даже в тот момент, когда государство как институт критически ослабело, Россия не исчезла. Произошло то, о чем Василий Ключевский говорил применительно к первой русской Смуте: «Когда надломились политические скрепы общественного порядка, страна была спасена нравственной волей народа». И, кстати, наш праздник 4 ноября – День народного единства, который некоторые поверхностно называют «днем победы над поляками», на самом деле – это «день победы над собой», над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью – одним народом. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации.

Историческая Россия – не этническое государство и не американский «плавильный котел», где, в общем-то, все так или иначе – мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешива-

ния народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки. Как и этнические татары, евреи, белорусы...

В одном из самых ранних русских философско-религиозных трудов «Слово о законе и благодати» отвергается сама теория «избранного народа» и проповедуется идея равенства перед Богом. А в «Повести временных лет» так описан многонациональный характер древнерусского государства: «Вот только кто по-славянски говорит на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане... А вот другие народы: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, корсь, нарва, ливы – эти говорят на своих языках...» Именно об этом особом характере русской государственности писал Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство».

Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России – под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа». Чтобы в конечном счете – заставить людей своими руками уничтожать собственную Родину.

Глубоко убежден, попытки проповедовать идеи построения русского «национального», моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. Более того, это кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности. Да и любой дееспособной, суверенной государственности на нашей земле. Когда начинают кричать: «Хватит кормить Кавказ», – ждите, завтра неизбежно последует призыв: «Хватит кормить Сибирь, Дальний Восток, Урал, Поволжье, Подмосковье...» Именно по таким рецептам действовали те, кто привел к распаду Советский Союз. Что касается пресловутого национального самоопределения, которым, борясь за власть и

геополитические дивиденды, не раз спекулировали политики самых разных направлений – от Владимира Ленина до Вудро Вильсона, то русский народ давно самоопределился. Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей.

Единый культурный код

Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колоссальные возможности для развития во многих областях. Однако если многонациональное общество поражают бациллы национализма, оно теряет силу и прочность. И мы должны понимать, какие далеко идущие последствия может вызвать попустительство попыткам разжечь национальную вражду и ненависть к людям иной культуры и иной веры.

Гражданский мир и межнациональное согласие – это не один раз созданная и на века застывшая картина. Напротив, это постоянная динамика, диалог. Это – кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство в многообразии».

Необходимо не только соблюдение взаимных обязательств, но и нахождение общих для всех ценностей. Нельзя насильно заставить быть вместе. И нельзя заставить жить вместе по расчету, на основе взвешивания выгод и затрат. Такие «расчеты» работают до момента кризиса. А в момент кризиса начинают действовать в обратном направлении. Уверенность, что мы можем обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности, опирается на нашу культуру, историю, тип идентичности.

Можно вспомнить, что многие граждане СССР, оказавшиеся за рубежом, называли себя русскими. Причем сами считали себя таковыми независимо от этнической принадлежности. Интересен и тот факт, что этнические русские нигде и никогда, ни в какой эмиграции не составляли устойчивых национальных диаспор, хотя и численно, и качественно были представлены весьма значительно. Потому что в нашей идентичности – другой культурный код.

Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять,

скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой–чужой» определяется общей культурой и общими ценностями. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь.

Огромная роль здесь принадлежит образованию. Выбор образовательной программы, многообразие образования – наше несомненное достижение. Но вариативность должна опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире. Гражданская задача образования, системы просвещения – дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история – естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур.

В некоторых ведущих американских университетах в 20-е годы прошлого века сложилось движение за изучение западного культурного канона. Каждый уважающий себя студент должен был прочитать 100 книг по специально сформированному списку. В некоторых университетах США эта традиция сохранилась и сегодня. Наша нация всегда была читающей нацией. Давайте проведем опрос наших культурных авторитетов и сформируем список 100 книг, которые должен будет прочитать каждый выпускник российской школы. Не вызубрить в школе, а именно самостоятельно прочитать. И давайте сделаем выпускным экзаменом сочинение на темы прочитанного. Или по крайней мере дадим молодым людям возможность проявить свои знания и свое мировоззрение на олимпиадах и конкурсах.

Соответствующие требования должна задавать и государственная политика в области культуры. Имеются в виду такие инструменты, как телевидение, кино, Интернет, массовая культура в целом, которые формируют общественное сознание, задают по-

веденческие образцы и нормы. Вспомним, как американцы с помощью Голливуда формировали сознание нескольких поколений. Причем внедряя не худшие – и с точки зрения национальных интересов, и с точки зрения общественной морали – ценности. Здесь есть чему поучиться. Подчеркну: никто не покушается на свободу творчества – не о цензуре речь, не о «казенной идеологии», а о том, что государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе и на формирование мировоззрения, укрепляющего нацию.

В нашей стране, где у многих в головах еще не закончилась гражданская война, где прошлое крайне политизировано и «раздергано» на идеологические цитаты (часто понимаемые разными людьми с точностью до противоположного), необходима тонкая культурная терапия. Культурная политика, которая на всех уровнях – от школьных пособий до исторической документалистики – формировала бы такое понимание единства исторического процесса, в котором представитель каждого этноса, так же как и потомок «красного комиссара» или «белого офицера», видел бы свое место. Ощущал бы себя наследником «одной для всех» – противоречивой, трагической, но великой истории России.

Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности. Считаю, что в системе федеральных органов власти необходимо создать специальную структуру, отвечающую за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов. Сейчас эти проблемы находятся в ведении Министерства регионального развития и за ворохом текущих задач вытесняются на второй, а то и третий план, и такую ситуацию надо исправить. Это не должно быть стандартное ведомство. Скорее речь должна идти о коллегиальном органе, который взаимодействует непосредственно с президентом страны, с руководством правительства и имеет определенные властные полномочия. Национальная политика не может писаться и реализовываться исключительно в кабинетах чиновников. В ее об-

суждении и формировании должны непосредственно участвовать национальные, общественные объединения.

И, конечно, мы рассчитываем на активное участие в таком диалоге традиционных религий России. В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма – при всех различиях и особенностях – лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. Эти ценностные ориентиры невозможно чем-либо заменить, и их нам надо укреплять. Убежден, государство, общество должны приветствовать и поддерживать работу традиционных религий России в системе образования и просвещения, в социальной сфере, в Вооруженных силах. При этом должен быть, безусловно, сохранен светский характер нашего государства.

Национальная политика и роль сильных институтов

Системные проблемы общества очень часто находят выход именно в форме межнациональной напряженности. Нужно всегда помнить, что существует прямая зависимость между нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной системы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве. Если посмотреть на историю всех недавних межнациональных эксцессов – практически везде мы обнаружим этот «спусковой крючок»: Кондапога, Манежная площадь, Сагра. Везде обостренная реакция на отсутствие справедливости, на безответственность и бездействие отдельных представителей государства, неверие в равенство перед законом и неотвратимость наказания для преступника, убеждение, что все куплено и правды нет.

Когда речь заходит о том, что в России, а в особенности на исторических русских территориях, ущемляются права русских, это говорит о том, что государственные структуры не выполняют своих прямых задач – не защищают жизнь, права и безопасность граждан. И поскольку большинство этих граждан – русские, то возникает возможность паразитировать на теме «национального угнетения русских» и облечь обоснованный общественный протест в самую примитивную и вульгарную форму межнациональных беспорядков. И одновременно по всякому поводу голосить про «русский фашизм». Нужно отдавать отчет, какие риски и угро-

зы заключены в ситуациях, чреватых переходом в стадию национального конфликта. И соответствующим, самым жестким образом, без оглядки на чины и звания, оценивать действия или бездействия правоохранительных структур, органов власти, которые привели к межнациональному напряжению.

Рецептов для таких ситуаций не очень много. Не возводить ничего в принцип, не делать скоропалительных обобщений. Необходимо тщательное выяснение сути проблемы, обстоятельств, урегулирование взаимных претензий по каждому конкретному случаю, где замешан «национальный вопрос». Этот процесс там, где нет каких-то специфических обстоятельств, должен быть публичным, потому что отсутствие оперативной информации порождает усугубляющие ситуацию слухи. И здесь исключительно важное значение имеют профессионализм и ответственность средств массовой информации. Но никакого диалога не может быть в ситуации беспорядков и насилия. Ни у кого не должно возникнуть малейшего соблазна «продавить власть» на те или иные решения с помощью погромов. Наши правоохранительные органы доказали, что с пресечением таких попыток они справляются быстро и четко.

И еще один принципиальный момент – мы, конечно, должны развивать нашу демократическую, многопартийную систему. И сейчас готовятся решения, направленные на упрощение и либерализацию порядка регистрации и работы политических партий, реализуются предложения по установлению выборности глав регионов. Все это – нужные и правильные шаги. Но нельзя допустить одного – возможностей для создания региональных партий, в том числе в национальных республиках. Это – прямой путь к сепаратизму. Такое требование, безусловно, должно предъявляться и к выборам глав регионов – тот, кто попытается опираться на националистические, сепаратистские и тому подобные силы и круги, должен быть незамедлительно, в рамках демократических и судебных процедур, исключен из выборного процесса.

Проблема миграции и наш интеграционный проект

Сегодня граждан серьезно волнуют, а скажем прямо – раздражают, многие издержки, связанные с массовой миграцией – как внешней, так и внутрироссийской. Звучит и вопрос, не приведет ли создание Евразийского союза к усилению миграционных потоков,

а значит, и к росту существующих здесь проблем. Считаю, что надо четко обозначить нашу позицию.

Во-первых, очевидно, что нам надо на порядок повысить качество миграционной политики государства. И мы будем решать эту задачу. Нелегальная иммиграция никогда и нигде не может быть исключена полностью, но она должна и может быть, безусловно, минимизирована. И в этом плане – внятные полицейские функции и полномочия миграционных служб необходимо усилить. Однако простое механическое ужесточение миграционной политики не даст результата. Во многих странах такое ужесточение приводит лишь к увеличению доли нелегальной миграции. Критерий миграционной политики заключается не в ее жесткости, а в ее эффективности. В связи с этим должна быть предельно четко дифференцирована политика в отношении легальной миграции – как постоянной, так и временной. Что, в свою очередь, предполагает очевидные приоритеты и режимы благоприятствования в миграционной политике в пользу квалификации, компетентности, конкурентоспособности, культурной и поведенческой совместимости. Такая «положительная селекция» и конкуренция за качество миграции существуют во всем мире. Излишне говорить и о том, что такие мигранты интегрируются в принимающее общество намного лучше и легче.

Второе. У нас достаточно активно развивается внутренняя миграция, люди едут учиться, жить, работать в другие субъекты Федерации, в крупные города. Причем это полноправные граждане России. Вместе с тем тот, кто приезжает в регионы с другими культурными, историческими традициями, должен с уважением относиться к местным обычаям. К обычаям русского и всех других народов России. Всякое другое – неадекватное, агрессивное, вызывающее, неуважительное – поведение должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют. Надо посмотреть, все ли необходимые для контроля такого поведения людей нормы содержатся в Административном и Уголовном кодексах, в регламентах органов внутренних дел. Речь идет об ужесточении права, введении уголовной ответственности за нарушение миграционных правил и норм регистрации. Иногда достаточно предупредить. Но если предупреждение будет опираться на конкретную правовую норму, оно будет более действенно. Его правильно поймут – не как мнение отдельного полицей-

ского или чиновника, а именно как требование закона, одинакового для всех.

Во внутренней миграции также важны цивилизованные рамки. В том числе это необходимо для гармоничного развития социальной инфраструктуры, медицины, образования, рынка труда. Во многих «миграционно привлекательных» регионах и мегаполисах эти системы уже сейчас работают на пределе, что создает достаточно сложную ситуацию как для «коренных», так и для «приезжих».

Считаю, что следует пойти на ужесточение правил регистрации и санкций за их нарушение. Естественно, не ущемляя конституционных прав граждан на выбор места жительства.

Третье – это укрепление судебной системы и строительство эффективных правоохранительных органов. Это принципиально важно не только для внешней иммиграции, но в нашем случае и для внутренней, в частности миграции из регионов Северного Кавказа. Без этого никогда не могут быть обеспечены объективный арбитраж интересов различных сообществ (как принимающего большинства, так и мигрантов) и восприятие миграционной ситуации как безопасной и справедливой. Более того, недееспособность или коррумпированность суда и полиции всегда будут вести не только к недовольству и радикализации принимающего мигрантов общества, но и к укоренению «разборок по понятиям» и теневой криминализованной экономики в самой среде мигрантов. Нельзя допустить, чтобы у нас возникли замкнутые, обособленные национальные анклав, в которых часто действуют не законы, а разного рода «понятия». И в первую очередь нарушаются права самих мигрантов – как со стороны собственных криминальных авторитетов, так и коррупционеров от власти. Именно на коррупции расцветает этническая преступность. С правовой точки зрения преступные группировки, построенные по национальному, клановому принципу, ничем не лучше обычных банд. Но в наших условиях этническая преступность является проблемой не только криминальной, но и проблемой государственной безопасности. И к ней надо соответствующим образом относиться.

Четвертое – это проблема цивилизованной интеграции и социализации мигрантов. И здесь вновь необходимо вернуться к проблемам образования. Речь должна идти не столько о нацеленности образовательной системы на решение вопросов миграционной политики (это далеко не главная задача школы), но прежде всего о высоких стандартах отечественного образования как тако-

вого. Привлекательность образования и его ценность – мощный рычаг, мотиватор интеграционного поведения для мигрантов в плане интеграции в общество. Тогда как низкое качество образования всегда провоцирует еще большую изоляцию и закрытость миграционных сообществ, только теперь уже долгосрочную, на уровне поколений. Нам важно, чтобы мигранты могли нормально адаптироваться в обществе. Да, собственно, элементарным требованием к людям, желающим жить и работать в России, является их готовность освоить наши культуру и язык. Со следующего года необходимо сделать обязательным для приобретения или продления миграционного статуса экзамен по русскому языку, по истории России и русской литературе, по основам нашего государства и права. Наше государство, как и другие цивилизованные страны, готово сформировать и предоставить мигрантам соответствующие образовательные программы. В ряде случаев требуется обязательное дополнительное профессиональное обучение за счет работодателей.

И, наконец, пятое – это тесная интеграция на постсоветском пространстве как реальная альтернатива неконтролируемым миграционным потокам. Объективные причины массовой миграции, и об этом уже говорилось выше, – колоссальное неравенство в развитии и условиях существования. Понятно, что логичным способом если не ликвидации, то хотя бы минимизации миграционных потоков, было бы сокращение такого неравенства. За это ратует огромное количество разного рода гуманитарных, левых активистов на Западе. Но, к сожалению, в глобальном масштабе эта красивая, этически безукоризненная позиция страдает очевидным утопизмом. Однако нет никаких объективных препятствий для того, чтобы реализовать эту логику у нас, на нашем историческом пространстве. И одна из важнейших задач евразийской интеграции – создать для народов, миллионов людей на этом пространстве возможность достойно жить и развиваться. Мы понимаем, что не от хорошей жизни люди уезжают за тридевять земель и зачастую далеко не в цивилизованных условиях зарабатывают себе и своей семье возможность человеческого существования.

С этой точки зрения задачи, которые мы ставим и внутри страны (создание новой экономики с эффективной занятостью, воссоздание профессиональных сообществ, равномерное развитие производительных сил и социальной инфраструктуры на всей территории страны), и задачи евразийской интеграции – это ключевой инструмент, благодаря которому можно ввести миграционные по-

токи в нормальное русло. По сути, с одной стороны, направить мигрантов туда, где они будут в наименьшей степени вызывать социальное напряжение. А с другой – чтобы люди в своих родных местах, на своей малой родине могли чувствовать себя нормально и комфортно. Надо просто дать возможность людям работать и нормально жить у себя дома, на родной земле, возможность, которой они сейчас во многом лишены. В национальной политике нет и не может быть простых решений. Ее элементы рассыпаны во всех сферах жизни государства и общества – в экономике, социалке, образовании, политической системе и внешней политике. Нам надо выстроить такую модель государства, цивилизационной общности с таким устройством, которая была бы абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто считает Россию своей Родиной.

Мы видим направления предстоящей работы. Понимаем, что у нас есть исторический опыт, которого нет ни у кого. У нас есть мощная опора в менталитете, в культуре, в идентичности, которой нет у других. Мы будем укреплять наше «историческое государство», доставшееся нам от предков. Государство-цивилизацию, которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий. Мы веками жили вместе. Вместе победили в самой страшной войне. И будем вместе жить и дальше. А тем, кто хочет или пытается разделить нас, могу сказать одно – не дождетесь...

(www.premier.gov.ru) 23 января 2012 г.

Михаил Делягин,

доктор экономических наук,

директор Института проблем глобализации

НЕПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ

Объективные закономерности технологического и социально-экономического развития реализуются во многом непубличными и неформальными взаимодействиями. Это естественно: в силу самой своей природы они надежнее публичных и формально регулируемых взаимодействий защищены от внешнего, «постороннего» влияния и уже хотя бы только поэтому являются более эффективными. Масштабы влияния на реализацию этих объективных закономерностей со стороны неформальных взаимодействий, в том числе теневого транснационального структур, достаточно ве-

лики. Скажем, в конце 20-х годов XX в. массовое распространение конвейерного производства и мировая экономическая депрессия (вызванная неспособностью тогдашних управляющих систем справиться с монополизмом, новый уровень которого также был вызван распространением конвейера) предопределили общую потребность национальных управляющих систем в авторитарном социализме. Конкретные формы реализации этой потребности определялись особенностями национальной культуры и текущего экономического положения. В то же время понять причины формирования конкретных отношений, например режимов Сталина, Гитлера или, скажем, Рузвельта, без учета неформального взаимодействия теневых транснациональных структур попросту нельзя.

Конспирология как попытка всеобъемлющим образом объяснить историю теневыми процессами есть медицинское свидетельство интеллектуальной импотенции. Однако та же самая конспирология является необходимым элементом изучения причин воплощения объективных общественных закономерностей именно в тех или иных конкретных формах (и, соответственно, стратегического прогнозирования). Без нее нельзя объяснить, в частности, приход к власти таких значимых для мирового развития фигур, как Гитлер, Мао Цзэдун, Кеннеди, Ельцин. Таким образом, в ее отношении в полной мере применимо высказывание, обращенное к предметам ее изучения: «Тень, знай свое место!»

История знакомит нас с огромным разнообразием теневых транснациональных управляющих систем. Однако, поскольку «в тени» действуют те же объективные исторические закономерности, что и «на свету», характер этих систем был и остается, в общем, отражением закономерностей, проявляющихся в деятельности публичных и формализованных управляющих структур (которые, собственно, и являются предметом изучения официальной истории).

Первоначально, в дорыночную эпоху, когда ключевые официальные управляющие структуры человечества носили религиозный характер, теневые управляющие структуры также были преимущественно религиозными (хотя свое место занимали и хозяйственные, и чисто преступные). Однако по мере развития рыночных отношений в теневых взаимодействиях, как и в публичных, на первый план выдвигались хозяйственные, а точнее – торгово-финансовые структуры (как наиболее гибкие и наименее уязвимые). Исследователи конкретных исторических обстоятельств весьма часто признают существование Финансового (он же «Чер-

ный», он же «Капиталистический») интернационала, в том числе в противовес и в дополнение Коммунистическому, но по понятным причинам (как из-за его чрезмерной влиятельности, так и в силу вульгарного недостатка информации) стесняются его исследовать. Так, например, в лучшем исследовании феномена Гитлера говорится о «Золотом» и о «Красном» Интернационалах как об одинаково реальных и бесспорных явлениях.

Ожесточенная свободная конкуренция на макрорынках вела к формированию монополии: в Европе это была семья Ротшильдов, в США – Рокфеллеры. Именно эти два клана (а со второй половины 90-х годов XX в. – еще и китайские теневые сообщества) являются высшим воплощением глобальных сетевых управляющих структур. Они отнюдь не «ушли в прошлое», как кажется некоторым равно поверхностным и наивным марксистам и либералам. Достаточно вспомнить, что жесткость соперничества во второй половине 90-х и начале 2000-х годов групп Березовского и Гусинского была вызвана не только естественными межолигархическими противоречиями, но и тем, что, насколько можно судить, они представляли в России интересы различных глобальных кланов: одна – Рокфеллера, другая – Ротшильдов. Именно они стали основой глобального правящего класса «новых кочевников».

В эпоху, наступившую с началом Великой депрессии, когда главными субъектами исторического развития человечества (на период до краха Советского Союза) стали государства, они отводили значимую роль для своих собственных теневых структур – спецслужб и контролируемых ими корпораций. Однако с завершением этой эпохи «государственные» теневые структуры частью рассыпались, частью обособились от своих прежних хозяев, попав в «силовое поле» влияния основных глобальных теневых структур и вполне подчинившись ему.

Весьма существенно, что теневые взаимодействия (да еще и трансграничные) по самой своей природе не регулируются формальным правом. Поэтому трансграничные теневые структуры, испытанные временем, с одной стороны, носят семейный характер (ибо отсутствие писаного закона требует компенсации исключительно высоким уровнем доверия), а с другой стороны, в наиболее значимых для себя аспектах действуют принципиально без учета законодательства. Это не только роднит их с организованными преступными группировками, но и, более того, почти предопределяет тесное сотрудничество с ними.

Формой существования описанных финансовых трансграничных теневых структур на всем протяжении их истории было взламывание заскорузлых административных и политических границ, препятствующих свободному развитию хозяйственной деятельности (в первую очередь их собственной). Таким образом, извлекая в силу своего трансграничного характера максимальную прибыль именно из наличия указанных границ, эти структуры на протяжении всей своей истории последовательно шли к подрыву основы своего собственного существования. По сути, на всем протяжении своей истории они представляли собой инструменты интеграции человечества – столь же объективные, что и рыночные отношения, чьим проявлением в теневой сфере они являются.

Вся история человечества в XX в. заключается в непримиримой в силу самой его природы борьбе Финансового интернационала за интеграцию, за преодоление и необратимое устранение всех экономических границ. Сначала эта борьба «на уничтожение» велась против колониальных империй (в парадоксальном союзе с разрозненными группами революционеров, а затем и с Коммунистическим интернационалом, и со сталинским СССР), а после их краха – с обособленными от единого мирового рынка национальными государствами (в первую очередь с Советским Союзом). Крах последнего, ставший непосредственным началом глобализации, знаменовал собой их окончательную победу – и, соответственно, выполнение, т.е. исчерпание ими своей исторической миссии.

Мировая экономическая депрессия, глобальный кризис перепроизводства, вызванный загниванием глобальных монополий, представляет собой просто другое выражение исчерпанности этой исторической миссии. Эта исчерпанность превращает их в по-настоящему реакционную, т.е. противодействующую прогрессу как развитию, направленную на консервацию прошлого общественно-историческую силу. Именно они являются непосредственными выразителями стремления к блокированию технологического прогресса и разделению человечества на расы глобализированных «господ», непосредственно обслуживающего их персонала разной степени квалифицированности и излишней и потому деградированной «биомассы», вымирающей в надежно изолированных от «чистого» мира резервациях. Правда, полный консенсус в этом вопросе, даже в самих глобальных управляющих кланах, все еще, насколько можно судить, не достигнут, так как привычная человеческая мораль в целом еще жива даже среди их

руководителей и интеллектуальных лидеров, однако давление объективной потребности исключительно велико.

Причина этой потребности заключается в сверхпроизводительности информационных технологий, которая делает избыточным существование значительной части человечества, в первую очередь «среднего класса» развитых стран. С точки зрения извлечения прибыли эти люди просто перестают быть производящим ресурсом и становятся чистыми издержками; соответственно, их потребление также становится для глобальных корпораций чистыми издержками, подлежащими неукоснительному сокращению, особенно в условиях кризисов. Это создает огромные экономические проблемы, связанные с потенциально существенным сжатием совокупного спроса (так как «лишние» люди постепенно сокращают свое потребление), которые тем не менее второстепенны по сравнению с социальными. Квинтэссенция социальных проблем заключается в том, что существование не просто значительной, но основной части человечества становится нерентабельным.

В настоящее время видится лишь два принципиальных выхода из этой ситуации. Если целью существования человечества остается получение прибыли (т.е. оно продолжает существовать в рамках рыночной парадигмы и доминанты поведения), главная задача, которая объективно стоит перед ним, заключается в физическом истреблении собственной нерентабельной части. Побочными, вспомогательными задачами является поддержание если не довольства, то хотя бы покорности уничтожаемых, а также (что не менее важно) видимости гуманизма этого процесса, чтобы непосредственно осуществляющие его менеджеры не чувствовали себя людоедами. Насколько можно судить, способом решения второй задачи как раз и является «экспорт демократии», позволяющий возлагать на сами уничтожаемые общества ответственность (в том числе и в их собственных глазах) за все, что творят с ними глобальные корпорации и управляющие системы.

В настоящее время, насколько можно судить, никто в управляющих системах развитых стран (и тем более в глобальных управляющих системах) не намерен отказываться от наживы как смысла существования (как человечества, так и своего собственного) – и, соответственно, стихийно решается именно эта проблема.

В разных регионах Земли в зависимости от культурных доминант сложившихся там обществ сформировались три базовые модели ее решения.

Население Африки (по этому же пути движется «Большой Ближний Восток») удерживается в нищете, социальном хаосе и истребляется болезнями (начиная со СПИДа): это путь «биологической утилизации». Автору приходилось сталкиваться с откровенным выражением вроде бы приличными западными аналитиками неприкрытой радости по поводу эпидемии СПИДа в Африке, без которой последняя «превратилась бы в такую же демографическую бомбу, что и Ближний Восток». Его суть заключается в снижении уровня индивидуального потребления до незначительного для глобальных корпораций уровня, во многом компенсируемого за счет нелегальной коммерческой деятельности (нерегулируемых торговли оружием и добычи природных ресурсов, наркоторговли, а также использования бандитов, например сомалийских пиратов и нигерийских повстанцев, для корректировок глобальных процессов при помощи кризисов).

Второй путь решения описанной выше задачи – социальная утилизация: бывший «средний класс» превращается в «людей трущоб», поведение которых описывается уже не столько социальными, сколько биологическими закономерностями. Это реалии Латинской Америки и, в меньшей степени, Восточной Европы, включая Россию и другие страны СНГ.

В обоих случаях потребление утилизируемого населения сводится на столь низкий уровень, что глобальные монополии не ощущают это потребление как значимый убыток или упущенную прибыль. В то же время слабость инфраструктуры (в том числе социальной) делает положение населения соответствующих регионов крайне уязвимым, и его резкое сокращение может пройти незамеченным общественностью развитого мира. Как прошел незамеченным ею геноцид в Кампучии в 1975–1979 гг. (в ходе которого полпотовцы истребили 30% ее населения), а в более поздние времена – геноцид в «африканской Швейцарии» Руанде, гражданская война в Таджикистане и «этническая чистка» русского населения в Чечне.

Наиболее остро задача утилизации внезапно ставшего убыточным «среднего класса» стоит в развитых странах, где эта категория населения наиболее многочисленна и обеспечена, а значит, ставшие неоправданными для глобальных монополий расходы на него являются максимальными. Развитая часть Европы, как обычно, решает вставшую перед ней историческую задачу наиболее комфортным способом; в данном случае это развитие наркомании. Первым значимым шагом на этом пути, насколько можно судить,

стала иступленная поддержка европейскими государствами (а отнюдь не только одними США) независимости Косова, что де-факто означало придание государственного статуса наркоторговцам (да и в целом наиболее жестокой в Европе этнической организованной преступности).

Практически одновременное вхождение Швейцарии в Шенгенскую зону и всенародно одобренное там с 1 января 2009 г. разрешение врачам выписывать героин уже через пять-семь лет неминуемо превратят ее в крупнейший наркотический центр. Это ни в коем случае не умаляет заслуженно ставшую легендарной честность швейцарских врачей: человеческие силы ограничены, и эти врачи в целом, как профессиональное сообщество, не имеют возможности сохранить эту честность, будучи поставленными под удар всей европейской наркомафии (да еще такой жестокой, как косоварская).

Наконец, третьим шагом на пути истребления европейского «среднего класса» при помощи его форсированной наркотизации представляется масштабная, проводимая Всемирной организацией здравоохранения и многими национальными правительствами, кампания по распространению метадона (синтетического заместителя героина, потребляемого без риска заразиться СПИДом или гепатитом С и D). Эта кампания, по сути дела, означает физическое уничтожение наркоманов: если с героина при помощи интенсивной (и дорогостоящей) терапии можно «вернуть» примерно 30% его потребителей, то метадоновый наркоман в принципе не имеет никаких шансов на излечение.

Таким образом, глобальная экономическая депрессия, ускоряя обеднение американского и европейского «среднего класса» (притом что в США этот процесс идет значительно дольше и быстрее, чем в Европе), создает предпосылки для ускоренной утилизации нерентабельной части населения Земли. Принципиально важно, что утилизация эта будет происходить в первую очередь не столько в и без того уже нищих, сколько в первую очередь в развитых странах. Причина проста: именно они, как было отмечено выше, обладают наиболее массовым и обеспеченным (и, соответственно, наиболее затратным с точки зрения глобальных корпораций) «средним классом». Над конкретными механизмами «окончательного решения» (если пользоваться нацистской терминологией) вопроса его утилизации, насколько можно судить по целому ряду обсуждений и контактов в мировой аналитической среде, уже

бьются лучшие умы глобального господствующего класса «новых кочевников».

Единственная альтернатива этой людоедской перспективе – изменение цели, а значит, и самой парадигмы развития человечества: переход массового индивида от существования ради прибыли к существованию ради совершенствования и саморазвития. К сожалению, этот путь представляет собой зияющую неизвестность в прямом смысле этого слова. Дальше всех по нему прошел Советский Союз, но его попытка, несмотря на колоссальные достигнутые успехи (ибо «новая историческая общность людей – советский народ» все же существовала, хотя и была создана «железом и кровью») трагически провалилась. Сегодня механизмы и даже массовые индивидуальные (не говоря уже о коллективных) мотивы движения по этому пути остаются пугающе неопределенными. Человек в массе своей по-прежнему остается хотя и общественным, но животным, причем снижение среднего морального и интеллектуального уровня в последние два десятилетия в Европе и Америке вполне заметно. Не только способы, но и мотивы обуздания звериной части природы каждого из нас при движении к столь неопределенной цели, как «личное самосовершенствование», непонятны.

Однако эту проблему, под грузом которой надломилась и рухнула советская цивилизация, придется решать – под страхом наступления новых «темных веков» и драматического снижения численности человечества, в ходе которого и мы, и наши дети можем умереть значительно раньше отведенного нам природой срока, а наша культура может быть полностью утрачена. Все более ясное понимание этого пугает интеллектуальную часть развитых обществ и, в том числе, интеллектуальную часть глобальных управляющих сетей Запада. Насколько можно судить по ряду косвенных признаков, в них продолжают глубоко скрытые дискуссии о выборе между сохранением привычной мотивации при превращении в людоедов или сохранением привычной морали при превращении в столь же пугающее либеральных интеллектуалов подобие коммунистов.

При этом сколько-нибудь значимые глобальные сетевые структуры, включая оба основных финансовых клана, оказались разделенными примерно пополам. Многочисленные открытые или рассчитанные на якобы нежелательную огласку призывы к выбору людоедской альтернативы, к физическому устранению «лишней» части человечества, доступные стороннему наблюдателю и произ-

водящие на него глубокое впечатление, свидетельствуют о жесткой внутренней дискуссии, ибо адресованы к внутренним оппонентам, невидимым извне. Прошлый раз подобное наблюдалось во время подготовки и начала агрессии США и их сателлитов по НАТО против Югославии в 1999 г. Тогда все управляющие и значимые политические системы Запада также были расколоты на сторонников и противников этого нападения примерно поровну, что не позволило дискуссиям вырваться за их пределы и обусловило решающее влияние внешнего (сначала американского, а затем российского коллаборационистского) воздействия.

Подобное «внесистемное» разделение – признак близящегося слома старой системы управления. Он показывает, что выбор, делаемый в ее организационных рамках, содержательно перестает укладываться в них и требует себе нового структурного выражения (которое, впрочем, так может и не быть найдено, как показывает «постюгославский» опыт западных обществ). Впрочем, в рассматриваемом нами случае принятие решения существенно упрощается естественной склонностью финансистов к сохранению чисто рыночной мотивации: им значительно легче стать рыночными людоедами, чем внерыночными гуманистами – второе будет означать для них принудительное перерождение, в то время как первое сохранит их природу, самооценку и мироощущение.

Вторым важным фактором, толкающим глобальные финансовые сети западной цивилизации к стратегической поддержке людоедства против гуманизации, представляется погружение развитой части человечества в глубокий моральный кризис, а точнее – его освобождение от пут традиционной морали, его последовательное и уверенное расчеловечивание.

Пример 1

Расчеловечивание Запада. Проявление морального кризиса современной западной цивилизации и, шире, всего человечества может наблюдать каждый из россиян, тесно соприкасающийся с экспатами¹. Как правило, одно из наиболее ярких и неожиданных впечатлений от их значительной части – отсутствие у них внутренней, собственной морали: они легко принимают правила игры обществ, в которые погружаются, и совершенно не стыдятся ис-

¹ Некоторое время постоянно живущие в России (обычно в связи с работой), но намеренные при этом вернуться домой представители развитых стран.

пытывать удовольствия, обычные для этих обществ, но запрещаемые их собственной моралью. Отсутствие у значительной части развитых обществ внутренней, собственной морали, которой они уверенно следовали бы без внешних институциональных подпорок, подтверждает чудовищный опыт трагедий, разыгрывающихся в районах стихийных бедствий (как, например, во время затопления Нового Орлеана в 2005 г.). Таким образом, мораль является для значительной части развитых обществ исключительно внешним, но не внутренним, институциональным, не личностным фактором стабилизации общества – и, как всякий внешний для личности фактор, она вырождается и теряет не только эффективность, но и простую адекватность.

Внутреннее освобождение личности от всякой морали, происходящее в современных развитых обществах, делает неизбежным и ее внешнее освобождение от нее, т.е. разрушение внешних институтов морали и расчеловечивание, дегуманизацию этих обществ не только к внешнему миру (что, в общем, уже произошло), но и по отношению к самим себе и к своим членам. Вероятно, завершение процесса дегуманизации произойдет под давлением кризиса пенсионной и социальной систем развитых стран (предвестие этого красочно и вполне убедительно описал бывший спичрайтер Клинтона Кристофер Бакли в книге «День бумеранга»), который будет ставить каждого индивидуума в положение бескомпромиссного выбора между личным и коллективным благосостоянием и тем самым разрушать внутреннюю солидарность соответствующих обществ.

Сетевая цивилизация. Образование неформальной глобальной управляющей сети на основе ресурсов современного Китая не просто облегчается, но и прямо диктуется самим характером китайской культуры и истории. С одной стороны, даже если не рассматривать опыт средневековых мореплавателей, «вскрытие» Китая колониальными державами в последней четверти XIX в., создав в нем колоссальные социальные проблемы, привело к массовой эмиграции китайцев, интенсивность которой вынудила, например, США ввести жесточайшие ограничения ради сохранения этнокультурного баланса, американского общества (да и просто рабочих мест). Способствовала эмиграции и длительная война с Японией, и гражданская война, тем более что обе сопровождались чудовищными массовыми зверствами (вроде нанкинской резни или блокады Чаньчуня), и итоговая победа коммунистов. При этом с началом экономических реформ эмиграция не наказывалась

(как из демографических, так и, насколько можно понять, из стратегических соображений): скажем, семья студента, уехавшего учиться за границу и не вернувшегося, не подвергалась сколь-нибудь значимым репрессиям.

Понятно, что длительный опыт жизни не просто «в рассеянии», но и в тесной связи с зарубежной диаспорой не просто существенно облегчает формирование транснациональных хозяйственных сетей, но и предопределяет его. В этом отношении китайцы весьма близки евреям и армянам, а скорее всего, значительно превосходят их (по крайней мере исследователям неизвестны такие явления, как неформальные еврейские – или армянские – банки). Даже само слово «эмигрант» на китайском языке означает не «отрезанный ломоть», как на нашем, но напротив – «мост на Родину». Таким образом, эмиграция изначально воспринимается китайской культурой (в том числе современной культурой управления) не как сборище потенциально опасных врагов, но как зарубежное продолжение Китая, как способ осуществления влияния далеко за его пределами.

Вместе с тем во многом благодаря наработанной за столетия культуре эмиграции китайское общество является сетевым по самой своей природе, что в полной мере выражается афоризмом «Китай не огражден государственными границами; Китай там, где живут китайцы». Формирование эмигрантами из Китая собственных замкнутых сообществ, живущих по собственным законам и не допускающих внешнего вмешательства в свои дела, прямо предопределяет неформальность управляющих систем. Эта неформальность общественных связей является одной из важнейших черт не только эмигрантской, но и всей китайской культуры, в том числе культуры управления.

Китайская цивилизация накопила колоссальный исторический опыт именно неформальных взаимодействий и не собирается отказываться от него, ибо он является одной из ее ключевых особенностей, одним из ее принципиальных конкурентных преимуществ. Исторические описания даже формально непримиримых противоборств кишат эпизодами не только совместных действий вроде бы принципиально противостоящих друг другу сил, но и, что представляется даже более важным, согласованных действий «по умолчанию». В этих действиях ненавидящие друг друга и жестоко воюющие друг с другом стороны достигают общей цели без всяких даже теневых контактов, демонстрируя тем самым высочайший уровень взаимопонимания. Сетевой и неформальный ха-

рактер управления, свойственный китайской культуре, не только качественно повышает эффективность китайского государства (так как неформальные сети, включая даже преступные, сравнительно легко превращаются в проводников его политики), но и накладывает на него дополнительные, порою весьма обременительные обязанности.

Так, когда после обеспечения видимого успеха экономических реформ (на первом этапе заключавшихся, по сути дела, в привлечении денег эмигрантов в континентальный Китай) китайскому государству удалось обеспечить серьезное влияние на общины эмигрантов, ему, насколько можно понять, пришлось длительное время использовать это влияние отнюдь не для достижения каких-либо содержательных целей своей политики. Главной его задачей оказалось, насколько можно судить, миротворчество: недопущение резни между враждующими общинами выходцев из различных регионов континентального Китая, которые оказались соседями в различных фешенебельных районах США и некоторых других тихоокеанских стран. Наличие разветвленных и в основном неформальных китайских глобальных сетей, как коммерческих, так и технологических и политических, позволяет рассматривать нынешнее руководство Китая как глобальную финансовую управляющую сеть, потенциально равнозначную Ротшильдам и Рокфеллерам, а может быть, и им обоим, вместе взятым. Практически полная непрозрачность, цивилизационные отличия, затрудняющие понимание ее образа действия и мотиваций, а также молодость (исключающая наличие даже исторических исследований ее особенностей) существенно повышают ее эффективность.

В то же время китайская глобальная финансовая управляющая сеть, пользуясь терминологией Гегеля, является таковой еще «в себе», а не «для себя»: она далеко не полностью осознает как свои возможности, так и ограничения, накладываемые на нее ее растущей мощью. Это вызвано невероятной скоростью ее развития и, в особенности, усиления. Возвышение Китая, его выход на авансцену глобальной политики было и остается стремительным, далеко опережающим все мыслимые планы. Не стоит забывать, как в середине 2000-х годов китайское руководство безуспешно пыталось снизить темпы экономического роста хотя бы до 8% во избежание «перегрева» экономики. В результате рост влияния Китая далеко обогнал возможности его управляющих структур даже не по использованию, а хотя бы по пониманию этого влияния.

Сегодняшнее китайское руководство напоминает актеров, которые, благодаря длительным титаническим усилиям прорвавшись на первый план, чтобы играть главные роли в пьесе, совершенно неожиданно для себя обнаружили, что пьеса-то не написана, и придумывать ее предстоит им самим, прямо по ходу стремительно разворачивающегося действия. Китайские аналитики признают, что сознание современной китайской управляющей системы в целом отстало от расширения сферы ее влияния и увеличения совокупной мощи последнего. В результате она, влияя в ходе решения своих текущих задач на весь мир не осознаваемым ею образом, вызывает столь не представимые ею заранее и оказывающиеся неожиданными (а часто и болезненными) обратные воздействия. Этот феномен «внезапной обратной связи» является одной из основных проблем современной китайской управляющей системы, оказавшейся глобальным игроком с региональным сознанием. Специфика китайской культуры, жестко утилитарной, прагматичной и склонной воспринимать (в том числе не осознаваемо) некитайскую часть человечества как варваров, способствует упрощению трудного положения китайской элиты путем постановки китайской глобальной мощи исключительно на службу решения текущих собственно китайских проблем. Учет глобальных последствий своих действий (кроме грозящих китайским интересам непосредственно) в этом случае не производится принципиально: основной недостаток просто начинает восприниматься если и не как достоинство, то просто как одна из характерных черт, имеющих полное право на существование. Это существенное упрощение ситуации для китайского управления уже в ближней перспективе угрожает превращением его в потенциально разрушительный фактор для Китая, а значит, и для всего мира.

Отвлечение внимания на глобальном уровне. Непубличность, скрытость – естественная специфика деятельности глобальных финансовых сетей. Тайна многократно увеличивает силу – и не только возможностью совершения внезапных действий, обладающих вследствие внезапности большими шансами на успех, но и, что порой бывает не менее важным, провоцированием у конкурентов либо противников совершенно бесосновательных страхов. Между тем наше время недаром называют временем принудительной открытости: упрощение коммуникаций не только создает объективные технологические предпосылки транспарентности, но и делает ее категорическим условием эффективности в новой, современной реальности. Таким образом, глобализация ставит фи-

нансовые управляющие сети в противоречивое положение: привыкшие к непубличным действиям и, более того, привыкшие использовать свою скрытность в качестве одного из основных конкурентных преимуществ, они оказались в ситуации, в которой прозрачность воспринимается как абсолютная норма, как не подлежащий обсуждению стандарт. Выход был найден, как обычно в таких случаях, в извращении стандарта – в том, что еще Ленин описывал словами «формально верно, а по сути, издевательство». Сочетание формальной прозрачности с эффективным сокрытием содержательной информации (актуальной еще и потому, что факт существования глобальных финансовых управляющих сетей к началу глобализации стал достоянием общественного сознания) достигается целым рядом разнообразных инструментов. Почетное место среди них занимает «белый шум»: распространение колоссального объема разнородной и интересной самой по себе, но совершенно не относящейся к делу информации.

Пример 2

«Гламур» как инструмент сокрытия информации. Частным случаем «белого шума» относительно глобальных управляющих сетей является информация о светской жизни: терабайты мельчайших незначимых подробностей из мельтешения мириад персонажей разнообразных тусовок надежно хоронят под своими завалами случайно просачивающуюся информацию о передвижениях и встречах тайных властителей нового мира. Забавно, что официальные лица, возможности которых существенно сужены по сравнению с представлениями о них основной массы граждан, подражают представителям глобальных управляющих систем в этом отвлечении общественного внимания на мелочи. Можно предположить, что причиной этого является не только политика информационной безопасности, но и элементарное чванство: стремление подражать заведомо более влиятельным людям, неизвестным широкой общественности, но хорошо известным им самим.

Помимо «белого шума», важным проявлением извращенной прозрачности является фиктивная демократичность – возведение формальных демократических институтов в абсолют, полностью извращающий их существо и надежно отграничивающий основную массу граждан даже развитых стран от реального принятия наиболее значимых для их будущего решений. Когда Джавахарлал Неру в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого века провозглашал, что «Индией управляют управляемые», он скорее всего сам

верил в это или по крайней мере искренне стремился к этой цели. Однако в настоящее время в большинстве случаев публичность и демократизм не более чем эксплуатируют хорошо известные психологам «технологии вовлечения». Они создают у управляемых иллюзию участия в принятии и даже самостоятельной выработке решений – и тем самым возлагают на них (причем в их собственных глазах!) ответственность за последствия реализации этих решений. По сути дела это всего лишь способ обеспечить согласие угнетаемых с угнетением, эксплуатируемых – с эксплуатацией, а в перспективе – и согласие утилизируемых со своей незавидной судьбой. Именно поэтому демократия не как содержательное явление (общественное устройство, позволяющее максимально полно учитывать существующие в обществе мнения и интересы), но именно как заведомо формальный набор институтов стала подлинным фетишем развитых обществ.

Наиболее полным выражением, подлинным апофеозом извращения прозрачности к настоящему времени представляется «политическая игротехника» Обама. Целый народ – причем народ наиболее развитой в мире страны – был вовлечен, по сути дела, в игру, в которой люди действовали, даже не пытаясь осознавать ответственности за свои действия. В результате президентом США стал человек, о котором всем известно практически все, кроме главного: чьи интересы и каким именно образом он будет выражать. Да, возможно, это не было известно даже ему самому (людей, играющих предназначенные им роли, далеко не всегда извещают о предстоящих им судьбах), однако глобальные управляющие сети (и не только крупнейшие, которые названы выше) возлагали на него определенные надежды и строили связанные с ним определенные планы. Эти надежды и планы и есть его стратегия – пусть даже и вынужденная, – и люди, открыто и публично избравшие этого самого открытого и публичного из всех политиков США (если не всего мира), не знают о них практически ничего!

Таким образом, формальная публичность стала к настоящему времени эффективным инструментом сокрытия намерений и манипулирования обществами, применяемым в первую очередь глобальными управляющими сетями (просто потому, что их положение наиболее соответствует требованиям применения этого инструмента). А это значит, что, к сожалению, формальная демократия, основанная на стандартном наборе демократических институтов, не способна ограничить скрытое влияние и, более того, разрушительный произвол глобальных управляющих сетей.

Она ведь сама является не только средством реализации ими своих интересов (при помощи извращения публичности), но и, более того, средой существования этих сетей. Их сдерживание объективно требует ограничения стандартных демократических институтов, отступления от формальной демократии ради восстановления демократии содержательной (неуклонные попытки чего, собственно говоря, и наблюдаются в США после 11 сентября 2001 г.).

Опорой в сдерживании глобальных управляющих сетей должны стать все те национально и культурно обособленные силы, которые в силу самого своего существования воспринимаются представителями этих сетей «глобальными кочевниками», как непримиримые враги, подлежащие уничтожению.

Это фундаментальное противоречие глобализации является объективной предпосылкой для восстановления национального единства, ибо противоречия между интересами народов и глобальных сетей или, выражаясь классовым языком, между глобальным управляющим классом и отдельными обществами, низведенными до положения объектов эксплуатации этим классом, неизмеримо глубже и острее, чем классовые противоречия внутри обществ. Основной проблемой каждого общества оказывается способность выявить внутри себя «пятую колонну» представителей глобального управляющего класса и освободиться от ее влияния возможно более гуманным по отношению к ним способом (хотя главным критерием успеха и, более того, продолжения существования обществ и народов будет именно лишение этих людей всякого влияния). Исчерпание возможностей дальнейшей интеграции и неминуемый, хотя и частичный, откат к протекционизму создает объективные экономические предпосылки (необходимые, но ни в коем случае не достаточные!) для успеха нового витка «национально-освободительной войны» в этом современном, глобализированном виде.

«Наш Современник», М., 2011 г., № 11, с. 151–160.

Леокадия Дробижева,

доктор исторических наук
(Институт социологии РАН)

**РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И ТОЛЕРАНТНОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ 20 ЛЕТ РЕФОРМ**

Формирование солидарной идентичности граждан во всех странах считается необходимым условием сохранения целостно-

сти государства и поддержания согласия в обществе. В статье рассматривается изменение содержания идентичностей в России и толерантность межэтнических установок русских и людей других национальностей за 20 лет реформ. Материалом для рассмотрения служат итоги общероссийских социологических исследований Института социологии РАН, результаты опросов Левада-центра, Европейского социального исследования (ESS) и исследований под руководством автора в ряде республик Российской Федерации.

Предваряя анализ итогов изучения изменений, произошедших в идентификациях и межэтнических установках российских граждан, остановимся на пояснении ряда используемых терминов, связанных с методологическими подходами к рассматриваемой теме.

Термин «российская идентичность» может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственное, и гражданское самосознание. В США, Франции скорее всего это равнозначные понятия, хотя в каких-то случаях они и различаются. В России же представление о гражданском сообществе как политической нации только складывается, и нередко люди, отвечая на вопрос о гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству.

При формировании государственной идентичности волей лидера, политической элитой через средства образования и СМИ идеи, символы и знаки закрепляются в официальных документах, воздействуют на общественное сознание, конструируя лояльность государству, представления о его истории, законах, нормах.

Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, чувства общности с гражданами страны, солидарности вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. В кросскультурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется обычно принятием ответственности за дела в стране ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политических акциях (выборах и т.п.), чувством солидарности.

Естественно, между государственной и гражданской идентичностью нет непроходимой стены, а самое главное, наши соотечественники не всегда различают эти свои идентичности. Поэтому, когда такого различия мы не фиксируем, используем понятие «государственно-гражданская идентичность». Когда же речь идет о гражданской идентичности, там, где есть необходимость, мы

уточняем, что это национально-гражданская идентичность, которая включает не столько лояльность государству, сколько отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности, здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы – готовность к действию во имя этих представлений и переживаний.

Государственно-гражданская идентичность редко рассматривается в соотношении с такими групповыми идентичностями, как социальные и даже поколенческие, и намного чаще сравнивается с региональными и этническими, так как имплицитно предполагается, что именно они способны «противостоять», подпитывать сепаратизм территорий. Поэтому именно на соотношение государственно-гражданской идентичности с последними обращается особое внимание.

Этническая идентичность, так же как государственная, нами понимается широко, не только как самоотождествление, но и как представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений. В условиях глобализации этническую идентичность чаще интерпретируют как проявление традиционализма, а гражданскую – современности.

Элементом когнитивно-эмоциональных компонентов в структуре государственной и гражданской идентичности является система стереотипов – представлений о действительных или воображаемых чертах своей общности (автостереотипы) и дифференцирующих представлений о других группах (гетеростереотипы). Такие гетеростереотипы существуют и в отношении жителей других стран, и в отношении других этнических групп. Они могут отражать те или иные реальности, но их неправильно оценивать как характеристику народа – и в гражданском, и в этническом понимании. Такие приписывания являются опасным инструментом насаждения заинтересованными лицами враждебного отношения между группами. Сами же отношения между ними на социально-психологическом, личностном уровнях измеряются установками – готовностью к взаимодействию с другими. В нашем поле исследования – готовностью к взаимодействию с людьми разной этнической принадлежности или гражданами других стран.

В названии статьи используется понятие «толерантность» межэтнических отношений – этим мы подчеркиваем, что анализируем социально-психологический уровень отношений, а не институциональный, политический (анализ на этом уровне требует других источников). Но вместе с тем мы используем понятие «межэтнические», а не «межкультурные» отношения. В поле нашего зрения установки респондентов на общение с людьми разных национальностей, а они определяются не только особенностями культурных традиций, но и интересами – социальными, политическими, экономическими.

В социологии и психологии идею формирования идентичности как результата межэтнических взаимодействий связывают с именами Джорджа Мида и Генри Тэджфела. Но совершенно очевидно, что в формировании идентичностей – страновой, гражданской, этнической, локальной – важную роль играет система идей, идеалов, ценностей, господствующих в обществе и формируемых элитами и государством через систему образования, СМИ, символы, образы.

Не случайно на уровне высших государственных органов через послания Президента РФ Федеральному Собранию, выступления на форумах транслируется консолидирующее понятие политической нации в значении согражданства, т.е. сообщества граждан Российского государства. Такая трактовка вкладывается в дискурс через понятия «российская нация», «единый народ России», «мы – многонациональный народ России» (в значении национальностей – русских, татар, чувашей и др.).

Обратим внимание читателей на парадокс с идентичностями в условиях глобализации. В мировом научном сообществе и публичном пространстве артикулируется, что государство и этничность в глобальном обществе теряют значение. Знаменитый социолог З. Бауман на рубеже XX–XXI вв. пишет, что в современном мире перетасовываемых ценностей и расплывающихся рамок идентичности представляются чем-то, что может надеваться и сниматься, вроде костюма. Важно, чтобы была свобода выбора. Ученый приводит аргументы в пользу таких констатаций. И в то же время после событий 11 сентября 2001 г. президент США Джордж Буш обращается к согражданам: «Мы – нация, которая даст отпор террористам». А Президент РФ Дмитрий Медведев заявляет после событий на Манежной площади: «...наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих

нашу страну». Существование национальной идентичности во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом, утверждает Фрэнсис Фукуяма, рассуждая об идентичностях в США и европейских государствах.

Отметим также, что при всех общих процессах, которые идут в России, как и в других странах, у нас последние 20 лет были особые условия. Старшее и среднее поколения потеряли ту страну, в которой они жили: изменились пространственные очертания государства, его устройство, система отношений, устои и образ жизни людей, этнический состав населения. Российские граждане живут в государстве, образ которого для большинства из них 20 лет назад был совершенно иным.

В первые годы новой России немало людей вообще еще чувствовали себя «гражданами СССР». В 1992 г., когда мы проводили опросы в Москве – столице государства, только четверть респондентов идентифицировали себя как россиян. И это было понятно. В отличие от народов союзных республик, которые воспринимали себя советскими людьми, но одновременно ассоциировали себя с республикой – Арменией, Грузией, Азербайджаном и тем более Эстонией, Литвой, Латвией и т.д., жившие в РСФСР редко идентифицировали себя как россиян. Только при Б. Ельцине, во многом благодаря политическому противостоянию с Михаилом Горбачёвым, началось строительство российской нации. Оно происходило на той же волне, что и в других советских республиках, – на противопоставлении. Россия появилась как государство, которое никто не хотел. Авторы Беловежского проекта думали, что будет СНГ. Даже за океаном беспокоились в связи с появлением самостоятельного государства – Российской Федерации. Не случайно Джордж Буш ездил на Украину для переговоров с Леонидом Кравчуком, опасаясь, что имеющий атомное оружие СССР повторит «судьбу Югославии».

Болезненность появления Российской Федерации в результате распада СССР сказывалась не только на утверждении российской идентичности, но и на ее характере, содержании представлений о ней, установках россиян по отношению к «другим», что мы покажем на результатах исследований. Естественно, когда разрушалась в сознании людей прежняя государственная идентичность, актуализировалась этническая, региональная, конфессиональная идентичность.

Исследования Института социологии РАН под руководством В. Ядова показывали, что по общероссийской выборке в 1990-е и в

начале 2000-х годов этническая идентичность превалировала у людей. То же фиксировали мы в исследованиях по республикам Северная Осетия–Алания, Татарстан, Тыва, Саха (Якутия). Но и российская идентичность восстанавливалась исторически довольно быстро. В 2002 г. она была зафиксирована у 63% населения. Примерно те же данные были получены в середине 2000-х годов в других исследованиях Института социологии РАН, проведенных совместно с Университетом Северной Каролины (США). 65% идентифицировали себя как граждане России в 2006 г. С точностью до 1% повторились данные в исследовании Института сравнительных социальных исследований, который участвовал в ESS в 2006 г.

И вот теперь, в 2011 г., определяя свою идентичность, 95% опрошенных в стране, по данным исследования Института социологии РАН «20 лет реформ» под руководством Михаила Горшкова, в той или иной степени идентифицировали себя как «граждане России». Конечно, надо иметь в виду, что это данные, полученные по всероссийской выборке, в которой доминирующее большинство составляют русские. По результатам опроса, 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Это наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей (см. табл. 1).

Таблица 1

С кем люди ощущают связь в значительной степени

С гражданами России	72%
С земляками	60%
С людьми таких же взглядов на жизнь	52%
С людьми той же национальности	51%
С людьми той же веры	42%
С людьми той же профессии	40%

А ведь еще в 2004 г., согласно опросам, российская идентичность по масштабам и интенсивности очевидно уступала этнической идентичности. Россиянами называли себя 78% опрошенных, сильную связь с гражданами России ощущали 31% респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2

	2004 г.	2011 г.
1. Ощущают сильную связь с гражданами России	31%	72%
2. Ощущают сильную связь по взглядам на жизнь	54%	52%
3. Ощущают сильную связь с людьми той же профессии	53%	42%
4. Ощущают сильную связь с людьми той же национальности	47%	51%
5. Ощущают сильную связь с жителями своего города, села	30%	60%

Если в 2004 г. идентификация со страной хоть и не столь значительно, но все же очевидно уступала идентификации людей по профессии, взглядам на жизнь и национальности, то в 2011 г. российская идентичность первенствовала, а ощущение «сильной связи» с гражданами России выросло вдвое. Восстановилась связь времен. Ведь в новой российской идентичности присутствует и досоветский пласт исторической памяти. По силе связи со страной россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ.

Наибольшее внимание сосредоточивается на сравнении российской идентичности с этнической, региональной, локальной идентичностью, поскольку в них отражаются процессы интеграции в стране. Идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто преобладающей, но и конкурирующей в сравнении с государственной.

В 2000-е годы притупилась боль у тех, кто остро переживал распад Союза, люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену сплошной критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» постепенно начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Давало какие-то результаты использование механизмов нацистроительства – стимулирование чувства достоинства, самооценности граждан.

Молодежь откликнулась на призыв «Россия, вперед!», начала проявлять интерес к исторической реконструкции (Невская битва, Бородино и др.), участвовать в военно-спортивных организациях («Десантник», «Военный десантник», «Русские витязи»

и др.). Вопрос в том, можно ли «считать борьбой за честь Отчизны кулачную спортивную борьбу», а также в том, как не допустить использования этих молодежных организаций деконструктивными силами. Ведь участники спортивных соревнований, особенно тех, где присутствовали фанатские объединения, легко откликались на националистические призывы. Похоже, интересы конструкторов государственно-гражданской идентичности имели почву среди масс, ощущающих потребность в солидаризации русских.

Почти полное совпадение принятия и государственно-гражданской, и этнической идентичности (95 и 90%) дает основание предположить, что для многих, особенно для тех, кто ощущал «сильную связь» и с людьми своей национальности, и с гражданами России, российская идентификация наполнялась этническим содержанием.

Хотя, как показывали глубинные интервью, содержательно эти идентичности различались. Раскрывая свое понимание российской идентичности, респонденты чаще говорят о государстве, месте России в мире, принадлежности к цивилизационному ряду, истории страны и достижениях в науке, профессиональной культуре. Понятие же этничности раскрывается через происхождение родителей, язык, обычаи, обряды, принадлежность к конфессии.

Тем не менее, когда респондентам задавался уточняющий вопрос: «Кем вы себя чувствуете в большей мере?», 25% ответили, что ощущают себя в равной мере и теми и другими, но большая часть (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом среди русских называло себя «скорее россиянами» чуть больше, чем среди людей других национальностей (48% против 39%).

Таким образом, и ответы на этот уточняющий вопрос подтвердили установленную тенденцию.

Что же консолидирует россиян? По ранее проведенным исследованиям установлено, что самым значимым фактором для идентификации является государство, он набирает вдвое большее число голосов, чем любое другое значимое представление, объединяющее россиян, – 60–75%. Среди других консолидирующих представлений 20–35% респондентов называют «ответственность за судьбу страны», «человеческие связи», историческое прошлое, родную землю, природу, язык и культуру. Обычаи, черты характера и иное называли до 10% респондентов. Это вполне естественно, ведь речь идет о российской идентичности, которая не случайно часто россиянами воспринимается как государственная, страновая.

Именно за счет такого восприятия она так быстро становилась массовой.

Конечно, об этой тенденции мы судим по результатам опросов, которые проходили в субъектах Федерации с доминирующим русским населением. Республики в данном исследовании были представлены Татарстаном. Поэтому дополним эти материалы результатами опросов в регионах.

По данным ESS, с россиянами чаще себя идентифицировали на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, в Центре, Поволжье, Центрально-Черноземном, Волго-Вятском регионах и на Урале – 74,5–60,7%. На Северо-Западе – 59,7%, в Западной и Восточной Сибири – 51,5–54,3% (в целом по России на 2006 г. – 64,3%).

Исследование, осуществленное Межрегиональными институтами общественных наук (МИОНЫ) и Институтом социологии РАН при поддержке ИНО-Центра, зафиксировало государственно-гражданскую идентичность у 90–95% респондентов в Воронежской, Свердловской, Томской областях, 82 – в Новгородской, Саратовской областях, 60–77% – в Калининградской области, Республике Бурятия, Приморском крае. В 2006–2008 гг. по той же методике проходили исследования в ряде республик. В Саха (Якутии) идентифицировали себя гражданами России 90% и саха, и русских. В Татарстане татары и русские чаще всего чувствовали себя и россиянами, и татарстанцами (63 и 71% соответственно). На Северном Кавказе в Грозном, по данным Института этнологии и антропологии РАН, с россиянами уверенно себя идентифицировали 25%.

На идентификацию себя с гражданами страны, естественно, влияют разные обстоятельства. Человек определяет свою позицию в системе координат, отождествляет себя с той или иной общностью, он свободен в выборе и делает его на основе осознания (в основе – конструктивистский подход по Питеру Бергеру, Томасу Лукману).

Но в момент опроса личность в реальной жизненной ситуации отождествляет себя с разными общностями и пространствами, делает выбор. На этот выбор может влиять и этнический состав населения (если прибывают новые иммигранты, то человек чаще может ощущать свою страновую и этническую отличительность), и политическая ситуация (например, значимость действий центра для региона). Так, для якутян важно, как осуществляется северный завоз, без которого на их территории нельзя прожить, как помогает центр во время наводнений и т.д. Имеет значение историческая

традиция и недавние события, связанные с национальными движениями, конфликтами. Очевиднее всего это проявляется в северокавказских республиках, но влияет и на других территориях РФ.

От конкретных региональных ситуаций зависит и само содержание представлений о российской идентичности, в соответствии с которыми человек ощущает себя россиянином. У одних людей превалирует ассоциированность по принципу государственной принадлежности, у других – это больше выполнение гражданского долга, каких-то обязательств перед своими согражданами.

В первом случае российская идентичность выступает больше как идентификация с государственной общностью – как национально-государственная, политическая идентичность, во втором – как гражданская идентичность. Между ними нет, как упоминалось, непроходимой стены. Но у нас гражданское общество еще только формируется, а историческая традиция больше акцентирует представления людей в сторону лояльности государству, нежели гражданской солидарности. Поэтому даже при сходных показателях идентифицирующих себя с российскими гражданами значение и ассоциирующиеся у людей символы российскости могут различаться. И такие различия проявляются не только у людей в каком-то конкретном регионе, но и в межрегиональном разрезе.

Можно допустить, что относительно высокие показатели по Северо-Кавказскому региону, полученные в Европейском социальном исследовании, связаны больше именно с ассоциациями с государством или желанием продемонстрировать лояльность при опросе. Возможно, это реакция на дискриминационные высказывания, звучащие порой в центре, стремление показать – мы такие же граждане России, как и вы.

Каких-то заметных возрастных различий в идентификации себя как россиян и по этническому признаку нет. Немного больше идентифицирующих себя с людьми своей национальности среди самого старшего поколения – 93 против 87% среди молодежи 18–25 лет, что скорее всего связано с пережитыми им национальными движениями в республиках СССР, расколом Союза и, возможно, реакцией на приток инокультурных мигрантов. Это подтверждается тем, что при альтернативном выборе среди старшего поколения людей, «скорее чувствующих себя россиянами», тоже оказалось чуть больше (53 против 44% среди 18–25-летних).

При таких высоких показателях распространенности и российской, и этнической идентичности подтверждается их совместимость и теряет остроту вопрос их конкурентности. Казалось бы,

данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Однако важны основания интегрированности. Исследования Левада-центра в 90-е годы давали основания говорить о негативной идентичности наших сограждан. Мы знаем о высокой социальной дифференцированности и политической разобщенности. Но, очевидно, все же есть в обществе ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими.

Сама страна, где ты родился и жил, Родина, – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом (речь идет о нормальном, а не о квасном патриотизме). «Что для Вас значит быть патриотом России?» – спрашивали в ходе опросов респондентов. Во всех поколениях были согласованные ответы: «любить свою страну» – 95–99%, «стремиться улучшить жизнь в стране» – 92–97%, «гордиться своей страной» – 91–97%. Это ответы на вопрос об абстрактных представлениях респондентов.

Исследователи Левада-центра задавали вопрос, относящийся к самому респонденту: «Гордитесь ли Вы тем, что живете в России?» С 1996 г. они получали положительные ответы («определенно да», «скорее да») более 70–80% опрошенных. Можно вспомнить, как радовалось большинство россиян, когда страна выиграла право на проведение зимней Олимпиады в Сочи. 71% респондентов, по опросам проекта «20 лет реформ», отнесли это событие к положительным за истекшее десятилетие. Ведь нередко наши граждане испытывают «чувство стыда за нынешнее состояние своей страны». О таких чувствах за последний год заявило большинство (37% испытывали это чувство часто, и еще 48% – иногда). В такой ситуации и историческая память, и нынешнее состояние сознания подсказывают поиски компенсации.

И вот при ответе на вопрос: «Какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей?» (респондентам предлагалось выбрать из 11 вариантов не более трех ответов) наибольшее число выборов (42%) получила «идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы». Идеи «возвращения к социалистическим идеалам», «объединения славянских народов», «решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством», «правового государства» набирали 13–38% ответов.

Данные опроса не дают основания однозначно толковать стремление россиян к «возрождению великой державы» как агрессивные державнические настроения. Мнение об «особой исторической миссии России» разделяют не более 9% опрошенных. Скорее идея величия – это компенсаторная потребность, и связана она с патриотическими настроениями, которые действительно достаточно представительны. Устойчиво поддерживается мнение «Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать», его разделяют половина опрошенных (52%).

Патриотизм этот, конечно, не всегда критичный. С тем, что патриот должен «говорить о стране правду, какой бы она ни была», не согласились пятая часть опрошенных, треть были согласны с тем, что надо «не говорить, что у твоей страны есть недостатки». Есть и другой подтвержденный опросом неблагоприятный симптом – солидаризация в немалой мере основана на обидах. 62% респондентов присоединились к мнению: «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей, – 64 против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из СССР народов бывших союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, за критику пережитого общего прошлого.

Отсюда такая чувствительность к вопросу о том, какое место должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. С одной стороны, у старшего поколения еще живут прежние представления о нормах в стране, где каждый человек «надежный товарищ и друг», у части среднего и младшего – о гуманных ценностях толерантности, которые декларирует демократия. С другой стороны, у части русских сильна обида за потерю статуса старшего брата.

За 20 лет эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. Россия в эти годы стала третьей страной в мире после США и ФРГ по притоку иммигрантов. И происходило это на фоне существенно изменившегося этнического состава населения. В СССР русские составляли 51%, теперь в Российской Федерации их 80%. К тому же мы переживаем последствия чеченского кризиса (на восстановление республики затрачиваются миллиарды рублей, а в ответ проходят митинги под лозунгом «Хватит кормить Кавказ!»).

ди угроз, которые вызывают наибольшие тревоги, опрошенные на втором месте после терроризма (что тоже зачастую имеет кавказский след) назвали «втягивание России в долгосрочный конфликт на Кавказе».

Российская идентичность конструировалась как солидаризирующая, снижающая этнически маркирующую социальную и политическую дифференциацию. На это надеялась и власть, и активная часть общества, во всяком случае либерально ориентированная или ощущающая опасность дискриминации. И хотя был опыт британской идентичности, который смягчил постколониальную ситуацию, но не спас от североирландского конфликта и лондонских эксцессов лета 2001 г., и опыт французской политической нации, не уберегший от волнений в социально неблагополучных кварталах, все же надежды не умирали и энтузиазм разных политических сил в формировании российской политической нации и российской идентичности не спадал.

Социологические исследования, в том числе по проектам «20 лет реформ», «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества», показывали – проблемы межэтнических отношений остаются.

Этнополитические установки даже тех, кто чувствует себя «больше россиянином, чем человеком своей национальностью», не отличаются существенно в более лояльную сторону. 68% из них ответили, что испытывают раздражение или неприязнь к представителям каких-то национальностей. Чаще всего в этом случае имеются в виду люди, приехавшие из республик Северного Кавказа и Центральной Азии. 61% одобрили бы метод сталинского прошлого и нынешней Франции периода Николя Саркози – принудительное выселение каких-то национальностей из города или села, в котором они живут.

Таким образом, российская идентичность, отражая формирование политической, гражданской нации в стране, включает, как и в старых демократиях, представления и установки, далеко не всегда соответствующие гражданским идеалам. В условиях, когда к объективно имеющемуся положению в стране политиками-популистами добавлялась политизация этнического фактора, представления людей о многонациональности как исторической данности нашей страны менялось. «То, что в России живут люди разных национальностей, это скорее преимущество для развития страны или скорее проблема?» – спрашивали респондентов. Однозначно считали это преимуществом 16%. Позиция «и то и другое» была

самая распространенная и набрала 41%, а 28% полагают, что это «скорее проблема».

За 20 истекших лет не потерял остроты вопрос о том, является ли Россия общим домом для живущих в ней национальностей. Представление о том, что все народы, населяющие Россию, должны обладать равными правами, остается наиболее распространенным, но с каждым годом становится все менее поддерживаемым. В 1990-е годы это было мнение очевидного большинства (64–65%), в 2001 г. – 61, а в 2011 г. – 47% респондентов.

Зато доля людей, которые полагают, что «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», выросла вдвое с 1995 по 2011 г. – с 14 до 31%, а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей», они составляют 45% (25% в 1995 г.). Открытую поддержку идее русской исключительности чаще других высказывают молодежь и малообразованные россияне. В столицах же (Москве и Санкт-Петербурге) довольно высок процент «мягких националистов» (40% против 30–32% в других типах поселения), уверенных, что русские, как большинство, отвечающее за дела в стране, должны быть наделены большими правами, чем другие народы.

Казалось бы, в мегаполисах больше образованных, самодостаточных людей, удовлетворенных условиями жизни и работой. Тем не менее конкуренция за престижные места, высокие запросы, которые, естественно, не всегда можно удовлетворить, а главное, быстрый приток инациональных мигрантов обостряют здесь национальные чувства, претензии и, надо признать, радикальные установки. Эта ситуация фиксировалась опросами Левада-центра. Среди сторонников идеи наделения русских большими правами сильнее выражены установки на допустимость насилия «в случае нарушения справедливости в отношении своего народа» и больше готовность к отделению «неблагодарных» народов. В этом случае мнение о праве на выход из состава России диктуется отнюдь не либеральными взглядами. Обратим внимание, больше различий именно между уверенными прорусскими государственниками и уверенными интернационалистами (см. табл. 3).

Все это говорит о том, что самосознание русских актуализировано. 79% разделяют мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», а 82% отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности». Предыдущие исследования 90-х годов даже в республиках, где русские

более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей потребности в аффилиации. Вместе с тем мнение это скорее солидаризирующее, чем отражающее реальную практику, поскольку одновременно 47% отвечают, что редко задумываются о том, кто они по национальности.

Таблица 3

**Этнополитические установки у людей
с разными взглядами
на многонациональность России (в %)**

Этнополитические установки		С каким из приведенных ниже суждений Вы согласны?		
		Россия должна быть государством русских людей, и русские должны иметь больше прав	Россия – общий дом многих народов, обладающих равными правами	Затрудняюсь ответить
Было бы лучше, если бы народы, которые не хотят мирно жить вместе, имели право выхода из России	полностью согласны	32,2	17,9	19,7
	скорее согласны	38,3	37,5	51,1
	скорее не согласны	19,9	28,3	19,0
	не согласны	9,5	16,3	8,0
	затрудняюсь ответить	0	0,1	2,2
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	полностью согласны	22,2	11,7	12,4
	скорее согласны	30,8	24,9	24,8
	скорее не согласны	32,3	40,8	37,2
	не согласны	14,4	22,2	23,4
	затрудняюсь ответить	0,3	0,4	2,2

Ставшая массовой, уверенной и достаточно сильной российской идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, безусловно, важный итог 20-летия, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний.

Половина респондентов фиксировали, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, и полагали, что за 2000-е годы межнациональные отношения ухудшились. Те же данные были получены в опросах Левада-центра.

За 20 лет не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности. Негативные установки на разные виды контактов колебались в 1994 г. в пределах 22–43%, в 2011 г. – 29–47%. Наиболее часто неприязнь на этнической почве опрошенные объясняют тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» – об этом заявили 63%. Другой аргумент – различия «в поведении людей, их образе жизни» (39%), и только 1/5 респондентов ощущают конкуренцию за престижные рабочие места. Это вполне понятно, так как большинство инокультурных мигрантов берутся за работу, на которую местное население не претендует.

Драматизировать межэтнические отношения не стоит. Об этом говорил Дмитрий Медведев на заседании президиума Госсовета 11 февраля 2011 г. Различными исследовательскими центрами подтверждается – доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в пределах 30%. 89% опрошенных полагают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 44% одновременно считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», и 41% согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских такие настроения распространены даже больше, чем среди других национальностей (43 и 34% соответственно).

Это новая ситуация 2000-х годов. В 1990-е годы подобные настроения намного чаще встречались у нерусских. Эти ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания, о чем говорилось выше, и в значительной мере являются реакцией на быстрый приток инокультурных мигрантов. В этом русские не отличаются от граждан других европейских стран, оказавшихся в такой же ситуации. Как известно, во Франции президент Саркози принял решение о выселении цыган. Мы спрашивали наших граждан об их отношении к принудительному выселению людей тех национальностей, вокруг которых сформировался «образа врага».

Среди русских тех, кто не одобрил бы принудительное выселение, больше, чем одобряющих – 46 против 39%, а среди других национальностей – 60 против 25%. Но сторонников силовых действий достаточно много и, что особенно тревожно, их больше среди молодежи. Среди тех, кому 18–25 лет, – 46%, 50 лет и старше – 36–37%. В поддержку радикального решения «национальных

проблем» высказывается немало представителей социально обездоленных слоев населения. При этом в наибольшей мере такая позиция характерна для жителей столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) – 63% (по сравнению с 33–38% среди жителей других типов поселения).

С чем связаны подобные настроения? Сказать, что достаточно большая группа молодежи или жителей Москвы и Санкт-Петербурга – убежденные ксенофобы, нельзя. Ведь 85% 18–25-летних считают недопустимым насилие в межнациональных спорах. Совмещенные негативные межэтнические установки имеют около 15%. А вот ощущение потерь за последние 15–20 лет, т.е. практически за всю их недолгую сознательную жизнь, среди них даже больше, чем у людей среднего возраста. Скорее всего, за таким ощущением кроется недовольство молодежи той практикой нынешней жизни, с которой они сталкиваются, более остро реагируя и на коррумпированность, и на социальную несправедливость.

Надо сказать, что среди испытывающих раздражение и неприязнь к представителям каких-то национальностей доля людей с ощущением, что они «много потеряли за последние 15–20 лет», – 70%, вдвое больше, чем среди тех, у кого такого ощущения нет. Речь идет не только о потерях в уровне жизни (их ощущают для себя лично 35%), но и об утрате безопасности (35%), росте коррупции в стране (32%) и, что очень важно для каждого человека, утрате уверенности в завтрашнем дне (43%).

Комплекс социальных обид и неудовлетворенности принимает форму ущемления этнических чувств. События на Манежной площади 11 декабря 2010 г. это очевидно показали.

Наш основной вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Символические заявления о «единстве российской нации», толерантности в межэтнических взаимодействиях, любви к Родине не должны расходиться с тем, что люди видят в реальности. Иначе государственная и даже гражданская идентичность от враждебности к «другим» нас не спасет. Нужны усилия общества и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом.

*«Вестник Института Кеннана в России»,
М., 2011 г., вып. 20, с. 22–32.*

А. Сайдарханов,
публицист
**УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ
В РОССИИ В РАЗВИТИИ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Необходимым условием демократических преобразований является развитие гражданского общества. Для этого в современной России принимаются меры для укрепления социально-политических институтов, способных максимально полно и точно артикулировать и реализовывать интересы различных социальных групп населения, а также для формирования системы активных и эффективных коммуникаций между ними. К социально значимым институтам гражданского общества относятся местные сообщества. Они являются продуктом естественного развития человеческого общества, формой реализации социальной сущности человека.

Местные сообщества упорядочивают отношения людей, совместно проживающих в территориально ограниченной природной и социальной среде. Однако в политико-правовой литературе обнаруживается отсутствие единообразных определений сущности местных сообществ. Среди причин гносеологических затруднений выделяются естественные различия природно-климатических, социально-поселенческих, экономических, духовных и иных условий, вследствие которых все местные сообщества уникальны по структуре и методам деятельности. Поэтому некоторые авторы определяют «местное сообщество» как любое множество социальных отношений, осуществляемых людьми внутри некоторых границ поселений, или социальную сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории, или наименьшую территориальную группу, которая может охватывать все аспекты человеческой жизни. Другие авторы предлагают термином «местное сообщество» обозначать устойчивую по составу социально-поселенческую группу людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов использования ресурсов территории для обеспечения их жизнедеятельности, сформировавших публичные органы власти и управления.

В законодательстве РФ термин «местное сообщество» не упоминается, хотя п. 1 ст. 131 Конституции РФ предоставляет гражданам свободу выбора форм органов местного самоуправления, а в ст. 12 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об

общественных объединениях» дано определение органа общественной самодеятельности, которое соответствует реальным признакам местного сообщества: «Органом общественной самодеятельности является не имеющее членства общественное объединение, целью которого является совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы, направленных на удовлетворение потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей и реализацией программ органа общественной самодеятельности. Органы общественной самодеятельности не имеют над собой вышестоящих органов или организаций...» В указанных правовых актах даны определения двойственного характера местных сообществ и как формы местного самоуправления, и как формы общественного объединения, что недопустимо для одного феномена и указывает на необходимость уточнения.

Для определения сущности местных сообществ, их места и роли в современном гражданском обществе России обратимся к их структурно-функциональному анализу, который обнаруживает у местных сообществ сходные по форме и функциям структурные элементы, однотипные связи-отношения между ними, а следовательно, позволяет систематизировать их и определить закономерности их формирования и развития.

Так как основная часть жизни большинства граждан России проходит оседло в конкретных социально-поселенческих группах, в которых люди реализуют свои биогенные, социогенные и духовные потребности, то структура местных сообществ, характер отношений между его членами, взаимодействие с другими местными сообществами, иными формами общественных объединений и органами государственной власти имеют большое значение для людей. Каждое местное сообщество самостоятельно адаптирует, приспособливает для себя формы организации и методы деятельности, что превращает их в универсальный механизм выявления и реализации актуальных проблем населения.

В устойчивых социально-поселенческих группах неизбежно происходят артикуляция и агрегация, наложение, пересечение индивидуальных и групповых интересов, при анализе которых обнаруживаются различия профессиональных, этнических, гендерных, конфессиональных, образовательных, досуговых и иных интересов, ценностей. Благодаря их неповторимому сочетанию в местных сообществах выделяются разные императивы и соответст-

вующие им механизмы реализации интересов. Односельчане вынуждены взаимодействовать, создавать и развивать межличностные, личностно-групповые, межгрупповые и иные связи-отношения, которые могут иметь разную социальную ориентацию и интенсивность. В зависимости от доминирующей политико-правовой культуры в местном сообществе формируются условия реализации прав и свобод граждан, из-за чего отношения членов сообщества варьируют в широком диапазоне от добрососедского взаимовыгодного сотрудничества до порабощения. Местные сообщества, заинтересованные в бесконфликтном развитии, формируют и поддерживают обстановку взаимопонимания различий, взаимного уважения и терпимого отношения друг к другу.

В структуре местных сообществ выделяются три вида (типа) компонентов: территориальные, социологические, культурные, имеющие территориальные, социальные, культурные, психологические и иные открытые и латентные внутригрупповые, личностно-групповые связи-отношения, интенсивность и эффективность которых во многом зависят от степени общности интересов совместно проживающих граждан (сограждан).

Структурные элементы местных сообществ различаются по месту и роли в общественной жизни. Совокупности таких элементов в современных условиях редко бывают статичными, а тенденции их динамичных изменений обуславливаются доминантами, возникающими в зависимости от конкретных исторических условий, направлений планомерного организованного или спонтанного развития сообществ, природно-климатических и иных факторов.

Так, миграционные процессы, активизировавшиеся в России с 1990-х годов (их природа, предпосылки и факторы заслуживают специального обсуждения), приводят к тому, что в некоторых поселениях наряду с коренным («старожилым») населением поселяются переселенцы («новопоселенцы»), имеющие этнические, экономические, культурные, конфессиональные и иные отличия. Замечено, что при небольшой численности и разобщенности «новопоселенцы» стремятся быстрее войти в местное сообщество, занять в нем равноправное положение с другими согражданами. При этом мигранты готовы проявлять высокий уровень толерантности, воспринимать культуру и социальные нормы местного сообщества, «нивелироваться» в нем.

В противных случаях, когда мигранты проявляют завышенные претензии на места и роли в местном сообществе, возникают конфликтные ситуации, и «старожилое» население противодейст-

ует включению «новопоселенцев» в местное сообщество, мигранты «капсулируются», формируют свои закрытые сообщества, не развивают межкультурные коммуникации, а иногда проявляют агрессию для получения собственного высокого социального статуса в местном сообществе. Нарушаемое в таких случаях единство местного сообщества и возникающее конкурентное взаимодействие сограждан трансформируется в конфликты между «старожилами» и «новопоселенцами». Социальная опасность таких конфликтов неоднократно проявлялась в разных регионах России и зарубежных странах кровопролитными столкновениями.

Опыт показывает бесперспективность разрешения аналогичных конфликтов силовыми методами. Конфликтующие стороны неизбежно вступают в переговоры. Допускаемые при этом под предлогами проявления толерантности уступки «новопоселенцам», сохраняющим существенные инокультурные отличия и не желающим воспринимать культуру коренного населения, приводят к радикальному изменению социокультурной среды в стране, вызывают у коренного населения дискомфорт и желание защитить свои исконные интересы. Поэтому члены местных сообществ, заботящиеся о формировании комфортной среды обитания, осознанно или интуитивно стремятся налаживать, укреплять и развивать межкультурные коммуникации между всеми жителями поселений. Такие межкультурные коммуникации способствуют формированию обстановки взаимного доверия и конструктивного сотрудничества сограждан, создают предпосылки для взаимопонимания, укрепления гражданского мира и общественного порядка.

Для полиэтничных и поликонфессиональных регионов, подобных Северному Кавказу, большое значение имеют вертикальные и горизонтальные коммуникации представителей разных этноконфессиональных социальных групп, компактно проживающих на относительно небольшой территории региона с плотностью населения, в 5–6 раз превышающей среднестатистические показатели для европейской части России. Развитие межэтнического согласия и межконфессионального диалога обеспечивают межкультурные коммуникации, которые имеют разные направления, степени активности и интенсивности, характер. Межкультурные связи-отношения формируются на федеральном, региональном и местном уровнях, оказывают императивное влияние на все сферы общественной жизни.

Внимания заслуживает опыт решения местных проблем горскими народами Северного Кавказа. Он обусловлен особым типом

горских поселений, жители которых имеют, как правило, устойчивые кровнородственные и дружеские связи. В отдаленных труднодоступных поселениях взаимопомощь родственников и соседей жизненно необходима. Поэтому у горцев гостеприимство, взаимопомощь считаются проявлением лучших человеческих качеств, благодатью и достоинством.

В местных сообществах Северо-Кавказского региона сохраняется высокий престиж старейшин и духовенства, мнение которых учитывается населением в жизненно важных ситуациях. Важной функцией местных сообществ является экономическая и социальная поддержка земляков. Она проявляется в коллективном строительстве жилья для многодетных и молодых семей, их обустройстве, в помощи талантливым молодым людям, поддержке земляков в трудных жизненных обстоятельствах, одиноких стариков, вдов, детей-сирот и инвалидов. В Чеченской Республике, например, нет приютов для стариков и сирот, так как все они находятся на попечении родственников и земляков. Высокий социальный статус местных сообществ в общественной жизни народов Северного Кавказа подтверждается практикой обращения руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных служб к лидерам местных сообществ для решения актуальных проблем и разрешения конфликтов. Во взаимодействии с местными сообществами государственным органам удалось добиться в Чеченской Республике значительного сокращения количества участников незаконных вооруженных формирований.

Таким образом, местные сообщества являются формой самоорганизации граждан, рационально созданной для реализации актуальных проблем населения. В местных сообществах реализуется витальная социальная потребность людей в упорядоченных отношениях. Эта потребность может реализовываться в местных сообществах при наличии необходимых экономических, правовых, организационно-политических условий, которые успешно создаются и реализуются правовым государством в условиях демократии при поддержке граждан, воспринимающих местные сообщества как естественную социальную среду совместного биосоциодуховного существования. Общественные потребности в активизации деятельности местных сообществ возрастают по мере транзитивных трансформаций государства и укрепления институтов гражданского общества.

При этом проявляется следующая закономерность: по мере объединения усилий для реализации общих интересов стремление членов местного сообщества к взаимовыгодному сотрудничеству возрастает, вследствие чего одновременно развиваются местные сообщества и индивиды, объединившиеся в них. Организация устойчивых коммуникаций членов местных сообществ способствует формированию солидарности, взаимного доверия и конструктивного сотрудничества граждан России. Жители поселений, проявляющие заботу о формировании комфортной среды своего обитания, осознанно или интуитивно стремятся укреплять и развивать местное сообщество посредством расширения социальных коммуникаций.

Местные сообщества поселений Северного Кавказа, как правило, имеющие многонациональный полиэтничный состав, накопили значительный опыт ведения межкультурных диалогов в разных исторических условиях. Изучение этого опыта и широкое распространение успешных методов межкультурных коммуникаций имеет большое значение для повышения роли местных сообществ в решении актуальных проблем населения, обеспечения межэтнического согласия и межконфессионального диалога в Северо-Кавказском регионе и Российской Федерации в целом.

*«Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова»,
М., 2011 г., № 2, с. 100–106.*

Айдар Хабутдинов,
доктор исторических наук (Казань)
**МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ТРАДИЦИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ РЕГИОНЕ**

Значительная часть мусульманского населения России концентрируется в двух регионах – на Северном Кавказе, относящемся к Южному федеральному округу (ЮФО), и в Волго-Уральском регионе, входящем в состав Приволжского федерального округа (ПФО). В ПФО, по преимуществу в республиках Татарстан и Башкортостан, проживают около 2 млн. мусульман, где они составляют немногим более половины населения.

Административным центром Приволжского федерального округа является Нижний Новгород. Значимость его для данного исследования состоит, помимо прочего, в том, что ситуация в нижегородском мусульманском сообществе оказывает существенное

воздействие на общественные настроения поволжских мусульман в целом.

В Приволжский федеральный округ входят республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия; Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области, а также Пермский край. Само название «Приволжский федеральный округ» свидетельствует о значимости реки Волги как географической и экономической доминанты региона. ПФО занимает важнейшее место в России по трем ключевым показателям – численности населения (включая пять нерусских народов численностью более 1 млн. человек), доле промышленного производства в экономике Российской Федерации и численности мусульман. По данным официального сайта ПФО, доля его промышленного производства в экономике России составляет 23,9%, что представляет собой наивысший показатель (на втором месте стоит Центральный федеральный округ).

В ПФО проживает 22,1% общего числа граждан России. На территории Приволжского федерального округа живут русские (более 70% населения округа), татары, башкиры, чуваша, удмурты, мордва, марийцы, коми-пермяки, а также представители других наций, национальностей и этнических групп. Большинство населения ПФО исповедуют православие (по разным данным, от 70 до 75%); более 20% – ислам. При этом граждане мусульманского вероисповедания в ПФО составляют около 40% приверженцев данной конфессии в Российской Федерации. Отличительной особенностью округа является наличие во всех его субъектах традиционных компактных ареалов проживания сельского татарского населения, а также городских мусульманских (преимущественно татарских) общин, объединенных в структуры Духовных управлений.

По данным Всероссийской переписи 2002 г., из 2 млн. татар и около 19 тыс. кряшен¹ Республики Татарстан родным языком владеют 2 млн. 14 тыс. человек. При том, что в Приволжском федеральном округе проживают 4 млн. 63 тыс. этнических татар, татарским языком там владеют 4 млн. 355 тыс. человек. По результатам той же переписи, в Башкортостане, где проживают 990 тыс. татар, татарским языком владеют 1 млн. 396 тыс. человек; из 1 млн. 221 тыс. башкир 1 млн. 56 тыс. владеют башкирским

¹ Кряшены (крещеные татары) – этноконфессиональная группа в составе татар Волго-Уральского региона, исповедуют православие.

языком. В целом седьмая часть населения ПФО и абсолютное большинство мусульман округа владеют татарским языком.

В 1988 г. в распоряжении мусульман Нижнего Новгорода помимо соборной мечети были только два молельных дома. В настоящее время картина резко изменилась: в 2006 г. на 50 тыс. татар-мусульман приходится 59 мечетей. В процессе возрождения религиозного образования на Нижегородчине первоочередное внимание уделялось образованию в мектебах. С 1991 г. в воскресной школе при Нижегородской соборной мечети обучаются взрослые и дети разных национальностей. В начале 90-х годов XX в. число учеников мектеба достигало 40 человек. Так как в городах Нижегородской области полностью отсутствуют татарские школы, то открытие воскресных школ, где изучают родной язык и религию предков, происходит преимущественно при мечетях. Многие татары – уроженцы Нижегородской области – живут в крупных городах, и дети приезжают на родину только во время летних каникул. В связи с этим с 1994 г. в Рыбушкино и Сафаджае организуются летние исламские школы с максимальным числом слушателей до 700 человек.

Появление новых мечетей неизбежно потребовало подготовки имамов, так как только председатель созданного в 1993 г. Духовного управления мусульман Нижегородской области (ДУМНО) Умар-хазрат Идрисов обладал на тот момент профессиональным мусульманским образованием. Поэтому с момента образования ДУМНО на повестку дня был поставлен вопрос о подготовке квалифицированных имамов. 29 октября 1994 г. в Нижнем Новгороде прошла торжественная церемония открытия медресе «Махинур», расположенного рядом с Нижегородской соборной мечетью. В ней приняли участие председатель Совета муфтиев России Равиль-хазрат Гайнутдин и председатель ДУМНО Умар-хазрат Идрисов.

Медресе «Махинур» представляет собой негосударственное учреждение среднего профессионального образования. Его учредителем является Духовное управление мусульман Нижегородской области. С момента его основания более 200 человек получили в его стенах религиозное образование по специальностям «имам-хатыб» и «преподаватель основ ислама». Около 140 выпускников медресе «Махинур» приступили к исполнению обязанностей в качестве преподавателей и имамов в мектебах и медресе или продолжили обучение в высших исламских учебных заведениях Москвы и Казани. Выпускники «Махинур» возглавили му-

сульманские приходы в Нижнем Новгороде и области, а также в Красноярске, Москве, Ярославле, Казани и в Чеченской Республике.

На этапе становления в медресе «Махинур» работали как специалисты из светских университетов города, так и преподаватели из зарубежных стран. Поскольку в конце 1920-х годов традиции мусульманского образования у татар были прерваны, то в ранний период возрождения медресе в Поволжье неизбежным было привлечение к преподаванию нероссийских граждан, что, однако, было сопряжено с определенными опасностями. Активное использование иностранных кадров могло привести к постепенному установлению над медресе контроля со стороны зарубежных фондов. Некоторые иностранные преподаватели были носителями радикальных настроений. Распространение идей радикализма в среде учащихся в конечном итоге привело к закрытию ряда мусульманских учебных заведений, в числе которых были медресе «Йолдыз» (Набережные Челны, Татарстан) и «Фуркан» (Бугуруслан, Оренбургская область). Отметим также еще одно важное обстоятельство. На рубеже 1980–1990-х годов в советских республиках Средней Азии возникли медресе, чьи учащиеся и преподаватели не смогли найти общий язык с представителями властей уже независимых государств. В эти годы вспыхнула гражданская война в Таджикистане и произошли кровопролитные столкновения в Ферганской долине. Часть их участников, потерпев поражение, переместились в Россию, где они стремились заполучить в том числе и преподавательскую работу в мусульманских учебных заведениях. В 1990-е годы в отличие от муфтиев многих других регионов председатель ДУМНО Умар-хазрат Идрисов отказался допустить к учебному процессу в медресе «Махинур» эмигрантов из ближнего зарубежья и передать контроль над ним в руки иностранных фондов.

Как упоминалось выше, в начале 90-х годов XX в. на Нижегородчине, за исключением выпускника высшего медресе Бухары «Мир-Араб» и Ташкентского исламского института им. имама аль-Бухари Умар-хазрата Идрисова, отсутствовали кадры, имеющие высшее исламское образование. Видная роль в возрождении мусульманского образования края принадлежит Нурулле Исмаилову, окончившему в 1987 г. Ташкентский исламский институт им. имама аль-Бухари. Среди своих сокурсников Нурулла Исмаилов выделялся как один из лучших чтецов Корана и проповедников. Важный вклад в процесс восстановления мусульманского образования в мектебах и медресе внесли граждане Турции Кярим Кю-

чук, Хюсейн Орен, Ахмет-худжа Озкарабюбер, выполнявшие одновременно обязанности имамов и муэдзинов.

Анализ возрастных характеристик и образовательного ценза преподавательского состава исламских учебных заведений, подотчетных ДУМНО (данные на 2008 г.), дает следующие результаты. Возраст 30% преподавателей – до 30 лет, 50% – от 30 до 50 лет и 20% – от 50 до 60 лет. 25% преподавателей имеют высшее религиозное образование, 25 – среднее религиозное образование и 50% – высшее специальное светское образование.

В медресе «Махинур» ведется преподавание по следующим дисциплинам: исламское воспитание, исламское вероучение, толкование Корана, основы проповеди, жизнеописание Пророка Мухаммада, история пророков, история ислама, история халифата, русский язык, родной (татарский) язык, иностранный (английский) язык, мировая художественная литература, педагогика, психология, основы экономики, делопроизводство и бухгалтерский учет, политология, основы информатики и физическая культура. Медресе «Махинур» успешно готовит профессиональные кадры имамов и преподавателей для возрожденных мечетей и для вновь открываемых мектебов и медресе. Преподаватели медресе ведут активную просветительскую деятельность: выезжают в села области, где проводят курсы повышения квалификации для имамов. В медресе «Махинур» учатся не только нижегородские татары, но также таджики, узбеки, чеченцы и представители других народностей. Таким образом, медресе, создававшееся изначально для решения локальных проблем нехватки кадров имамов и преподавателей основ ислама на Нижегородчине, за годы своей работы приобрело популярность и авторитет во многих российских регионах, а его выпускники пополнили когорту российских имамов.

В 2001 г. в селе Медяны на территории исламского комплекса начал функционировать филиал медресе «Махинур» – медресе «Медина». С того же года на базе этого филиала начали действовать специальные курсы повышения квалификации имамов, учителей воскресных и общеобразовательных школ. Одной из задач этих курсов стала подготовка преподавателей, ведущих в средней школе занятия по предмету «Религии России» и владеющих знаниями по истории мировых религий.

Открытию медресе в областном центре предшествовала кропотливая работа по организации строительства исламского комплекса и подготовке учебного процесса. Основные средства возведения комплекса составили частные пожертвования мусуль-

ман Нижегородчины, притом что заметная помощь была оказана городской и областной администрацией. Этот комплекс является образцом сельской махаллы для российских мусульман. Помимо медресе и мечети в него входят музей, дом культуры, поликлиника и другие объекты. Таким образом, в Медянах была создана новая модель татарского мусульманского поселения, сочетающая в себе наряду с религиозно-образовательным центром объекты социальной инфраструктуры и сельхозпроизводства. В 2005 г. медресе «Медина» было преобразовано в самостоятельное учебное заведение.

Как следует из вышеизложенного, ДУМНО уделяет особое внимание качеству подготовки религиозных кадров и повышению их конкурентоспособности. Имамы ДУМНО, в том числе выпускники медресе «Махинур», продолжают обучение в светских высших учебных заведениях России – в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова; в Московском государственном лингвистическом университете (по специальности «переводчик-арабист»); в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) на факультете международных отношений и в Волго-Вятской академии государственной службы.

С 1999 г. медресе «Махинур» совместно с Нижегородским государственным университетом на базе факультета международных отношений осуществляет программу «Исламские исследования», в рамках которой проходят обучение около 500 человек. Дополнительное образование со свидетельствами государственного образца в рамках программы получили уже более сотни студентов. Студенты Нижегородского государственного университета ежегодно получают стипендию от Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования.

С сентября 2005 г. в рамках «Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного образования на 2005–2015 гг.» по направлению Совета муфтиев России девять нижегородцев были зачислены на факультеты лучших вузов страны: двое – в Санкт-Петербургский государственный университет, двое – в Московский государственный лингвистический университет, пятеро – в Нижегородский государственный университет. С открытием в 2005 г. на отделении регионоведения факультета международных отношений ННГУ федеральной целевой образовательной программы для студентов, направляемых духовными управлениями мусульман России, преподаватели медресе «Махинур» осуществляют в рамках этой программы факультативное преподавание религиозных дисциплин (Корана, фикха и др.).

В 2002 г. был поставлен вопрос о подготовке квалифицированных имамов и мудarrisов на всероссийском уровне. Подготовка первой профильной группы осуществлялась в ИСАА МГУ. Представитель ДУМНО, выпускник медресе «Махинур» Ильдар Нуриманов, закончил курс обучения в бакалавриате, заняв по рейтингу первое место, и продолжил обучение в магистратуре.

В 2005 г. получил лицензию Нижегородский исламский институт им. Хусаина Фаизханова. Хусаин Фаизханов (1828–1866) – выдающийся татарский ученый и просветитель, предложивший ввести обучение имамов как религиозным, так и светским дисциплинам при последующем обучении лучших выпускников в российских университетах. Это негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования призвано совместить религиозное и светское образование, что соответствует лучшим традициям джадидских медресе. Его учредителями выступили Духовное управление мусульман Нижнего Новгорода и Нижегородской области, а также Региональная национально-культурная автономия татар Нижегородской области. Нижегородский исламский институт работает в тесном контакте с Нижегородским государственным университетом. Резолюция III «Фаизхановских чтений» от 2007 г. предусматривает создание в Нижегородском исламском институте системы непрерывного мусульманского образования и инфраструктуры и его превращение в полноценный центр высшего образования для мусульман Приволжского федерального округа. На данный момент Нижегородский исламский институт им. Хусаина Фаизханова функционирует как научно-исследовательский центр. Усилиями его сотрудников были подготовлены и изданы учебные пособия, посвященные роли ислама в современном мире, татарской философской мысли, истории ислама в Волго-Уральском регионе, суфизму. В 2009 г. вышел в свет учебный словарь-справочник «Ислам в Приволжском федеральном округе», в котором освещаются исторические этапы развития и современное состояние мусульманских общин ПФО.

Обеспечение исламских учебных заведений ДУМНО религиозной и иной учебной литературой для ведения учебного процесса по лицензированной программе следует признать удовлетворительным. Существенную часть в блоке учебной литературы составляют учебники, вышедшие в свет в издательском доме «Медина». Среди них выделим следующие издания, включающие источники, учебники и вспомогательную литературу:

- Священный Коран. Пер. и коммент. Абдуллы Юсуфа Али.
- Ханафитский фикх. Каноны религиозной практики. Т. 1.
- Ханафитский фикх. Семейно-брачные отношения.
- Китаб аль-джаназа. Погребальный обряд в исламе.
- Ислам на Нижегородчине. Энциклопедический словарь.

В 1999 г. медресе, а затем НИИ им. Хусаина Фаизханова возглавил Дамир-хазрат Мухетдинов, выпускник медресе «Нур аль-Ислам» (Республика Башкортостан) и Института арабского языка университета «Умм аль-Кура» (Мекка). Одной из его первых инициатив стала активная работа по формированию библиотеки медресе, которая на сегодняшний день насчитывает около 20 тыс. книг. Собрание библиотеки включает в себя репринтные издания XIX в., книги на арабском, персидском и татарском языках, литературу по философии, истории, политологии, искусствоведению и литературоведению, учебные пособия и аудиовизуальные материалы, в том числе художественные фильмы. Эта библиотека славится представительной коллекцией исламоведческой литературы. Библиотека открыта для всех желающих.

За последнее десятилетие в Нижнем Новгороде сложилось «ядро» группы действующих имамов. Его составляют Дамир-хазрат Мухетдинов – председатель Совета улемов, первый заместитель председателя ДУМНО, кандидат политологических наук, ректор Нижегородского исламского института им. Х. Фаизханова и доцент факультета международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского; Абдулбари-хазрат Муслимов – заместитель председателя ДУМНО по учебно-воспитательной части, директор медресе «Махинур», и Ахмет-хазрат Абдуллин – имам-хатыб Соборной мечети, преподаватель мектеба «Ихсан». Эти имамы ДУМНО каждую пятницу поочередно читают проповеди в мечетях города. Часто пятничные проповеди в соборной мечети и в мечети «Тауба» произносит председатель ДУМНО Гаяз-хазрат Закиров. В последнее десятилетие Нижегородчина являет собой пример продуманного совмещения религиозного и светского образования. По данным Министерства образования Республики Татарстан, в Нижегородской области в 30 сельских школах более 2 тыс. учащихся изучают родной язык. При этом обучение в начальных классах проводится на татарском языке, а затем он изучается в качестве самостоятельного предмета. 82% татар, проживающих в Нижегородской области, владеют татарским языком как родным.

Вместе с тем следует отметить, что численность татарского населения области продолжает сокращаться, что является исключением среди других регионов ПФО. В целом Нижегородская область переживает демографический кризис. В 1989–2002 гг. ее население сократилось с 3 млн. 719 тыс. до 3 млн. 524 тыс. человек, что в целом характерно для большинства областей с русским населением. По данным Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области, на Нижегородчине в январе-июне 2006 г. уровень смертности превысил показатель рождаемости в 2,3 раза, в том числе в городских поселениях – в 2,1 раза и в сельской местности – в 3 раза. За первое полугодие в области зарегистрированы 14 тыс. 835 родившихся и 33 тыс. 495 умерших. Естественная убыль составила 18 тыс. 660 человек. Положительное сальдо миграции составило 1 тыс. 530 человек, в том числе за счет обмена населением с другими регионами России – 581 человек и со странами СНГ и Прибалтики – 1 тыс. 35 человек. Абсолютные потери в численности населения области за январь-июнь 2006 г. составили 17 тыс. 130 человек. В то же время численность населения в мусульманских республиках РФ постоянно увеличивается. Даже в давшей наименьший процентный прирост населения Республике Татарстан оно увеличилось в 1989–2002 гг. с 3 млн. 641 тыс. до 3 млн. 779 тыс. при росте татарской общины на 250 тыс. человек.

Этнический состав мусульманского населения Нижнего Новгорода и области за последние годы сильно изменился. Например, в области в настоящее время находятся официально 15 тыс., а по экспертным подсчетам, – от 30 до 40 тыс. азербайджанцев. По данным миграционной службы, за первое полугодие 2005 г. в область приехали 25 тыс. мигрантов, из которых около 70% – азербайджанцы. Согласно экспертным оценкам, в ближайшее время число мусульман области (татар, узбеков, азербайджанцев, таджиков и др.) достигнет 300–500 тыс. Что касается численности русского и татарского населения области, то она стабильно сокращается.

В 2005 г. при Региональной национально-культурной автономии татар Нижегородской области (РНКАТНО) и ДУМНО был создан миграционный центр, в задачи которого входят помощь мусульманам, прибывающим на Нижегородчину из других стран, и защита местных мусульман от нежелательных влияний из-за рубежа. В связи с обострением ситуации на Северном Кавказе и в ряде государств Средней Азии, а также ростом влияния радикаль-

ных мусульманских группировок приобрела актуальность профилактическая работа с прибывающими в Нижегородскую область мигрантами.

Развертывающиеся на нижегородской земле проекты, связанные со сферой образования, заложили фундамент для реализации научных проектов. С 90-х годов XX в. началось превращение Нижнего Новгорода в центр российского исламоведения. В энциклопедическом словаре «Ислам на европейском Востоке» отмечается, что в 1980–1990 гг. «в России наряду с Москвой и Санкт-Петербургом развиваются исламоведческие исследования в академических и университетских центрах Казани, Уфы, Махачкалы, Нижнего Новгорода и т.д.». Здесь следует особо подчеркнуть то, что ранее в Нижнем Новгороде масштабные исламоведческие и востоковедные исследования не проводились.

С 1995 г. в стенах медресе «Махинур» начал работу постоянно действующий методологический семинар по истории исламской цивилизации. Видную роль в превращении Нижнего Новгорода в один из центров российского исламоведения сыграл Сергей Борисович Сенюткин. Он занимался углубленным изучением проблем междивизиационного диалога, историей татар Нижегородчины как сословия служилых татар-мишарей и историей сельских поселений области. После ухода из жизни С.Б. Сенюткина исследования его коллег успешно продолжились и расширились на весь Волго-Уральский регион, а затем фактически на всю Европейскую Россию, Урал и Западную Сибирь.

С ДУМНО и НИИ им. Хусаина Фаизханова активно сотрудничают ученые-исламоведы из Москвы (в первую очередь из Института востоковедения РАН, МГУ и РГГУ), Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Махачкалы, Екатеринбурга, Оренбурга, Ульяновска и других центров научной деятельности. С 2005 г. ДУМНО совместно с Нижегородским государственным университетом начал издавать ежеквартальный альманах «Ислам в современном мире: Внутригосударственный и международно-политический аспекты». Наряду с местными проблемами в альманахе находит отражение проблематика, связанная с современным исламом и политико-культурными процессами в мусульманских регионах постсоветского пространства. Особое внимание это периодическое издание уделяет ситуации в Поволжье, Северном Кавказе, Центральной Азии, на Ближнем Востоке, т.е. в тех регионах, где осуществляется активное межэтническое и межконфессиональное взаимодействие. В настоящее время журнал представляет собой совместное изда-

ние ДУМНО, Нижегородского государственного университета, Нижегородского исламского института им. Хусаина Фаизханова и Института стратегических исследований ННГУ. Сопредседателями его редколлегии являются председатель ДУМНО Умар-хазрат Идрисов и декан факультета международных отношений ННГУ, доктор исторических наук, профессор О.А. Колобов. В редколлегию журнала входят такие известные московские исламоведы, как В.В. Наумкин, Т.К. Ибрагим и Г.Г. Косач. В настоящее время редколлегия ставит перед собой задачу трансформации журнала в издание, входящее в список Высшей аттестационной комиссии РФ.

Важным издательским центром Нижнего Новгорода является издательский дом «Медина», который в последние годы превратился в первый всероссийский мусульманский медиахолдинг. Для того чтобы проиллюстрировать широту охвата публикаций этого холдинга, приведем список 11 его изданий, главным образом периодических: 1) «Медина аль-Ислам» – ежемесячная газета российских мусульман; 2) «Минарет» – ежеквартальный журнал по исламской проблематике; 3) «Мавлид ан-Набий» – ежегодный культурологический альманах; 4) «Рамазановские чтения» – ежегодный научно-богословский сборник; 5) «Ислам на Нижегородчине» – ежегодный научно-просветительский журнал, посвященный истории мусульман нижегородского края; 6) «Ислам в современном мире: Внутригосударственный и международно-политический аспекты» – ежеквартальный научно-публицистический альманах; 7) «Форумы российских мусульман» – ежегодный научно-аналитический бюллетень; 8) «Хадж российских мусульман» – ежеквартальный научный альманах; 9) «Фаизхановские чтения» – сборник материалов ежегодной научно-практической конференции; 10) «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения и тюркологии» – сборник материалов ежегодной научно-практической конференции молодых исследователей исламоведов и востоковедов; 11) «Ислам в Российской Федерации» – энциклопедический словарь; из планируемой 12-томной серии вышли в свет три тома, посвященные Нижегородчине, Москве и Санкт-Петербургу. Готовится к изданию том «Ислам на Урале».

В заключение следует отметить, что мусульманская образовательная традиция в Нижегородском регионе на протяжении XVIII – начала XXI столетия демонстрирует как преемственность, так и стабильность. В последнее десятилетие Нижний Новгород силами Духовного управления мусульман Нижегородской облас-

ти, Нижегородского исламского института им. Хусаина Фаизханова и издательского дома «Медина» превратился в один из наиболее динамично развивающихся центров российского мусульманского сообщества в сферах книгоиздательства, науки и образования.

Краткие биографии современных деятелей мусульманского образования в Нижегородском регионе

1. **Идрисов Умар Юсипович** – председатель Духовного управления мусульман Нижегородской области (1993–2008), заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России (ДУМЕР), сопредседатель Совета муфтиев России (СМР), полномочный представитель СМР в Приволжском федеральном округе, главный имам-хатыб Нижегородской соборной мечети. Родился 01.01.1954 г. в г. Горьком. Окончил среднюю школу, работал на промышленных предприятиях города, служил в рядах Советской армии. В 1980 г. поступил в высшее исламское медресе «Мир-Араб» в Бухаре, где экстерном с отличием окончил семилетний курс обучения. В 1987 г. окончил Ташкентский исламский институт им. имама аль-Бухари. В 1988 г. активно участвовал в восстановлении Соборной мечети Нижнего Новгорода. С 1991 г. – имам-хатыб Нижегородской соборной мечети.

Под руководством Умара Идрисова в 1994 г. завершилось строительство Нижегородского исламского медресе «Махинур» и приступили к занятиям первые студенты. Идрисов инициировал строительство мечети «Тауба» в Автозаводском районе Нижнего Новгорода (1999) и Исламского культурного центра (2006), а также учреждение Нижегородского исламского института им. Хусаина Фаизханова (2005). Генеральный директор благотворительного пансиона «Волга» (с 2001).

С 1997 г. – профессор Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. В мае 2003 г. награжден высшей наградой Совета муфтиев России (СМР) – орденом «ал-Фахр» II степени; в июле 2004 г. – орденом Дружбы. Один из соавторов книг «История исламских общин Нижегородской области» и «Совет улемов»; автор многочисленных публикаций в периодических изданиях, статей в сборниках материалов международных конференций. В 2006 г. Идрисов выступил с инициативой создания Совета улемов России. В том же году Идрисов выступил инициатором создания Региональной национально-культурной

автономии азербайджанцев Нижегородской области. В 2008–2009 гг. ушел с организационных постов в ДУМНО и сосредоточился на деятельности в фонде им. имама Абу-Ханифы и создании Совета улемов России.

2. Муслимов Абдулбари Маратович (р. в 1977 г.) – уроженец Башкирской АССР, заместитель председателя Духовного управления мусульман Нижегородской области по учебно-воспитательной части, имам-хатыб Нижегородской соборной мечети (с 2004 г.), директор Нижегородского исламского медресе «Махинур» (с 2007 г.), преподаватель медресе «Медина» и мектеба «Ихсан». Среднее исламское образование получил в исламском медресе «Нур аль-Ислам» (Республика Башкортостан), высшее – в высшем медресе «Дар уль-Хадис» в Мекке (Саудовская Аравия). Высшее светское образование по специальности «филолог» получил в Башкирском государственном педагогическом университете. Владеет арабским и татарским языками. Член редколлегии серии книг «Ханафитское наследие».

3. Мухетдинов Дамир Ваисович – первый заместитель председателя ДУМНО, председатель Совета улемов ДУМНО, руководитель аппарата ДУМНО, член президиума ДУМНО, ректор Нижегородского исламского института им. Хусаина Фаизханова, имам-хатыб Нижегородской соборной мечети, заместитель председателя Совета региональной национально-культурной автономии татар Нижегородской области, член Общественной палаты Нижегородской области, исполнительный директор фонда им. имама Абу Ханифы, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, заместитель директора Института стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Родился в 1977 г. в г. Горьком. Среднее исламское образование получил в медресе «Нур аль-Ислам» (Республика Башкортостан) (1995), высшее образование – в Институте арабского языка университета «Умм аль-Кура» в Мекке, Саудовская Аравия (1999). Окончил факультет международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (2005). В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию с присвоением степени кандидата политических наук на тему «Мусульманское сообщество Нижегородского Поволжья: Закономерности развития в условиях модернизации общественно-политических процессов современной России». Автор и соавтор ряда книг, в том числе «Из прошлого религиозного мусульманского образования», «Всерос-

сийские мусульманские съезды 1905–1906 гг.», «Хусаин Фаизханов: У истоков общественного движения мусульман-татар», «Азан над Волгой», «Общественное движение мусульман-татар: Итоги и перспективы». Ответственный редактор книг серии «Ханафитское наследие», энциклопедического словаря «Ислам в Российской Федерации» и других книг, выпускаемых издательским домом «Медина». Главный редактор газеты «Медина аль-Ислам» и общероссийского мусульманского сайта «Ислам в Российской Федерации»; генеральный директор издательского дома «Медина» с момента его учреждения, с 2008 г. – главный редактор.

*«Изучение преподавания ислама в Евразии»,
М., 2010 г., с. 124–161.*

Ф. Кулиев,

кандидат исторических наук
(Северо-Кавказская академия
государственной службы, г. Пятигорск)

О РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современная геополитическая ситуация мира актуализировала проблему формирования идентичности, которая претерпевает значительные изменения и приобретает множественные оттенки. В зависимости от того, какой объект является основанием идентификации, можно обозначить различные типы идентичностей: этническая; региональная; конфессиональная; национальная (государственная).

В Российской Федерации проблема формирования идентичности стоит особенно остро, так как российская идентичность чрезвычайно дифференцирована и неустойчива. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся множествам, индивиды, социальные группы и общества становятся носителями сложной, множественной идентичности. Поэтому все чаще обсуждается проблема кризиса или «утраты» идентичности.

Круг современных противоречий и проблем, связанных с Северным Кавказом, непосредственно коренится в результатах социально-культурных трансформаций, которые регион претерпел на протяжении XX в.

Идентичность формируется и изменяется под влиянием социальных условий в результате группового взаимодействия. Человек может осознавать себя членом сразу многих групп, переопределять свою идентичность, переносить акценты в иерархии идентичностей в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств. Неизменными остаются только биолого-антропологические идентичности – раса, возраст, пол. А.В. Баранов в связи с этим отмечает, что «социальные группы и индивиды проявляют в своем поведении многие виды идентичности – этническую, половозрастную, религиозную, политическую, культурную, территориальную и т.д. Виды идентичностей взаимосвязаны и часто накладываются один на другой, усиливая чувство самобытности».

В то же время в эпоху глобализации, отличительной чертой которой является унификация, в обществе набирают силу обратные процессы: люди обращаются к своим корням и превыше всего начинают ценить свою этническую и культурную идентичность, ставят сохранение ее во главу угла. Влияние глобализации и давление массовой культуры ведут к тому, что северокавказские народы опасаются утратить свою этническую идентичность. Поэтому они ищут спасение от этого в поисках связи со своей малой «родиной», своими местными, региональными корнями. У народов Северного Кавказа сложилось свое понимание этнической идентичности, существенно отличающейся и от «немецкой» концепции нации (по крови), и от «французской» (по гражданству). Центральным моментом «кавказской» идентичности выступает родная земля, которая рассматривается как святыня, как нечто совершенно независимое от ее геоэкономической или геополитической ценности.

Этническая идентичность находится в тесном взаимодействии с религиозной идентичностью, которая превращается в «одну из многочисленных и часто противоречащих друг другу идентичностей, легко уживающейся – именно в силу своей виртуальности – в отдельно взятом человеке».

Ренессанс религиозности представляет собой одну из форм возвращения индивидуализированного человека в массу. Поскольку религиозная идентичность обладает значительным мобилизационным потенциалом, а группы, принадлежащие к основным российским конфессиям, проживают достаточно компактно, то линии возможной поляризации и дезинтеграции не сложно просчитать. В первые годы после распада СССР многое в плане инициативы при работе с конфессиями было упущено, и процессы в регионах, исповедующих ислам, не контролировались центром. Представля-

ется, что по линии разделения регионов и республик России по конфессиональному признаку как раз проходит незримая граница, по разные стороны которой оказываются российские граждане. Естественно, что это может являться только дезинтегрирующим фактором российского государства. До тех пор пока правительство не осознает должным образом специфику происходящих процессов в регионах традиционно исповедующих ислам, особенно на Северном Кавказе, и не предпримет соответствующих мер, развитие этноконфессиональной идентичности в этих регионах будет иметь именно такую направленность.

Религиозная идентичность является концентрированным выражением мироощущения человека, квинтэссенцией насущных вопросов его «жизненного мира», определяемого его культурной состоятельностью и ценностной устремленностью. В то же время она становится выражением тех надежд и упований в мире общественных отношений, в том числе идеалов социального обустройства мира и состояния межкультурных и межцивилизационных контактов, которые выпали на долю этих народов. Позитивное становление этноконфессиональной идентичности в разных уголках планеты повсеместно нарушается импульсом модернизации, олицетворяющей собой динамический лейтмотив глобализационных процессов.

Анализируя роль ислама на Северном Кавказе, ученые выделяют три модели: первая представлена народами Дагестана, Чечни и Ингушетии, где укорененность и влияние ислама достаточно велики; вторая определена Карачаево-Черкесией и Кабардино-Балкарией, где его влияние существенно, однако недостаточно для того, чтобы оказывать значительное воздействие на социокультурную и политическую обстановку; третья охватывает Адыгею, частично Северную Осетию и Абхазию, в которых религиозная ситуация характеризуется следующим образом: люди считают себя верующими мусульманами, однако слабо знакомы с вероучением или вовсе его не знают, выполняют частично или не выполняют вовсе большую часть религиозных предписаний, ориентируются на «мирской» образ жизни в целом.

В связи с этим основывающаяся на ценностях образовательная и культурная практика становится важным орудием для борьбы с ненавистью и нетерпимостью, преодоления барьеров, создаваемых усилиями определенных политических сил, стремящихся использовать культурное и религиозное невежество для достижения собственных политических целей.

Российская Федерация, будучи полиэтническим государством, объединила различные этнокультурные типы, социально-политическая жизнь в каждом из которых, несмотря на специфику, определяется общей идентичностью государства. В России, как и во всем мире в целом, регион становится важным фактором политического процесса, где национальные и наднациональные силы встречают местные требования. Регионы как субъекты политических отношений в условиях глобализации мира играют все более существенную роль в межгосударственных процессах. В числе причин, актуализировавших в современных условиях проблематику идентичности России, следует назвать, с одной стороны, стремление к общегражданским и общенациональным идентификационным приоритетам, с другой – сохранение своей культурной самобытности. Региональная особенность, сложившаяся в недрах государства, не может подрывать национальные интересы страны, его идентичность. Характерная для идентичности множественность, согласно С. Хантингтону, «представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами как существо, отличающими меня от вас и нас от них...», не может и не должна перейти в фазу самогенерации, нацеленную на историческую и политическую отчужденность и территориальный разрыв государства.

Россия, имеющая внушительную историю культурного разнообразия с точки зрения религий и религиозных воззрений, языков, выраженных этнических групп и интенсивных миграционных процессов, во все возрастающей степени рассматривает культурное разнообразие в качестве ресурса. Рассматриваемый с этой позиции, Северный Кавказ является специфическим регионом России. Данный регион демонстрирует исключительное разнообразие групп этнического типа: собственно этнических, этнолингвистических, этноконфессиональных, этнорегиональных, клановых и т.д. На его территории живут народы, говорящие на языках нескольких крупных семей: индоевропейской, тюркской, картвельской, северокавказской. На Кавказе распространены крупнейшие мировые конфессии.

У России есть уникальный опыт длительного толерантного сосуществования разных культур и конфессий. Пока он недостаточно осмыслен и конвертирован в социальные технологии. Особенность России применительно к разнообразию и множественности ее культур, т.е. органически присущая российской цивилизации дуальная идентичность, исторически учитывалась. Культура двой-

ного лингвизма и мультилингвизма исторически создавали российскую общность. Дуальная идентичность не должна забываться в современных условиях, постоянно учитываться в повседневной политической практике. Г.С. Киселев справедливо утверждает, что россияне имеют двойную идентичность, т.е. ощущают себя одновременно и гражданами многонационального государства, и представителями определенного народа и религии. Подобная двойная идентификация является неременным условием устойчивого существования любого многонационального государства.

В условиях противостояния культур и цивилизаций двойная идентичность является «охранительной» основой для предотвращения «размывания» территориальной целостности страны. Исследователи и журналисты должны преодолевать у граждан представления, формирующие ущербность неустоявшегося отечественного идентификационного сознания, а в применении других культур, агрессивно наступающих в условиях глобализирующегося мира, – его зависимость от других цивилизаций и культур. Опасно не только самоотречение в ценностях национальной культуры, но и бездумное увлечение глобальной культурой. Глобальная культура не нейтральна. Она исходит от различных центров – «ворот глобализации», которые аккумулируют огромные ресурсы, выступая в качестве трансляторов информационных потоков и культур.

Идентификация современной России должна проходить в русле осознания своей уникальной истории и культуры. Никакое государство не может существовать без знания гражданами своей истории, уважения к таким понятиям, как дисциплина, честность моральные устои, культурные ценности.

В современных условиях естественный путь для России – культивировать двойную идентичность: культурно-этническую (религиозную) и общегражданскую, политическую. Они не должны разрываться или противостоять, а гармонично дополнять недостающие аспекты. Государство должно проявлять постоянную готовность идти на крупные затраты, чтобы через образование, новые образовательные программы улучшить качественные характеристики нового поколения, политически привлечь его на свою сторону. Роль новых технологических инструментов конструирования идентичности – СМИ, Интернет – должны определять приоритеты государства в общегражданской сфере.

Идентификационная принадлежность обусловлена историческим прошлым. Идентификационные параметры формируются в

течение длительного времени, их преемственность и определяет историческую устойчивость.

Для того чтобы сформировать реалистическое видение перспектив Северного Кавказа, необходимо, во-первых, суметь определить константы в социально-историческом развитии региона на протяжении всего периода его пребывания в составе России, во-вторых, суметь вычлнить в текущей ситуации базовые общественные процессы, которые будут определять будущее на долгосрочную перспективу. Путь к их позитивному воплощению в политической практике лежит не столько через управление территориями или населением, сколько через управление базовыми общественными процессами, протекающими в регионе. Таковыми являются процессы, которые разворачиваются в настоящее время в экономике, этнодемографической структуре и культуре Северного Кавказа. Отдельных решений для решения этих проблем не существует – они не просто взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации.

Таким образом, этническая и религиозная идентичности являются доминантой процессов конструирования идентичности на Северном Кавказе, интенсивность и направление которых определяются историческими и культурными предпосылками, получившими свое продолжение в рамках политического процесса.

*«De Caucaso: Историко-этнографический альманах»,
Карацевск, 2010 г., с. 65–71.*

В. Никеров,

политолог (г. Ульяновск)

ОТ ФУКУСИМЫ ДО ЛИВИИ:

**ПОЛИТИЗАЦИЯ ТРУБОПРОВОДНОГО
СОПЕРНИЧЕСТВА НА КАСПИЙСКОЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ**

Ярким примером политизации энергетических проектов, которые превращаются из бизнес-планов в пропагандистские сериалы, является газопроводный проект «Набукко». Его многие называют навязчивой идеей американских и европейских политиков. Нынешний раунд политизации развивается в контексте возрастающего спроса на природный газ после техногенных катастроф

на японских АЭС и заявлений об отказе в будущем от атомной энергетики в Европе.

«Набукко» против «Южного потока» – это одна из самых острых и затяжных баталий в войне за энергетическое будущее Европы, которая оказывает значительное влияние на страны Каспийского региона. Однако нынешний раунд противостояния между «Южным потоком» и «Набукко» развивается в новых условиях, продиктованных природно-техногенными катаклизмами в Японии и событиями «арабской весны» 2011 г.

Цепочка взаимосвязанных событий весны – лета 2011 г. вызвала новую активную фазу соперничества двух проектов. Авария на японской АЭС «Фукусима-1» спровоцировала повышение спроса на природный газ в мире как более безопасного топлива. На это наложились события гражданской войны в Ливии, что вызвало коллапс местной нефтегазовой отрасли. В довершение ко всему, в конце мая 2011 г. последовало заявление германского правительства о предстоящем закрытии в стране атомных электростанций, что также спровоцировало повышение спроса на природный газ. Как сообщил глава российского газового монополиста «Газпрома» Алексей Миллер, из-за событий на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Японии в Европе зарегистрирован рекордный спрос на природный газ. В апреле «Газпром» увеличил объем своих газовых поставок в Европу более чем на 21% по сравнению с апрелем 2010 г.

Перечисленные события привели к тому, что в западных медийных и аналитических кругах громко заговорили о начале «золотой эпохи» природного газа. Два влиятельных журналиста – Гай Чезан из «Уолл-стрит Джорнэл» и Ксавье Блас из «Файнэншл таймс» – с разницей в один день опубликовали свои статьи о грядущем наступлении «золотого века» природного газа в мире. В таких же терминах заговорили и в международных энергетических институтах. По подсчетам специалистов из Международного энергетического агентства (МЭА), всемирное потребление природного газа может вырасти в следующие 25 лет более чем на 50%. Это придало дополнительное эмоциональное напряжение газопроводному соперничеству на Каспии.

1. Газопроводная система «Набукко»: От европейской бизнес-идеи до иступленной политизации. Изначально в основе этого проекта лежал бизнес. Участники консорциума рассматривали его как способ получения новых поставок газа из регионов Каспия и Ближнего Востока. Согласно замыслу «Набукко», по трубо-

проводу длиной 3900 км каспийский, а затем ближневосточный газ должен подаваться через Турцию в Австрию. Трубопровод должен пойти в обход России через Болгарию, Румынию и Венгрию к распределительному центру под Веной.

Очень скоро началась политизация трубопровода, а бизнес-соображения стали отходить на второй план. «Набукко» начали рассматривать как дополнительное орудие борьбы с российской энергетической политикой в Центральной и Восточной Европе. Европейских сторонников данного проекта взбадривают американцы разговорами о том, что «Набукко» является символом европейской солидарности, новой «линией Мажино» перед лицом господства России в сфере газовых поставок в ЕС. Говорилось даже о том, что Евросоюз должен противостоять российской нефти и газу, которые пришли на смену казачьим эскадронам XIX в. и танковым дивизиям XX в. в качестве инструментов политического контроля над Европой.

Однако наблюдатели, посетившие Брюссель осенью 2010 г., сделали вывод о том, что неразбериха с этим трубопроводом среди европейцев сильнее, чем они ожидали. Проект называли донкихотским. В первую очередь потому, что для этого газопровода нет необходимых объемов газа. Вывод этих скептиков звучал примерно следующим образом: даже очевидное отсутствие ресурсной базы почему-то не останавливает людей, которые продолжают говорить о «Набукко». Это стало предметом саркастических оценок со стороны многих наблюдателей. Как снисходительно пошутил глава «Газпрома» А. Миллер: «Набукко» по-прежнему остается «все-го лишь названием оперы».

Но это еще не самая острая порция сарказма в адрес «Набукко». В статье под характерным названием «Набукко: Трубопровод, который отказывается умирать» американский обозреватель Стив Левайн пишет: «Что общего имеют евразийские энергетические трубопроводы с военными проектами Соединенных Штатов? После того как они были предложены, они уже не хотят умирать — они начинают жить своей собственной жизнью и преследуют нас, пока кто-то не вонзит острый кол в их сердце». Тем не менее, продолжал он, сторонники «Набукко» одержимы воспоминаниями о прежних триумфах Запада на Каспии: «Несгибаемые сторонники “Набукко”, включая США, не могут отказаться от воспоминаний по поводу триумфальных “шампанских дней” при открытии нефтепровода “Баку–Тбилиси–Джейхан” и его победы над Россией».

Думается, американский аналитик напрасно вспомнил про нефтепровод «Баку–Тбилиси–Джейхан» (БТД), поскольку пример этого проекта говорит совсем об обратном. Если вспомнить историю борьбы за этот нефтепровод, то в его адрес было не меньше оскорбительных нападок, чем в адрес «Набукко» в наши дни. Так, в России идею нефтепровода называли то «международным видом недуга», то «дорогостоящим помешательством». Своих скептиков на этот счет хватало и за пределами России. «Неизвестные объемы нефти должны были пойти на Запад в обмен на туманно сформулированные политические обещания» – таков был саркастический лейтмотив многих комментариев. В итоге проект БТД получил клеймо «геополитической фантазии» и «трубопровода, ведущего в никуда». Тем не менее несмотря на этот художественно расцвеченный скепсис, нефтепровод «Баку–Джейхан» был проложен в обход России, став геополитическим триумфом Запада на Каспии.

Так что вряд ли стоит принимать всерьез публицистические оценки и торопливые метафоры, которые оказываются совершенно неуместными при анализе таких серьезных вещей, как борьба за ресурсы. Как показывает опыт нефтепровода БТД, успех всегда приходит к тем проектам, которые реализуются с геополитической настойчивостью.

2. Туркменские ключи от «Набукко»: Каспийский удар по российскому энергетическому доминированию. Отсутствие необходимой ресурсной базы для «Набукко» в Азербайджане заставило ЕС обратиться к Туркменистану. В последние годы Ашхабад значительно повысил свое влияние в Каспийском регионе как ключевой производитель газа. Туркменские месторождения газа стали рассматриваться европейцами в качестве основного источника наполнения нового газопровода. Характерный момент: когда 25 мая 2011 г. в Брюсселе находилась большая делегация из России во главе с министром энергетики Сергеем Шматко, чтобы обсудить с чиновниками Еврокомиссии будущее газовых отношений РФ и ЕС, комиссар ЕС по энергетике Гюнтер Эттингер заявил, что энергетическое будущее Европы заключено, во-первых, в газе, во-вторых, в Центральной Азии.

Если Азербайджан может стать страной, которая запустит «Набукко», предоставив в этот трубопровод первоначальный объем природного газа, то дальнейшие перспективы трубопровода и его выход на проектную мощность будут определяться в Ашхабаде. Туркмения выступает за диверсификацию экспортных маршрутов, однако официально не присоединилась к «Набукко».

Политика Ашхабада заключается в том, чтобы продавать газ на своей границе, а это для руководства «Набукко» означает необходимость взять на себя его транспортировку по беспокойному Каспийскому морю, раздираемому политическими и территориальными спорами. Сейчас Туркмения не только выразила желание продавать газ Европе, но предпринимает целый ряд действий в этом направлении. В ноябре 2010 г. на конференции «Нефть и газ Туркменистана – 2010» вице-премьер туркменского правительства Баймурад Ходжамухамедов объявил, что у его страны в пятилетний срок появится возможность поставлять в Европу до 40 млрд. м³ газа ежегодно. Возможно, в этих цифрах есть элемент преувеличения и блефа, которыми часто злоупотребляют прикаспийские страны СНГ, но Ашхабад четко просигнализировал о своем желании открыть транскаспийский маршрут для экспорта газа совместно с Азербайджаном. К тому же в Туркменистане строится внутренний газопровод «Восток–Запад» мощностью 30 млрд. м³ газа в год для доставки газа из богатых восточных месторождений страны на запад, к Каспийскому морю.

Не смущает Ашхабад тот факт, что прокладка трубопровода по дну моря возможна лишь после определения юридического статуса Каспия и с согласия всех прикаспийских стран. Туркмения заявляет, что трубопроводы через Каспий могут прокладываться с согласия сторон, через сектора которых они будут строиться. То есть любые две из пяти стран, выходящих к Каспийскому морю, по взаимному согласию могут прокладывать подводные трубопроводы. Данную мысль высказал в Баку 18 ноября 2010 г. президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов на открытии третьего саммита глав прикаспийских государств. Ашхабад дал понять, что прокладка трубопровода в национальных секторах Туркмении и Азербайджана является внутренним делом этих двух стран, а не общекаспийской проблемой. Это можно назвать попыткой серьезного прорыва Туркмении на западном направлении. Такое развитие событий отвечает интересам Азербайджана, который также поддерживает проект «Набукко». Он готов не только поставлять на европейские рынки свои энергоресурсы, но и предоставить коммуникации для экспорта туркменского природного газа в Европу.

Таким образом, обходящий Россию южный энергетический коридор по доставке азербайджанских и центральноазиатских нефти и газа в Европу при благоприятном развитии событий вполне может стать реальностью. Сегодня по этому коридору на миро-

вые рынки доставляются не только энергоресурсы Азербайджана, но и нефть Казахстана и Туркмении. Так, по данным Госкомстата Азербайджана, до 1 ноября 2010 г. по трубопроводу БТД было прокачено 860,4 тыс. т туркменской нефти согласно контракту, подписанному в июле этого же года.

Здесь уже российским политикам и топ-менеджерам не до иронии в адрес «Набукко». Как бы Путин, Сечин, Миллер и руководители рангом ниже ни заявляли о том, что у «Набукко» до сих пор нет гарантированных поставщиков сырья, некоторые специалисты не исключают реализации этой газопроводной системы. В частности, опытный практик и ветеран нефтегазовой отрасли России Юрий Шафраник предостерег от пренебрежительного отношения к «Набукко». То, что сегодня «Южный поток» обеспечен ресурсами, а «Набукко» все еще не обеспечен, не должно нас успокаивать, заявил он. Завтра могут запросто подписать контракты на поставку газа для заполнения трубы, идущей в обход России, закончил свою мысль Юрий Шафраник.

* * *

Проведенный анализ позволяет опровергнуть излишне преждевременный, на наш взгляд, вывод известного российского специалиста по каспийским проблемам профессора Сергея Жильцова. Он, в частности, считает, что к 2011 г. период разработки новых трубопроводных проектов в Черноморско-Каспийском регионе завершился. Свой вывод ученый подкрепляет не совсем понятным аргументом о том, что в ближайшее десятилетие вряд ли стоит ожидать появления новых проектов, поскольку «перед странами региона стоит более сложная задача, которая заключается в том, чтобы найти источники углеводородных ресурсов, а также определить окончательные пути прохождения новых трубопроводов».

Сегодня мы становимся свидетелями интенсивной фазы одного из самых острых геополитических противостояний в Каспийско-Кавказском регионе: газопроводного проекта «Набукко», поддерживаемого ЕС, и «Южного потока», продвигаемого Россией. Нынешний раунд борьбы развивается в контексте возрастающего спроса на природный газ после техногенных катастроф на японских АЭС и заявлений об отказе от атомной энергетики в Европе, особенно в Германии. Соперничество «Набукко» и «Южного потока», обладая всеми чертами динамичной эскалации, развивается по сценарию «игры с нулевой суммой», когда поражение одного

проекта означает победу другого. Конфликтная ситуация между двумя трубопроводными системами есть результат взаимной зависимости и убывания сырьевых ресурсов в современном мире.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2011 г., № 3, с. 101–107.*

А. Клименко,

кандидат военных наук (ИДВ РАН)

ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КИРГИЗСТАНОМ И УЗБЕКИСТАНОМ

Обстановка в Центральной Азии с точки зрения обеспечения региональной стабильности и безопасности остается весьма сложной. Территориальные и другие, связанные с ними, межгосударственные противоречия стали проявляться после распада СССР и в настоящее время еще далеки от разрешения.

В отношениях между Узбекистаном и Киргизстаном одним из основных узлов противоречий является проблема демаркации границ. По всему периметру узбекско-киргизской границы, протяженностью около 1300 км, существует, по разным оценкам, от 70 до 100 спорных участков. Сегодня делимитированы только те участки, где граница проходит по горным хребтам и тем долинам, где не было существенных разногласий. Особые споры вызывают участки границ, которые проходят по водным артериям, таким как каналы, реки и водохранилища, где затрагиваются не только вопросы территориального размежевания, но и решение водохозяйственных проблем.

И все же наиболее жесткая полемика ведется в отношении ряда участков Ферганской долины. Сегодня на юге Киргизии имеется 75 спорных участков, которые постепенно переходят под влияние Узбекистана. К тому же на территории Киргизии есть два узбекских анклава численностью, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек. В свою очередь, и в Узбекистане имеется киргизский анклав с населением около 600 человек. При этом все они лишены прямого доступа на территории своих государств, что создает значительные трудности для их населения. Стороны неоднократно пытались решить данную проблему, однако их подходы к ее решению существенно различаются.

Узбекским руководством предпринимаются попытки заключить со своими киргизскими коллегами соглашение об обмене территориями. Однако киргизская сторона предлагаемые варианты считает неприемлемыми, так как их реализация почти полностью отрезает два района страны – Лейлекский и Баткенский – от остальной территории государства. Решение данного вопроса осложняется и тем, что в одном из таких анклавов (Сох) открыты нефтяные месторождения, в отношении которых в последнее время наблюдаются попытки насильственного захвата как той, так и другой стороной. Причем Узбекистан, пользуясь наличием более мощных вооруженных сил, наращивает воинский контингент на границах с Киргизстаном и в самом анклаве Сох.

Следует отметить, что в последнее время в решение данной проблемы может вмешаться новый фактор, который появился в ходе «цветной революции» в Киргизии весной 2005 г. Известно, что общая численность узбекского населения в Киргизии составляет около 700 тыс. человек. При этом узбекская диаспора в основном занимает именно мятежные Ошскую и Джалалабадскую области на юге страны. Ее представители, используя коррумпированность местных должностных лиц, стремятся занять ключевые посты в ряде отраслей экономики (торговле, сельхозпроизводстве и сфере обслуживания), а также в местных органах управления.

Появились организации, лидеры которых стали выдвигать требования об обязательной квоте для узбеков в парламенте и органах государственной власти, о необходимости законодательного закрепления поста губернатора Ошской области и мэра города Ош за лицами узбекской национальности. Поэтому с началом волнений они шли на обострение обстановки для достижения своих целей.

Учитывая претензии Ташкента на некоторые территории Киргизии, а также националистические настроения в узбекской диаспоре и аналогичные настроения среди экстремистски настроенной части жителей Киргизии, можно сделать вывод о том, что данные обстоятельства могут стать большой проблемой для региональной безопасности и стабильности. Это полностью подтвердилось в ходе майских и июньских беспорядков 2010 г. в городах Ош и Джалалабад, результатом которых было более 2000 погибших и раненых и около 100 тыс. беженцев из числа узбекского населения.

Второй значимый узел межгосударственных противоречий Узбекистана и Киргизстана связан с различными взглядами на причины распространения терроризма в регионе, а также способы

и методы борьбы с ним. Вторжение боевиков Исламского движения Узбекистана на юг Киргизии в 1999 г. резко осложнило отношения между Ташкентом и Бишкеком. Во время баткенских событий президент Узбекистана обвинил Бишкек в том, что «бандиты не сейчас перешли границу Киргизии, а уже два года спокойно курсируют из Таджикистана через Киргизию в Узбекистан. Отсюда эти бандитские вылазки, тонны взрывчатки, которые находили в Коканде, Андижане и Намангане. Все это перевозилось через территорию Киргизии».

Киргизские власти со своей стороны заявляют, что репрессивные действия Ташкента против религиозных деятелей и исламских организаций в начале и середине 1990-х годов вызвали сильную реакцию и способствовали образованию вооруженной оппозиции, с которой теперь ему же приходится бороться.

При этом следует заметить, что в своей антитеррористической борьбе руководство Узбекистана часто прибегает к силовым методам вопреки мнению соседей. Так, узбекские военные минировали некоторые территории Киргизии и ущелья вокруг анклавов Сох и Шахмардан, что привело к человеческим жертвам среди местных жителей, а также нанесло существенный ущерб животноводству. Только благодаря настойчивым требованиям Киргизии и международных организаций узбекскими специалистами были выполнены работы по разминированию. Вопрос о выплате материальной компенсации за нанесенный ущерб узбекской стороной был проигнорирован.

Кроме отмеченного, проблемы в отношениях между Узбекистаном и Киргизией существуют и в сфере экономического взаимодействия, включая совместное использование водных ресурсов региона.

*«Мировые державы в Центральной Азии»,
М., 2011 г., с. 95–98.*

Хахим Абдулло Рахнамо,
кандидат политических наук (Таджикистан)
**ИСЛАМ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
УЗБЕКИСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА
И КИРГИЗСТАНА**

Широкий круг вопросов, связанный с преподаванием и изучением ислама в Центральной Азии, вызывает большой интерес академической общественности как в самом регионе, так и за его

пределами. В последние годы изучению данной проблематики было посвящено значительное число научных исследований, конференций и проектов. Как свидетельствует сравнительный анализ содержания работ по этой теме, комплекс соответствующих проблем рассматривается в них в трех основных ракурсах.

1. Преподавание и изучение ислама как вероисповедной доктрины и как дисциплины в религиозных учебных заведениях.

2. Преподавание и изучение основ ислама как специального предмета в общеобразовательных школах.

3. Преподавание и изучение ислама в светской высшей школе.

Эти три направления изучения и преподавания ислама в государствах Центральной Азии находятся в стадии становления и сталкиваются с многочисленными проблемами методологического, методического, политико-юридического, материально-технического и иного характера. Настоящая статья посвящена одному из важнейших аспектов этого процесса, а именно: анализу современного состояния преподавания и изучения ислама в высших учебных заведениях постсоветской Центральной Азии. При этом автор статьи учитывал следующее немаловажное обстоятельство. Методы, подходы и тематическое содержание предметов исламского и исламоведческого круга неразрывно связаны с формированием мировоззренческих позиций студенческой молодежи не только в отношении ислама как религии, но и всей системы нравственных ценностей. Соответственно, преподавание ислама в светских вузах региона имеет не только научно-просветительское значение, но и оказывает существенное влияние на формирование идейных и общественных позиций учащихся.

В то же время углубленное изучение проблематики, связанной с преподаванием ислама в светской школе Центральной Азии, призвано содействовать выявлению и осмыслению тех насущных проблем, решение которых, по нашему убеждению, должно привести к налаживанию и упрочению внутрорегиональных профессиональных контактов в этой области, усовершенствованию методики преподавания и в конечном итоге формированию современного дееспособного научного исламоведения.

В основу публикации положены результаты полевых исследований, проводившихся в трех центральноазиатских республиках – Узбекистане, Таджикистане и Киргизстане, в том числе материалы, собранные во время встреч с руководством ведущих высших учебных заведений этих республик и бесед с преподавателями предметов, связанных с исламской тематикой. В процессе работы

над статьей был задействован обширный корпус учебной литературы, охватывающий 200 учебников, учебных программ и пособий, используемых в 30 вузах Центральной Азии. В каждой из трех республик преподаванию ислама присуща своя собственная специфика, и в то же время ситуация в этой области на общерегиональном уровне имеет общие черты, обусловленные схожестью переживаемых проблем идеологического, политического и финансового характера. На сегодняшний день преподавание и изучение ислама в светских вузах Центральной Азии осуществляется в рамках следующих предметов и лекционных курсов:

- общие вводные предметы религиозоведческого характера;
- общие гуманитарные предметы, частично охватывающие исламскую тематику;
- спецкурсы, посвященные отдельным аспектам ислама, которые входят в программу подготовки студентов по неисламоведческим и нетеологическим специальностям;
- предметы исламского круга, входящие в программу подготовки по исламоведческим специальностям;
- религиозные предметы, которые преподаются на теологических факультетах.

Наиболее распространенной формой трансляции знаний об исламе в светских вузах Центральной Азии является преподавание вводных предметов религиозоведческого характера. К числу типовых предметов такого рода относятся: «История религии», «Религиоведение» и «Мировые религии». Сегодня эти предметы изучаются студентами гуманитарных специальностей большинства вузов региона, в том числе студентами, обучающимися по специальностям «Философия», «Филология», «Социология», «Юриспруденция», «История», «Востоковедение», «Психология», «Педагогика» и «Журналистика».

В высшей школе Таджикистана на курс «История религии» отводится 36 академических часов. Будучи по своему содержанию кратким введением в религиоведение, он призван донести до студентов в сжатой форме информацию о различных религиях мира – христианстве, буддизме, исламе, зороастризме и др. Ознакомлению студентов с исламом отводится 10 академических часов. Отметим также, что в Таджикском национальном университете (ТНУ) для студентов, обучающихся по специальностям «Философия», «Психология», «Социология» и «Политология», этот курс является обязательным, а для студентов, осваивающих специальности «Филология», «Журналистика», «История» и «Юриспру-

денция», – курсом по выбору. С начала 2007/08 уч. г. студенты могут прослушивать вместо этого курса курсы «Этика» или «География». В ряде таджикских высших учебных заведений лекционный курс примерно с таким же содержанием обозначен в учебной программе как «Религиоведение».

В вузах Республики Узбекистан в качестве вводного религиоведческого предмета обычно преподается курс «Религиоведение и основы духовности», который является обязательным для студентов всех специальностей. Данный курс в объеме 57 академических часов читается на втором курсе по учебным программам, составленным на базе типовой программы, рекомендованной Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан. Программа курса охватывает широкий круг тем, например, таких как «Ранние формы религии», «Национальные религии», «Зороастризм», «Буддизм», «Христианство», «Ислам», «Религиозный экстремизм и фундаментализм» и «Свобода совести и религиозные организации». В соответствии с этой учебной программой 50% выделенных на данный предмет часов отводится на ознакомление с краткой историей ислама, его основополагающими источниками и основными течениями. Особый акцент делается на мистико-аскетическом направлении ислама – суфизме, а также на шариате и мусульманской этике. Следует особо подчеркнуть, что в вузах Узбекистана наряду с предметом «Религиоведение» преподается обязательный специальный курс «Духовно-просветительские основы борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом». Этот краткий курс (объемом в 14 академических часов) был включен в учебный план в 2009 г. Его основой служит программа, разработанная Министерством образования Узбекистана. Согласно этой программе, целью этого курса является «вооружение студентов современными знаниями о реакционной сущности международного терроризма и религиозного экстремизма, а также воспитание молодежи в духе преданности национальной идее». В рамках этого курса рассматриваются такие темы, как «Взаимоотношение государства, религии и религиозных организаций в Узбекистане», «Место и роль ислама в Центрально-Азиатском регионе», «Сущность религиозного экстремизма и терроризма как угрозы стабильности общества» и «Международные политико-правовые основы борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом».

В высшей школе Киргизстана преподавание вводных религиоведческих предметов отличается большей гибкостью, о чем

свидетельствует разнообразие названий и вариативность содержания подобных курсов в различных вузах республики. В частности, в Кыргызском национальном университете им. Жусупа Баласагына студенты всех гуманитарных специальностей прослушивают курс «Религиоведение» (общим объемом 40 академических часов). В соответствии с его программой, разработанной кафедрой религиоведения этого вуза, цель курса состоит в том, чтобы «дать студентам обширные знания по теории и истории религии и свободомыслия, с тем чтобы каждый из них мог ориентироваться в существующем многообразии религиозных воззрений, в истории свободомыслия и атеизма и сообразно со своими взглядами сформировал свое отношение к религии и свободомыслию». В рамках этого курса исламу посвящено четыре лекционных и два семинарских занятия, на которых студенты получают базовые знания об исламе как мировой религии. Тематика курса включает общие сведения о Коране, основных направлениях ислама (суннизме и шиизме), вероучении, ритуале и этике ислама, шариате и основных школах мусульманского права (мазхабах), исламских «сектах», соотношении национальных и религиозных элементов в культуре народов Кыргызстана и т.д. В ряде вузов Кыргызстана курсы примерно такого же содержания преподаются под названиями «Основы мировых религий», «История религий» (Баткентский государственный университет), «История мировых религий» (Ошский гуманитарно-педагогический институт) в объеме от 36 до 54 учебных часов.

В целом, как указывалось выше, преподавание ислама в рамках общих вводных предметов религиоведческого характера является наиболее распространенной и доступной формой получения базовой информации об исламе студентами большинства специальностей светских вузов постсоветской Центральной Азии.

В рамках общих гуманитарных предметов исламская и исламоведческая тематика представлена в курсах по всемирной и национальной истории и философии. В учебных программах по этим предметам выделяется определенное число часов на изучение истории ислама, исламского периода отечественной истории, а также мусульманской философии. Например, в рамках учебного курса «Философия для высшей школы», разработанного на кафедре философии Таджикского государственного университета под руководством профессора С. Наврузова, из 72 часов общего объема курса на исламскую философию отводится 4 часа. В этой части курса дается краткий обзор таких тем, как «Философия на мусуль-

манском Востоке», «Мутакаллимы и му‘тазилиты» и «Философские взгляды ал-Кинди, ал-Фараби Ибн Сины (Авиценны), Ибн Рушда (Аверроэса) и другие исламские школы философии».

В программе «История киргизской философии», разработанной в Киргизском национальном университете, из 36 выделенных на курс академических часов 4 часа отводится на изучение исламской философии. Исламская проблематика представлена в рамках раздела «Социально-философская мысль в Средневековье: Социокультурные предпосылки социально-философской мысли киргизов». Он охватывает такие темы, как «Особенности распространения ислама в Киргизстане», «Арабо-мусульманская философия (фалсафа)», «Мусульманская теология», «Суфизм», «Рационализм Йусуфа Баласагуни (XI в.) и Махмуда ал-Кашгари (1029–1101)», «Идейное содержание устного народного творчества», «Философско-этические взгляды Асана-Кайгы (XV в.), Толубая-Сынчы (XIV–XV вв.) и Санчы-Сынчы (XVI–XVII вв.)». В проблематику курса включены также вопросы, связанные с восточным перипатетизмом (ал-Кинди, ал-Фараби, Ибн Сина) и суфизмом (Джалал ад-Дин ар-Руми). Понятно, что в рамках всего четырех учебных часов возможно дать лишь схематичную характеристику мусульманской философии. Однако следует учитывать то, что этот и подобные ему курсы носят вводно-просветительский характер и рассчитаны в основном на студентов нефилософских специальностей.

Студенты центральноазиатских вузов получают знания об исламе также путем прослушивания специальных курсов, включенных в программу обучения по различным неисламоведческим и нетеологическим гуманитарным специальностям. В данном случае имеются в виду такие специальности, как «Философия», «Востоковедение», «Социология», «Политология» и «Юриспруденция».

Рассмотрим в связи с этим ситуацию в вузах Республики Киргизстан, где учебные планы по почти всем вышеуказанным специальностям включают в себя один-два курса подобного рода. Так, студенты ряда гуманитарных специальностей расположенного в Бишкеке Американского университета в Центральной Азии (АУЦА) посещают спецкурс «Политический ислам», разработанный директором Академии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (Бишкек), доктором Тимом Эпкенхансом. Составленная им программа охватывает обширную тематику, связанную с историей и современным состоянием политического ислама. Приведем в качестве примера ряд тем, которые освещаются в рамках данного спецкурса: «Возникновение полити-

ческого ислама: Ответ ближневосточных интеллектуалов и религиозных деятелей на вызовы колониализма и доминирование Запада в XIX столетии», «Первые мусульманские группировки: “Братья-мусульмане”, ал-джама‘ат ал-исламия и движение салафийи», «Исламская революция в Иране и ее корни», «Ислам в постсоветской Центральной Азии: Гражданская война в Таджикистане и ее последствия», «Современные движения исламского радикализма: “Хизб ут-Тахрир” и ее идеология».

Подобное положение наблюдается и в вузах Таджикистана. Например, в 1998 г. в учебный план юридического и исторического факультетов Таджикского государственного университета был включен предмет «Основы мусульманского права». Этот курс, рассчитанный на 36 часов, был разработан на кафедре теории и истории государства ТГУ профессорами Ф.Т. Тохировым и А.Г. Холиковым. Он охватывает такие темы, как «Доктринальные основы мусульманского права», «Соотношение понятий *шариат* и *фикх*», «Классическое и современное исламское право», «Мусульманское уголовное право», «Мусульманское семейное право», «Мусульманское процессуальное и международное право». Для студентов-юристов данный предмет является обязательным (форма отчетности – экзамен), а для студентов исторического факультета, обучающихся по специальности «Международные отношения», он заявлен как курс по выбору. В этом же вузе в учебный план по специальности «Политология» включены курсы «Мировые религии и политика» (54 академических часа, из которых 24 часа посвящены исламу и современным процессам в исламском мире) и «Ислам и политические процессы» (автор – доцент Б. Солиев; курс рассчитан на 36 лекционных часов). В последнем курсе достаточно подробно освещаются темы, связанные с историей и политической ролью ислама в современном мире. В их число входят следующие темы: «Концепция исламского государства», «Ислам и глобализация», «Модернизация и политический ислам», «Ислам и секуляризм», «Ислам и демократия» и «Региональный экстремизм в Центральной Азии». В Российско-Таджикском славянском университете (РТСУ) студенты, обучающиеся по специальности «Международные отношения», в обязательном порядке посещают курс «Исламский фактор в международной политике и политике Российской Федерации» (объем курса – 56 часов), а студенты этой же специальности в Таджикском государственном университете прослушивают спецкурс «Исламский фактор в международных отношениях» (36 академических часов).

В вузах Республики Узбекистан подобные курсы включены в учебные планы по гуманитарным специальностям. В частности, в Ташкентском государственном юридическом институте (ТГЮИ) и в Университете мировой экономики и дипломатии (УМЭД) введен курс «Мусульманское право» в объеме 36 часов. Программа этого курса содержит такие темы, как «Источники мусульманского права», «Школы мусульманского права (мазхабы)», «Система мусульманского права и ее институты», «Мусульманское гражданское право», «Вопросы семейно-брачных отношений и наследования в мусульманском праве», «Преступление и наказание в мусульманском праве», «Мусульманская судебная система», «Роль мусульманского права в современном мире». Предметы схожего содержания преподаются также в Ташкентском государственном исламском университете («Исламское право») и в Ташкентском государственном институте востоковедения («Основы исламского права»).

От форм преподавания исламской тематики, носящих обзорно-ознакомительный характер, перейдем к формам более углубленного освоения знаний об исламе студентами востоковедной и исламоведческой специализации. Наиболее ярким примером в этом отношении служат учебные курсы, разработанные на различных кафедрах Ташкентского государственного института востоковедения. Этот вуз, созданный еще в 1918 г., является крупнейшим востоковедным центром региона. В настоящее время в нем работают около 30 кафедр. Именно ТашГИВ стал одним из первых в Центральной Азии готовить специалистов-исламоведов. Его учебные планы вбирают в себя значительное число предметов, призванных углубить и расширить знания об исламе у студентов, обучающихся по специальностям «Востоковедение» и «Религиоведение и исламоведение», в том числе «Историю изучения Корана» (45 часов), «Хадисоведение» (50 часов), «Сравнительное изучение сборников хадисов» (45 часов), «Суфизм и суфийские братства» (45 часов), «Ислам и общество» (45 часов), «Исламскую философию» (47 часов), «Историю ислама» (50 часов), «Исламскую теологию» (34 часов) и «Методологию мусульманского права» (45 часов).

Предметы, непосредственно посвященные исламу, присутствуют в программах по специальности «Востоковедение», которые внедрены в ряде вузов Таджикистана, в том числе в ТГУ и в Худжанском государственном университете им. академика Б. Гафурова (ХГУ). В ХГУ студенты 3-го и 4-го курсов изучают

предмет «Исламская цивилизация и арабская филология. Части 1–2». Первая часть программы этого курса, рассчитанная на 36 академических часов, посвящена главным образом истории ислама и исламской цивилизации и охватывает такие темы, как «Арабы до ислама», «“Золотой век” ислама», «Историография ислама», «Философия и литература в исламе», «Исламские науки», «Хадисы и фикх в исламе», «Влияние Корана и хадисов на литературу Востока». Во второй части программы освещаются проблемы перевода и комментирования Корана и влияние Священной книги ислама на арабскую, персидскую и таджикскую литературу Средних веков и Нового времени.

Такую же углубленную форму преподавания предметов, связанных с исламом, практикуют в Ташкентском государственном исламском университете (основан в 1999 г.) и Исламском институте Таджикистана (образован в 2007 г.). Эти два молодых вуза занимают особое место в системе светского высшего образования Центральной Азии, поскольку они готовят не только специалистов-исламоведов, но и религиозных деятелей для внутренних нужд своих стран. В связи с этим статус этих высших учебных заведений, выступающих одновременно в ипостасях как светских, так и религиозных вузов, остается неопределенным, а используемые обоими вузами программы, нормы и стандарты находятся на стадии становления.

Наконец, обратимся к преподаванию ислама на теологических факультетах ряда институтов и университетов Центральной Азии. Здесь, прежде всего, следует отметить то, что феномен «теологического факультета» и сопутствующей ему специальности «Теология» представляет собой новшество в светской системе высшего образования региона и, соответственно, воспринимается общественностью неоднозначно. Тем не менее, как показывает опыт ряда вузов Республики Киргизстан, в Центрально-Азиатском регионе специальность «Теология» постепенно отвоевывает себе место в системе высшей школы.

В связи с этим особый интерес вызывает Государственный образовательный стандарт квалификационной степени бакалавра по специальности 520200 – «Теология», разработанный Министерством образования, науки и молодежной политики Республики Киргизстан и утвержденный приказом № 44/1 от 1 февраля 2007 г. В стандарте подробно расписаны требования к уровню подготовленности абитуриентов по основной образовательной программе. Он включает в себя обязательные минимумы по предметам и кур-

сам, описание целей и содержания каждого предмета, сроки освоения программы, а также требования к государственной аттестации специалиста. Главное отличие стандарта по специальности «Теология» от стандартов по религиозноведческим специальностям заключается в том, что при подготовке специалистов-теологов ислам изучается не только с научных, но и с теологических позиций, что остается основным препятствием для внедрения курса в другие высшие учебные заведения государств Центральной Азии.

На сегодняшний день один из ведущих факультетов теологии Центральной Азии функционирует в Ошском государственном университете. Этот факультет, готовящий специалистов по углубленной программе изучения ислама, был учрежден в 1993 г. при финансовой и методической помощи турецкой просветительской организации «Диянет». Наряду с курсами по общим гуманитарным предметам его студенты прослушивают курсы, которые в Центральной Азии преподаются только в религиозных вузах, – «Классический язык богословия» (72 часа), «Калам» (72 часа), «Тафсир» (72 часа), «Хадисы» (72 часа), «Исламские течения» (32 часа), «Теология» (230 часов) и «Религиозная философия» (230 часов).

Для того чтобы оценить содержание и направленность подобных курсов, рассмотрим в качестве примера программу курса «Калам (мусульманское богословие)». Он читается в шестом семестре в объеме 72 академических часов (52 часа – лекции, 20 часов – семинарские занятия и 14 часов – самостоятельная работа). Первый модуль программы предусматривает рассмотрение таких категориальных понятий, как иман (вера), куфр (неверие), ширк (многобожие), иртидад (вероотступничество), нифак (лицемерие), кабира (тяжкий грех), сифат (атрибуты Аллаха). Второй модуль охватывает такие темы, как «Определение, цель и проблематика науки о каламе», «Вера в пророков и ангелов», «История сотворения мира», «Школы мусульманского права (мазхабы)», «Течения в исламе». Для освоения каждой из этих тем выделяется четыре лекционных часа и два часа семинарских занятий.

Как было сказано выше, в настоящее время система преподавания ислама в вузах Центральной Азии переживает непростой переходный период, который порождает множество сложно разрешимых проблем. Они обусловлены рядом факторов, важнейшими из которых являются изменение идеологических приоритетов на общегосударственном уровне, трансформация методологических установок и педагогических подходов в высшей школе региона, а также ухудшение материально-технической базы вузов-

ского образования. Изучение ситуации в этой области позволяет оценить нынешнюю специфику преподавания ислама в высших учебных заведениях региона и более предметно определить круг проблем, с которыми им приходится сталкиваться.

Альтернативные подходы к исламу: «Научный» или «теологический»?

В методологическом отношении наиболее актуальной является проблема выбора подхода к исламу. Как известно, советское религиоведение в целом и исламоведение в частности руководствовались материалистическим подходом к религии, рассматривая ее как продукт истории, плод человеческого воображения и пережиток прошлого. Содержание современных учебных программ и пособий, используемых в высшей школе центральноазиатских республик, свидетельствует о том, что в них в основном сохраняется марксистское видение предмета. Подобный методологический консерватизм объясняется тем, что религиоведческие дисциплины находятся в ведении вузовских подразделений, которые ранее были кафедрами научного атеизма, и большинство составителей программ по религиоведению и исламоведению относятся к числу преподавателей старой формации, придерживающихся марксистских позиций. При этом приверженцы марксистской школы стремятся не афишировать свои взгляды, зачастую заменяя определение «марксистский» на «научный».

Дебаты идейно-методологического плана, которые периодически ведутся в вузовской среде, свидетельствуют о том, что вопросу подхода к оценке религии как социального феномена присуще явственное идеологическое звучание. Учитывая существенные изменения политико-идеологической ситуации в Центрально-Азиатском регионе, следует констатировать, что материалистический подход к оценке религии нередко встречает резкую оппозицию со стороны не только студенческой аудитории, но и академических кругов, культурной элиты и политических деятелей. Критики сторонников «научного» подхода обвиняют их в том, что они некорректно используют определение «научный», подразумевая под ним все тот же марксистский подход к религии.

В 2008 г. в Республике Таджикистан, где религиозные деятели оказывают значительное влияние на политическую и идеологическую атмосферу, спор о подходах в оценке религии превратился в острейшую дискуссию национального масштаба. В ходе

дебатов была создана специальная комиссия Министерства образования, к работе которой были привлечены представители мусульманского духовенства, в том числе один из известных религиозно-политических лидеров Таджикистана Ходжи Акбар Тураджонзода. Именно он подверг резкой критике так называемый «научный» подход к исламу и его марксистскую сущность. По его убеждению, разработчики учебных программ и составители учебных пособий по исламу обязаны отойти от марксистского подхода и встать на позиции верующих. По его словам, учащиеся общеобразовательных школ и студенты вузов должны изучать ислам как вероисповедную доктрину и при этом опираться на исламские источники, а не на советскую атеистическую и западную исламоведческую литературу.

В дальнейшем Ходжи Акбар Тураджонзода выступил с открытым письмом к министру образования республики и государственному советнику президента Таджикистана по идеологии, в котором он, обличая авторов учебных программ и пособий по исламу, призвал министерство принять неотложные меры по исправлению ситуации. Однако предложения, высказанные Ходжи Акбаром Тураджонзодой в ходе работы комиссии, и его суждения, изложенные в письме Министерству образования, вызвали резко негативную реакцию поборников «научного» подхода, которые заявляли о том, что преподавание и изучение ислама как веры противоречит научным принципам и не соответствует светскому характеру образования в Таджикистане.

Как говорилось выше, сравнительный анализ содержания ряда учебных программ и пособий, предназначенных для вузов региона, показывает, что часть их авторов и составителей сохраняют приверженность материалистическому подходу к религии и продолжают преподавать религиоведческие предметы с позиции марксистской методологии, но при этом традиционный для марксистской идеологии термин «материалистический» зачастую заменяют на «научный», а термин «атеизм» на «свободо-мыслие».

Примером в этом отношении служит программа курса «История свободомыслия», которая применяется в Национальном университете Киргизстана (она рассчитана на 48 лекционных часов и 48 часов семинарских занятий). По своему содержанию и списку рекомендуемой литературы она мало чем отличается от программы читавшегося в советский период курса «Научный атеизм». Студентам предлагают ознакомиться с типичными для

советского времени работами по научному атеизму, включая труды классиков марксизма-ленинизма. В круг чтения студентов, как считают составители программы, должны входить работы, хорошо известные преподавателям научного атеизма советской эпохи.

Вместе с тем, как показывает практика, в обществах Центральной Азии постепенно формируется теологически ориентированное понимание ислама. Таким образом, консерватизм в преподавании ислама в высшей школе вступает в неизбежное противоречие с тем, как мусульманская религия воспринимается в обществе, а поиск новых методологических подходов к оценке ислама остается одной из основных проблем, стоящих перед теми, кто задействован в процессе трансляции знаний об исламе.

*«Изучение преподавания ислама в Евразии»,
М., 2010 г., с. 236–251.*

Нурлан Абдулов,
политолог (РАНХ и ГС)
**ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ,
ИНТЕГРАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

В современном мировом развитии наряду с развитием глобализационных процессов наблюдается тенденция регионализации. Регионализацию можно рассматривать и как проявление общих интеграционных процессов (ведущих в перспективе к глобализации), и как защитную реакцию относительно отставших стран (защищающих свое хозяйство и его позитивную динамику от одного из направлений глобализации). В современной практике существуют два различных типа и один подтип регионализации: возрождение (зарождение) региональных держав, формирование региональных (интеграционных) группировок и возникновение «треугольников развития». Возникновение и существование региональной державы изначально предполагает значительное неравенство экономической мощи сопредельных государств, что позволяет ей навязывать свою волю малым странам мирными политическими, экономическими, дипломатическими методами. Устойчивость таких образований объясняется наличием внешних угроз, формированием взаимовыгодного экономического сотрудничества, элементов общего хозяйства, взаимодополняемостью. Регионализация второго типа наиболее эффективна, так как объе-

динение повышает относительное равенство потенциалов участвующих государств, создается более прочная правовая база сотрудничества, что способствует отказу участников от части суверенитета в пользу наднациональных органов.

Центральная Азия – определение, прочно вошедшее в современный лексикон науки о международных отношениях и политологию. В геополитическом контексте известно, что данные региональные рамки объединяют пять постсоветских республик. Исторические коллизии в Центральной Азии, трансформация бывших административных границ в государственные, создание новой геополитической ситуации нашли отражение в современном понятии «Центральная Азия».

В 1993 г. в Ташкенте на встрече лидеров стран бывшей советской Средней Азии и Казахстана было принято решение о наименовании региона, объединяющего пять постсоветских республик, единым термином «Центральная Азия». Видимо, под этим решением были заложены политические попытки определить единую геополитическую основу для стран региона. Внешние границы стран Центрально-Азиатского региона по периметру границ с Китаем, Афганистаном, Ираном в основном были проведены в период Российской империи и Советского Союза и во многом совпадают с естественными горными хребтами, реками. Данные границы (за исключением казахстанско-российской) достались государствам Центральной Азии как наследие эпохи геополитического соперничества держав.

Существуют различные взгляды на процессы регионообразования в Центральной Азии. Ряд исследователей отрицают наличие регионообразующих признаков, другие склонны видеть региональные рамки шире. В то же время наличие подобной дискуссии – реакция на вызовы, появившиеся в постсоветский период перед странами Центральной Азии, и поиск нетрадиционного ответа на них. Во многом современная геополитика в Центральной Азии опирается на критерии, выработанные до распада СССР. Методологически большинство исследователей как в постсоветском пространстве, так и за его пределами придерживаются заданных западными исследователями параметров. В глобальной матрице регионов, с разными критериями, географическими, этноконфессиональными, геоэкономическими и др., Центральная Азия позиционируется как регион, иногда как субрегион (в рамках СНГ или «Новой Евразии»), как определяют его некоторые американские исследователи). В таком группировании всегда есть условность.

Вопрос только в том, в каком контексте рассматривать регион. На уровне политических элит стран Центральной Азии осознавалась неоднозначность новых понятий. Крупные государства Центральной Азии уже с середины 90-х годов искали оптимальную формулу взаимодействия с региональными соседями и внешним окружением, понимая при этом концептуальную неопределенность новых геополитических конструкций.

Культурно-цивилизационные факторы регионообразования являются весьма существенными, так как способны оказать определяющее воздействие на формирование региональной идентичности. В этом аспекте Центральная Азия видится как зона не только перекрестных геополитических и геоэкономических интересов, но и как пространство для культурно-цивилизационной конкуренции. Китайский исследователь Чжао Хуашен отмечает, что Китай не может оказывать масштабное воздействие на страны региона, в том числе потому, что культура и политическая модель КНР не столь привлекательны для элит стран Центральной Азии, отмечается при этом факт более полуторавекового российского доминирования в Центральной Азии и распространенности русского языка, российских массмедиа, отсутствия барьеров между элитами стран региона и России, в особенности в стиле мышления.

Культурно-цивилизационная доминанта является одной из главных в стратегии Турции и Ирана в отношении постсоветской Центральной Азии. Учитывая современное состояние стран Центральной Азии, культурно-исторический стержень их отношения к своим южным соседям не является определяющим. Учитывая тенденции развития мусульманского мира и его потенциал, а также внутренние тенденции в странах Центральной Азии, вполне вероятно усиление факторов, сближающих регион с исламским миром. Вместе с тем большинство исследователей отмечают значительную распространенность западных ценностей в среде городских жителей и молодежи. Западными их можно назвать также условно, так как советско-русская субкультура, доминировавшая длительный промежуток времени и на которой выросло несколько поколений, в том числе современные элиты стран Центральной Азии, представляется в значительной мере промежуточной, хотя и с большим влиянием европейской культурно-цивилизационной среды.

Непонимание сложности ситуации в Центральной Азии, ее культурно-цивилизационных аспектов явилось причиной ошибочной западной стратегии в странах региона. Американская полити-

ка предполагала, что страны Центральной Азии после обретения независимости устремятся к американским стандартам демократии. Попытки схематично отразить динамично меняющиеся геополитические процессы в Центральной Азии стали причиной появления различных концепций регионообразования. В целом они не совсем разнонаправлены, но очевидно, что представляют попытку геополитически переструктурировать обширное пространство Центральной Евразии.

По мнению А. Богатурова, новые тенденции в международных отношениях на «обширном пространстве» Восточной Азии, такие как активизация США и их союзников на Среднем Востоке, новая «западная» стратегия КНР, повышающаяся роль Индии и Пакистана, способствовали формированию нового геополитического региона и, как следствие, новой подсистемы международных отношений – Центрально-Восточной Азии. Центрально-Восточная Азия – это «единое политико-стратегическое пространство от Закаспия до тихоокеанского побережья Китая».

Первое, на что опирается в своей конструкции А. Богатуров: после падения СССР этнодемографическая, географическая и политико-стратегическая «связка» Пакистан–Афганистан–Таджикистан–Узбекистан укрепились и тем самым обусловила сложную взаимозависимость в сфере безопасности между Афганистаном и Узбекистаном, между Таджикистаном и Афганистаном. Кроме того, взаимозависимость еще более окрепла, по мнению Богатурова, между Пакистаном и Афганистаном. От решения проблемы афгано-пакистанской (линия «Джуранда») и индо-пакистанской (Кашмир) зависит безопасность и в бывшей советской Средней Азии.

Второй фактор – это активизация Пекина на своих западных и северо-западных рубежах. По мнению Богатурова, КНР в 1990-е годы развернула масштабную кампанию по формированию многосторонней структуры сотрудничества в лице ШОС.

Третий фактор – это военное присутствие США в Центральной Азии.

Четвертый фактор – это изменение внешнеполитических приоритетов Москвы, ее «евразияция», повышенное внимание к проблемам экономического сотрудничества и безопасности в Восточной Евразии. И подобно реинтеграции Восточной Европы со своими западными соседями и появлением Центрально-Восточной Европы, также и Центрально-Восточная Азия – результат «стягивания» двух «старых» регионов.

А. Богатуров назвал регион Большой Центральной Азией, включая в него южных соседей стран Центральной Азии – Иран, Афганистан, тем самым частично поддержав известную концепцию Фр. Старра о Большой Центральной Азии. Суть последней сводится к расширению геополитических, экономических и культурных пределов Центральной Азии за счет Афганистана и Пакистана. Озвученная в марте 2005 г. концепция Большой Центральной Азии не стала полноценной альтернативой другим концепциям регионообразования в Центральной Азии.

Для стран Центральной Азии после получения независимости важнейшими задачами в сфере внешних сношений являются создание благоприятного внешнеполитического, экономического климата и формирование основ для стабильного и безопасного развития на международной арене. Геополитические тенденции в 1990-е годы в Центральной Азии свидетельствуют о нарастающем интересе держав и крупных стран к ситуации в регионе. Интерес, с одной стороны, был обусловлен увеличением поставок энергоресурсов из Центральной Азии на мировой рынок, а с другой – проблемами международной безопасности. К активным действующим игрокам в регионе, а именно России, США, КНР, Турции, Ирану, добавились Пакистан, Индия и целая группа стран, реально и потенциально причастных к транспортным маршрутам из Центральной Азии на внешние рынки, а также заинтересованных в новых рынках и обеспокоенных проблемами региональной стабильности. Вопросы региональной стабильности и безопасности в Центральной Азии, связанные в том числе с нетрадиционными вызовами, угрозами, стали одними из ключевых в основе подписания различных межгосударственных соглашений и создания международных организаций. Различные страны демонстрировали альтернативные модели развития и решения возникших вопросов. Тем не менее, по мнению большинства специалистов, Россия сохранила за собой ключевые позиции в регионе. Для этого были экономические, политические, культурные и другие основания. Начиная с периода получения независимости, страны Центральной Азии и Россия были включены в различные двусторонние и многосторонние структуры. Вместе с тем разнообразие и широкий спектр международных организаций в СНГ, и Центральной Азии в частности, свидетельствует как о разной функциональной направленности последних, так и размытости их платформ, ряд из которых если не альтернативен, то по крайней мере сложен.

Модели интеграции на исламских основаниях не встретили поддержки в странах региона. Аналогично обстоит дело и с идеями тюркского единства. Турция в силу объективных причин (экономических и геополитических) не смогла бы взять на себя роль интегратора. Вступление стран Центральной Азии в Организацию экономического сотрудничества (ЭКО) и дальнейшая практика функционирования этой структуры показали пока слабые экономические взаимосвязи государств региона с государствами – основателями ЭКО – Ираном, Турцией и Пакистаном. КНР, как один из ведущих игроков в Центральной Азии, оказалась включенной в многосторонний процесс, вначале касавшийся безопасности приграничной зоны и урегулирования территориальных разногласий, а в дальнейшем, как известно, в рамки такой структуры, как ШОС.

Присутствие США в регионе было сразу обозначено после распада СССР, вначале в качестве политико-экономического игрока, а после 11 сентября 2001 г. – и военно-политического. Активность США в регионе, как известно, отнюдь не ограничилась сферой защиты интересов деятельности американских энергетических компаний и проблемами ядерной безопасности. Важнейшей задачей США в Центральной Азии, как и в других регионах бывшего Союза, было недопущение возникновения потенциально не дружественных Вашингтону коалиций, нейтрализация возможных державных российских амбиций, сдерживание Ирана и по возможности Китая.

Военное присутствие США в Центральной Азии придало новый импульс дискуссии среди американских политиков и аналитиков о роли США в регионе. По мнению эксперта Института национальных стратегических исследований Ю. Румера, у США три возможных роли, которые они могли бы сыграть в своей стратегии в Центральной Азии: ограниченного партнера, гегемона и менеджера в области безопасности. Первая роль была апробирована США в период администрации Клинтона. Он отверг стратегию предыдущей администрации и доктрину Тэлботта. На взгляд Румера, США должны выбрать для себя роль «менеджера по безопасности», избегать превращения в «гегемона» и строить свою политику с учетом интересов России, Китая и Ирана. К важнейшим целям Вашингтона, по мнению Легволда, относится создание стратегического барьера на постсоветском пространстве. Этот барьер должен включать в себя такие ключевые республики, как Беларусь, Украина, балтийские государства, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан. Инструментом для осуществления такой стра-

тегии должно стать укрепление связей этих государств с НАТО в различных формах и на разном уровне. В отношении Москвы США должны быть осторожными, так как перед Вашингтоном здесь стоит двойственная задача. С одной стороны, США не должны допустить доминирования России на этом пространстве или создания альянса между Москвой, Пекином и Тегераном, а с другой – Вашингтону необходимо сотрудничать с Россией, чтобы не допустить дестабилизации Евразии. Таким образом, отношения США и России будут балансировать на грани отношений партнерство-соперничество.

Роль США, по мнению американского геостратега З. Бжезинского, сводится к поддержанию «геополитического плюрализма» в Евразии и недопущению доминирования России на геополитическом пространстве региона. Первостепенный интерес США заключается в том, чтобы обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы беспрепятственный финансово-экономический доступ к нему. Как известно, вследствие отдельных изменений, технологического прогресса снизилась значимость отдельных видов геополитических факторов, характерных для традиционной геополитики, отдельных видов коммуникаций, трансформировалась роль военных факторов. Тем не менее, на взгляд З. Бжезинского, геополитический плюрализм станет устойчивой реальностью, когда сеть нефтепроводов и транспортных путей соединит регион непосредственно с крупными центрами мировой экономической деятельности через Средиземное и Аравийское моря так же, как и по суше.

Концепция геополитического плюрализма несет в себе вызовы для России, КНР, Ирана, что способствует сближению позиций и взглядов России, Китая и Ирана на ряд ключевых для региона Центральной Азии вопросов международной безопасности. По мнению британского специалиста в области международной безопасности Р. Аллисона, Россия является региональным гегемоном, и политика Москвы исходит из этого факта. Как полагает британский исследователь, «уязвимость стран Центральной Азии напоминает уязвимость стран третьего мира периода “холодной войны”».

Примыкание же к региональному гегемону, каковым является Россия, обеспечивает хотя бы частичное понимание участия стран Центральной Азии в различных структурах СНГ. Это привело к регионализму, поддерживаемому региональным гегемоном.

Вместе с тем региональные гегемоны избегают принимать на себя глубокие обязательства в организациях, которые ограничивают их свободу действий. Деятельность Антитеррористического центра СНГ, как считает Аллисон, оказалась малоэффективной, так как ответственность за безопасность в Центральной Азии была разделена с Москвой, западными государствами и Китаем. Еще одним ответом на близость гегемона является балансирование, которое может оказать позитивное влияние на региональное сотрудничество по вопросам безопасности. Правомерно, на наш взгляд, считает Р. Аллисон, что многосторонность, к которой прибегает Москва, прикрывает двусторонние отношения между Россией и странами Центральной Азии.

В таком случае закономерно, что для некоторых лидеров стран Центральной Азии оборонительные структуры и двусторонние соглашения предпочтительнее многосторонних структур или совместных военных структур без участия главных центров силы. Центральноазиатские государства мало надеются на региональные объединения, которые слабо институционализированы и могут оказаться недолговечными. Можно согласиться с мнением, что сотрудничество государств региона больше обращено к вопросам внутренней безопасности, чем традиционным формам внешней обороны. В этом контексте, по мнению Аллисона, главный вопрос для лидеров стран Центральной Азии состоит в безопасности своих режимов.

Таким образом, Центрально-Азиатский регион стал перекрестной геополитической и цивилизационной зоной. По сути, глобальная конкуренция стала отражением, проекцией этих отношений на региональном уровне. Исследователи из стран Центральной Азии, «патриотически» настроенные по отношению к региону, чаще задаются вопросом о региональной общности, ищут формулу целостности пространства. Региональные интеграционные процессы сложны и многообразны. Интеграция, определяемая как «совокупность предпринимаемых человечеством усилий, направленных на взаимное дополнение экономик и использование достижений друг друга и переход в перспективе к мировому хозяйствованию», носит противоречивый характер. Основой противоречий являются существенные трудности, связанные с приспособлением к новым реалиям в условиях интеграционного строительства.

По мнению российского политолога А.Н. Михайленко, интеграционное строительство на постсоветском пространстве станет более эффективным, если оно будет основываться на ряде принципов.

Первый принцип – это принцип стратегического партнерства, означающий, что государства в своей политике должны исходить не из мимолетных желаний, а смотреть вперед, ориентируясь на долгосрочные национальные интересы.

Второй принцип – принцип системности, рассматривающий региональные и субрегиональные интеграционные объединения как элементы глобальной системы, эффективность которых зависит во многом от координации политики в различных сферах сотрудничества интегрирующихся стран.

Третий принцип – принцип прозрачности, означающий тесное взаимодействие государства с обществом и учет его мнения, чтобы выполнялись законы и установленный порядок административных действий.

Четвертый принцип – принцип гибкости, заключающийся в способности приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, успешно разрешать возникающие в ходе интеграционного строительства затруднения. Важным принципом интеграционной деятельности также является сочетание, а не противопоставление процессов управления и самоорганизации, оптимизации их взаимодействия на различных этапах становления и развития интеграции.

Центральная Азия, бесспорно, имеет потенциал, чтобы стать региональным образованием. В этом контексте Центральная Азия – это не только набор из пяти стран, но комплекс историко-культурных, политико-географических и социально-экономических условий, определивших как схожесть, так и дифференцированность потенциалов развития.

*«ЭНДИСИ: Аналитический бюллетень»,
М., 2011 г., № 1, с. 90–102.*

А. Захарьин,
востоковед
ИСЛАМ В КИТАЕ

Ислам проник в Китай в начале эпохи Тан (618–907 гг. н.э.), т.е. на заре своего существования, с северо-запада, через Синьцзян, и морским путем с юго-востока. Мусульманами в Китае были тогда в основном арабы и персы. В эпоху Тан Китай поддерживал связи как с Центральной Азией, так и с арабскими царствами. Уже в 742 г. в столице Китая городе Чанъань (Сиань) была построена знаменитая мечеть, позже названная Большой Сианьской

мечетью. Во времена монгольской династии Юань (1271–1368) в Китай активно переселялись не только воины, торговцы и проповедники, но и представители благородных мусульманских семейств. Некоторые монгольские ханы, ставшие правителями Китая, исповедовали ислам и привлекали своих учителей-мусульман к управлению Китаем. Однако когда монгольскую династию Юань сменила династия Мин (1368–1644), мусульмане были лишены многих привилегий.

Начиная с династии Юань, все мусульмане Китая стали называться «хуэй». Это слово применялось к уйгурам, арабам, узбекам, татарам. В середине XX в. словом «хуэй» официально стали называть только мусульман, ассимилировавшихся в китайской среде и говорящими на китайском языке, а также их потомков от смешанных браков, поэтому в народе ислам традиционно называют *хуэй-цзяо* (учение хуэй), в то время как сами мусульмане предпочитают термин *цинъчжэнь-цзяо* (чисто истинное учение). Встречаются также термины *исылань*, *мусылинь* (исламский, мусульманский).

Хуэйцы проживают в основном в Нинся-Хуэйском автономном районе, имеются малые и крупные компактные поселения в провинциях Ганьсу, Цинхай, Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, Юньнань. Хуэйцы проживают компактно, разрозненно и являются самым многочисленным национальным меньшинством Китая. На протяжении многих веков хуэй жили рядом с ханьцами, поэтому говорят на китайском и используют китайскую письменность. Хуэйцы, живущие с другими национальными меньшинствами, владеют также языками соответствующих нацменьшинств. Незначительная часть хуэйцев знает арабский и персидский. Народность хуэй ведет свой отсчет с VII в. В те времена арабские и персидские купцы занимались в Китае торговлей, некоторые из них осели в Гуанчжоу, Цюаньчжоу и других юго-восточных приморских регионах, где по истечении нескольких столетий постепенно стали одним из этнических компонентов национальности хуэй. В начале XIII в. бежавшие в северо-западные регионы Китая от непрекращавшихся войн среднеазиатцы, персы и арабы постепенно слились с местными ханьцами, уйгурами и монголами, вступая с ними в браки или принимая их веру. Так, постепенно сформировался второй этнический компонент национальности хуэй. Ныне представители национальности хуэй проживают почти во всех уездах и городах Китая. Хуэйцы – мусульмане, и в местах их проживания построены мечети. Хуэйцы соблюдают свои обычаи в пище, вероятно, поэто-

му одной из традиционных сфер деятельности хуэй является индустрия питания. Часто можно увидеть вывески ресторанов и продуктовых магазинов, на которых написано «хуэйминь» или «цинчжэнь» (мусульманская кухня). Эти рестораны и магазины специализируются на обслуживании не только представителей национальности хуэй. Хуэйцы имеют весьма высокий уровень экономического и культурного развития.

С этнической точки зрения ислам в Китае представлен сегодня десятью национальностями, что составляет около 18 млн. человек. Это частично тюркские или тюрко-монгольские общины (уйгуры, казахи, киргизы, дунсян, татары, узбеки), проживающие в провинциях на северо-западе Китая (Синьцзян, Ганьсу, Нинся, Цинхай). Есть небольшая группа говорящих на фарси – таджики в Синьцзяне, а также говорящие на китайском мусульмане хуэй с населением в 9 млн. человек, рассеянные по всему Китаю. Много мусульман в провинции Хэбэй. В Пекине есть целый мусульманский квартал. Еще со времен эпохи Тан мусульмане живут в Сиане. Кроме того, мусульманами также традиционно обжит большой юго-восточный ареал – провинции Юньнань, Гуйчжоу, Фуцзянь, Гуандун. Небольшая народность, представители которой исповедуют ислам, представлена также на острове Хайнань. С религиозной точки зрения мусульмане Китая – сунниты ханефитского толка. Только таджики являются шиитами-исмаилитами.

Этническая инородность привела к отчуждению мусульман от ханьского большинства. Некоторые правила мусульман казались ханьцам непонятными: например, запрет на алкоголь и свинину, ведь у ханьцев свинина традиционно была любимым видом мяса, а алкоголь не позволяли себе разве что буддийские монахи. В конфуцианском Китае профессия торговца презиралась, а мусульмане легко становились торговцами, были поворотливы, богатели. В результате ханьцы стали воспринимать мусульман как чужих, или «варваров». Их считали некультурными, жадными, злыми, воинственными. Правящая маньчжурская династия стравливала ханьцев и хуэй, чтобы, ослабляя их взаимными конфликтами, не давать расти протесту против маньчжурского правления.

Нынешнее положение мусульман в Китае можно назвать неоднозначным. С одной стороны, они, как и представители других религий, имеют право отправлять свой культ. С другой стороны, отправление этого культа происходит под контролем властей и связано со многими ограничениями. Проблема мусульманского образования в старом и современном Китае всегда была пробле-

мой сохранения общины верующих в среде, являющейся в основном немусульманской. Неудивительно, что мусульмане, особенно на северо-западе страны, традиционно воспринимались китайскими властями как пятая колонна. С этим обстоятельством связана в целом плохая изученность вопроса, который, по понятным соображениям, традиционно замалчивался. Первое издание Корана на арабском языке вышло лишь в 1862 г., тогда как первое издание Корана на китайском языке вышло только в 1927 г., через 16 лет после провозглашения республики. Разумеется, тексты Корана ходили в Китае до этого, но в рукописных версиях. Неудивительно, что во второй половине XIX в. произошла целая череда восстаний мусульман против императорской власти. Все они были жестоко подавлены. Однако об актуальности мусульманской темы в Китае вообще и мусульманского образования в частности говорит уже тот факт, что огромное постсоветское пространство Средней Азии населено родственными народами того же вероисповедания и похожего образования, которым китайские мусульмане часто ближе, чем ханьцам.

Для обеспечения религиозного образования традиционного толка (ляоцзяо) в XVI в. в Китае были открыты школы при мечетях. Требования к этому «образованию при мечетях» (цзинтан цзяоюй) были разработаны имамом из Шэньси по имени Ху Дэнчжоу вскоре после возвращения последнего из паломничества в Мекку. В начале XX в. в Китае зародилось фундаменталистское и реформистское движение Ихван, вдохновлявшееся идеями ваххабитов. Основатели этого движения в качестве одного из своих лозунгов выдвинули призыв к модернизации исламского образования. Странники Ихван ратовали за вовлечение в образовательный процесс женщин и обучение на китайском языке, а следовательно, повсеместное и глубокое овладение последним.

Другие мусульманские реформаторы, стремившиеся внести свой вклад в преобразование китайского общества, в начале XX в. основали несколько специальных школ, в частности знаменитый педагогический колледж Чэнда. Последний был создан Ма Сунцзином, одним из четырех «великих имамов» Китая, на базе одной из мечетей провинции Цзинань в 1925 г. Позднее колледж был переведен в Пекин. Программа обучения в колледже предполагала обеспечение современного уровня преподавания: изучались китайский и арабский языки, история, математика, естественные науки, большое внимание уделялось также отправке студентов для продолжения образования за границу. Именно из этого учреждения

впервые в истории страны китайских студентов-мусульман стали посылать для изучения ислама в университет Аль-Азхар в Каире, крупнейший образовательный центр мусульманского мира. Классическая учебная программа традиционного типа предполагала десять лет изучения положений ислама под руководством нескольких имамов. Халиф (букв. «преемник») должен был учить арабский и персидский языки, уметь читать и толковать такие основные тексты ислама, как «Хайти» (сборники предписаний, касающихся процесса омовения и дневных молитв), «Цзасюэ» (т.е. изучение свершений и изречений Пророка Мухаммада), собственно Коран и Священное Писание (Сунна); предполагалось также детальное знакомство с положениями исламского права, представленными в трактатах четырех различных правоведческих школ, а также глубокое изучение других религиозных текстов на арабском и персидском языках. При изучении доктрины суфиев и учений, проповедуемых женщинами-имамами, особое место занимали тексты на персидском языке.

Важным моментом при обучении было особое внимание, которое должен был проявлять учитель по отношению к ученику, – оно было призвано благоприятствовать пониманию текстов и расширению познания. Учебный курс завершался, как и в настоящее время, «церемонией облачения» (чуаньи), которая должна знаменовать собой переход от статуса ученика к статусу «ахуна» (т.е. имама). В современном Китае церемония *chuanyu* понимается шире, чем раньше: она призвана служить сплочению не только членов местной общины и их ахунов, но и поддержанию связи между всеми местными верующими, с одной стороны, и ахуном той мечети, с которой поддерживаются регулярные контакты по линии образования, – с другой.

После 20 лет религиозных репрессий (первое закрытие мечети состоялось в 1958 г. и религиозная деятельность в целом не возродилась до реформ Дэн Сяопина в 1978 г.) в 90-х годах наблюдается возрождение исламской общины: строятся и ремонтируются мечети, распространяется исламское знание, переводятся религиозные тексты. В начале 1980-х годов религиозное образование было ограничено стенами медресе, но благодаря инициативам частных лиц и коллективов как на местном, так и на провинциальном уровне по всей стране быстро открылось множество частных арабских или китайско-арабских школ, а также институтов. Широкое распространение получили «*minban*» – деревенские или кооперативные школы, подписывающие контракт с местными властями.

Результатом политики реформ, проводимых в области образования на протяжении десяти лет (соответствующие решения приняты в 1985 и 1993 гг.), стала децентрализация и приватизация системы образования. Целью мусульманских инициатив было освобождение от государственного контроля и предоставление возможности населению, особенно девочкам, получения базового образования. В Китае около 40 тыс. мечетей, каждая из которых теоретически имеет свою школу. Примечательно, что в некоторых мечетях наряду со школами Корана есть школы боевого искусства. Однако не все ахуны имеют учеников. Это часто связано с усталостью и преклонным возрастом ахунов. В этих обстоятельствах студенты могут легко поступить в другую ближайшую школу. Хотя среднее число учащихся – 20 на мечеть, некоторые мечети, имеющие место для размещения студентов, лучшие условия и в особенности те, где славится преподавание имамов, могут иметь сотню учеников. Эти студенты в основном мальчики, которым по крайней мере 18 лет, так как по китайским законам для изучения религии нужно быть старше 18 лет. В некоторых школах, особенно в провинциях на северо-западе страны, ученикам может быть и 16 лет. Некоторые учащиеся приходят в исламскую школу после окончания средней государственной школы второй ступени (гаочжун), другим удается закончить только начальную школу или первую ступень средней школы (чучжун), некоторые же вообще не владеют китайской грамотой. Они являются выходцами из различных регионов, иногда очень далеких. Если семья учащегося не в состоянии найти деньги, плата за обучение, как и за жилье, осуществляется за счет принимающей общины.

В результате проведенных реформ религиозного образования сократилась продолжительность обучения (число лет обучения сокращено до четырех или пяти). Последнее связано с омоложением ахунов, увеличением числа учителей, а также «текучестью кадров». Изменились форма и содержание классической учебной программы. Имамове предшествующих поколений часто критиковали за то, что они не в состоянии выразить себя на арабском языке, а произносят сказанное с сильным китайским акцентом. В реформированной учебной программе изучается не только священный язык Корана, но и современный арабский язык. Чтобы показать хороший уровень арабского, регулярно организуются соревнования в чтении Корана на провинциальном и национальном уровне в присутствии высокопоставленных лиц из мусульманского мира. Это улучшение преподавания арабского языка происходит за счет

персидского, поскольку тексты, необходимые для выпускного экзамена, в основном на арабском языке, труды на персидском изучаются все реже. Тем не менее персидский по-прежнему остается языком обучения женщин-ахунов и суфийских братств. Однако, в общем, в то время как молодые учащиеся обладают теперь реальным навыком разговора на арабском языке, имеет место уменьшение объема религиозного знания, так как изучается и комментируется меньший объем религиозных текстов: обучение ограничивается знанием основных текстов и дополняется курсом религиозной политики государства.

Учебный цикл заканчивается экзаменом под руководством местного Бюро по религиозным делам, представителя местного отделения исламской ассоциации, если она есть, и местного ахуна. Приняв облачение, новый ахун приглашается местным сообществом служить. Это реформированное обучение распространилось в последние несколько лет на все мечети, независимо от религиозного движения, к которому они принадлежат.

С 1990-х годов по инициативе ахунов или светских преподавателей некоторые школы при мечетях, оставаясь на территории мечетей или поблизости от них, превратились в самостоятельные организации с директором и особой администрацией. Такие школы имеют статус частных или специализированных школ. Некоторые из частных школ известны числом своих учеников, мужчин и женщин, разнообразием программ, а также возможностями для получения высшего образования в Китае (на факультетах иностранных языков) или за границей. Они часто известны под такими именами, как «Китайско-арабская школа», «Школа арабского языка» или «Школа мусульманской культуры». Эти названия часто отражают особую специализацию. Некоторые школы выбирают название «Арабская школа», с тем чтобы подчеркнуть, что их основная задача – преподавание языка. Другие добавляют еще один компонент, чтобы указать на свою религиозную приверженность, например Арабская школа «Свет Мусульманства». Другие подчеркивают свою национальную идентичность, например в названии «Школа хуйской национальной культуры».

Плата за обучение в школах невысока. Скромность расходов объясняется финансовым участием местных общин, а также низким уровнем заработной платы учителей. Некоторые учителя на пенсии и работают почти бесплатно. Оклады рассчитываются в соответствии с семейным положением, регионом происхождения и уровнем квалификации. Иначе говоря, человек, который является

главой семьи, происходит из другой провинции, учился за границей, будет иметь наиболее высокую зарплату. Хотя большинство учителей – мужчины, около трети составляют женщины. Примечательной дополнительной деятельностью является регулярное издание газеты, создаваемой преподавателями с участием студентов. Такие публикации широко распространены в мечетях и в других школах каждой провинции и за ее пределами. Они используются для пропаганды богословских идей и предоставления информации по социальным вопросам.

Образование женщин является одним из основных нововведений. Для китайского общества вообще характерен высокий, особенно для стран Азии, удельный вес образованных женщин. Отличительной чертой китайского ислама являются женские мечети. Управляемые женщинами-ахунами (имамами), они существуют на протяжении нескольких веков, особенно на Центральной равнине. В тех районах, где нет отдельных мечетей для женщин, девочки могут посещать школу при обычной мечети. На вечерние и иногда утренние занятия в мечетях, предназначенные для взрослых работающих и пожилых женщин, собираются десятки людей. Эти занятия проводятся учителями обоего пола. Примером является вечерняя школа – «женская школа» (нюсяо) в г. Санья на острове Хайнань. Эта школа представлена двумя зданиями, одно из которых зарезервировано для девушек, которые проходят регулярный курс обучения при одной из деревенских мечетей, другое предлагает четыре класса для других учащихся.

Если начальное и среднее исламское образование в значительной степени приватизировано, то высшее находится под полным контролем государства. Государство основало институты Корана (исылань цзинсюэюань) на провинциальном уровне через Отдел по делам религий и Исламскую ассоциацию Китая. В Китае восемь институтов Корана, основанных между 1983 и 1987 гг., – в городах Шэньян, Ланьчжоу, Синин, Куньмин, Пекин, Урумчи, Чжэнчжоу и Иньчуань. Институты Корана имеют статус университетов, их задачей является подготовка ахунов, преподавателей и переводчиков арабского языка. Эти институты получают большие финансовые средства и имеют огромные новые здания, готовые, однако, вместить меньше учащихся обоего пола, чем медресе и частные школы. Институт в городе Иньчуань особенно хорошо обеспечен банковскими кредитами для закупок оборудования, в 1986 г. институт получил субсидию в 1 млн. юаней, а также регулярно получает средства из Всемирного исламского банка разви-

тия. Студенты поступают в институты Корана в конце второй ступени среднего образования (гаочжун) после сдачи экзамена. До 2001 г. занятия продолжались всего три года, а теперь – пять лет. Плата за обучение весьма высока. В целях привлечения студентов институты, как в Чжэнчжоу, идут по пути диверсификации учебных программ, а также по пути открытия специальных курсов каллиграфии или боевых искусств. Хотя подобные учебные заведения находятся на высоком уровне элитарности и стоимость обучения в них велика, многие родители настороженно относятся к подобному религиозному образованию, так как оно находится под полным контролем властей.

После окончания института Корана, как и после окончания специальных школ, выпускники могут становиться ахунами. Однако многие учителя и лидеры национальности хуэй утверждают, что сейчас более чем достаточно ахунов, и стремятся открывать молодым людям другие возможности. Некоторые выпускники предпочитают карьеру учителя или переводчика в Гуанчжоу и Шэньчжэне или поступают на факультет иностранных языков Пекинского университета. Молодые женщины в свою очередь преподают в частных школах или могут найти работу в детских садах, открытых местными общинами.

Обучение за границей, как правило, финансируется семьей при поддержке местной общины. Дополнительные субсидии берет на себя принимающий университет. Полный курс занимает обычно около пяти лет, но есть и краткосрочные курсы (три месяца) для ахунов, особенно в Аль-Азхаре. Задачи такого обучения могут быть самыми разными. Хотя в 1980-х годах речь шла об улучшении подготовки ахунов, многие молодые люди быстро обратились к бизнесу, правда, с разной степенью успеха. После неудач в бизнесе некоторые вернулись в религиозную среду и преподают в частных школах. Преподавательские места имеются, как правило, в различных мусульманских организациях. Выезд за границу для получения мусульманского образования является выходом для тех студентов, которые не имели бы ни малейшего шанса сделать это в рамках государственного образования (их семьи не настолько богаты или они недостаточно талантливы, чтобы попасть в лучшие школы). По возвращении из-за границы вчерашние студенты знакомят мусульманскую общину Китая с полемикой, идущей в настоящее время в исламском мире. Их отношение к обществу и роли мусульман в мире, а также к собственному поведению часто зависит от того, где они учились. Так, например, некоторые наи-

более ортодоксальные ахуны не смотрят в непокрытое лицо женщины, когда говорят с ней.

Впрочем, и в самом Китае ислам не един: множество соперничающих движений взаимодействует и противостоит друг другу. Но если в прошлые века борьба велась за влияние между традиционным исламом и суфиями, а также между самими суфийскими братствами, то в начале XX в. конфронтация расширилась и превратилась в противостояние фундаменталистского и модернистского ислама, в образе движения ихван, и совсем недавно еще более ригористического движения – салафи (сантай). Местами борьбы традиционно являются мечеть и улица, но образование всегда было одним из главных полей сражений. Сегодня, как и в прошлом, конфликт может стать очень бурным. В прошлом разногласия касались толкования Корана и религиозных практик.

В наши дни дискуссии практически не изменились: это вечный для всех религий вопрос о возвращении к изначальной чистоте учения, реформирование религиозных практик, которые слишком адаптированы к местным условиям, о верности Корану и о необходимости единства ислама. Образование, таким образом, по сути своей, поприще, на котором находит самовыражение исламская полемика. Как правило, после возвращения из священных городов, человек, несущий новые убеждения, представляет их в школе при мечети. Его харизма, умение убеждать и обучать учеников будет основным залогом успеха такого движения, однако многое зависит и от окружающей социальной и политической среды.

Глубокие изменения, происходящие в последнее время в китайском обществе, не могут не отражаться на умонастроениях членов исламской общины. Беспокойство, рожденное социальным неравенством в результате неравномерного экономического развития, отсутствие точек опор у многих молодых людей, неразвитость демократических институтов приводят к тому, что все больше молодых людей интересуются идеями салафизма о единстве уммы, а также ясными и простыми положениями доктрины салаф – возвращение к вере старейшин. Новые идеалы и образ жизни иной раз удивительны в современном китайском контексте, особенно в том, что касается женщин. Это становится ясно при виде обучающихся в провинции Юннань в школах салафи девушек, которые с ног до головы одеты в черное и закрывают даже лицо. Зрелище это не совсем типично для Китая, потому что девушки из религиозных школ обычно носят только головной платок (хиджаб), а иногда длинные платья.

Внешние проявления приверженности исламским обычаям, равно как и инновации в этой сфере, не столь заботят китайские власти, как вопросы религиозной идеологии. Увеличение числа мусульманских школ, рост числа студентов, возвращающихся из мусульманских стран, распространение сочинений реформаторов начала века, которые сейчас запрещены, а также деятельность некоторых религиозных движений побудили власти Китая усилить контроль над религиозными течениями, в первую очередь внутри ислама. Для этого 23 апреля 2001 г. власти через проправительственную Китайскую исламскую ассоциацию учредили «Комитет по делам исламского образования», который считается специальной (zhuanmen) комиссией на национальном уровне и состоит из 16 членов, с большинством из национальности хуэй (10 из 16).

Китайские власти также пытаются воздействовать на содержание мусульманских проповедей. Первая якобы общественная инициатива началась в Синьцзяне в августе 2001 г. и касалась презентации новой книги проповедей, опубликованных и настоятельно рекомендованных Комитетом в июле того же года. С этого момента организуются конкурсы на лучшую проповедь, похожие на конкурсы по чтению Корана. Комитет отвечает также за публикацию переводов и учебников для преподавания ислама. В частных школах действует своего рода стандарт на использование одних и тех же книг по языку, истории и т.д. Однако эффективность таких методов остается под вопросом, особенно в Синьцзяне, где религиозные проблемы непосредственно связаны с этноязыковыми. После волнений в этом регионе получившее широкое распространение религиозное образование было в 1996 г. вновь запрещено и восстанавливалось позже под неусыпным контролем со стороны государства. В августе 2002 г. в городах Южного Тянь-Шаня мечеть открывалась лишь во время часов молитвы, что делало невозможным любое обучение. Только великая мечеть Ид Ках в Кашгаре оставалась открытой для осмотра туристами.

В 2002 г. имаму в Синьцзяне было разрешено преподавать только одному или двум студентам и только при поддержке Бюро по религиозным делам и местных властей, в то время как в других китайских провинциях число учащихся медресе может быть близко к сотне. В Синьцзяне затруднено открытие мусульманских школ. Организовать подпольную школу можно, но риски велики. Только один Институт Корана (jingxueyuan), управляемый и контролируемый властями, получил государственную лицензию в Урумчи.

Национально-языковая политика китайского правительства объективно создает препятствия на пути уйгур к высшему образованию, в том числе религиозному. В Китае каждая народность использует в начальной школе свой собственный язык, изучение китайского обычно начинается в последний год обучения в начальной школе и продолжается в средней школе в объеме примерно трех часов в неделю. В мае 2002 г. пекинские власти напомнили в прессе о принятом ранее, но еще не применявшемся на деле, решении об устранении уйгурского языка из системы высшего образования. До этого естественные науки преподавались только на китайском, в то время как для преподавания других дисциплин регулярно использовался уйгурский язык.

Бедность уйгурских семей, особенно в оазисах на юге Тянь-Шаня, делает невозможным нормальное образование детей в государственных школах, которые стали платными, даже в течение теоретически обязательных первых девяти лет обучения. В результате уйгурский ребенок, который не происходит из городской, относительно благополучной среды, имеет очень мало шансов получить образование выше начального, которое он, как правило, получает на уйгурском языке. Если семья пытается компенсировать этот недостаток образования религиозной школой, ей придется ждать, пока ребенок не достигнет возраста 18 лет. Тогда можно отправить его либо за границу, в Пакистан, если семья может себе это позволить, либо дать ему пройти курс изучения Корана в другой части Китая. Если удастся установить контакты с соответствующей школой, уйгурские мальчики и девочки могут обучаться в провинциях Центрального и Южного Китая, при этом религиозное образование возможно только на арабском языке, который до этого ребенок нигде не изучал.

Ограниченные возможности для получения образования приводят к тому, что на улицах городов, таких как Хотан, множество мальчиков в возрасте от 12 до 14 лет работают в качестве водителей телег-такси, запряженных ослами, чтобы помочь своим семьям прокормиться. Более того, даже выпускник Урумчийского университета имеет мало надежды на профессиональное трудоустройство в регионе, так как его плохое знание китайского мешает ему получить работу, ведь предпочтение в выборе отдается ханьцам, говорящим на китайском языке. Неудивительно, что в этой безнадежной ситуации молодые люди стремятся сделать карьеру за пределами Синьцзяна или начинают интересоваться идеями равенства и социальной справедливости, вовлекаясь в по-

лемику о единстве ислама и возвращении к халифату. Многие из них, заподозренные в принадлежности к «Хизб ут-Тахрир» (партия освобождения), были арестованы в Синьцзяне весной 2001 г.

В других китайских провинциях ситуация совсем иная, поскольку здесь в основном власти имеют дело с мусульманами национальности хуэй, говорящими на китайском языке. Противостояние происходит не столько с центральными, сколько с местными властями. Не в состоянии осуществлять полный контроль над циркулирующими идеями, китайские власти пытаются передать контроль самим мусульманам, лояльным к китайским властям. Такая политика представляется гарантией того, что рост новых движений будет ограничен. Впрочем, в том, что касается роста движения салафи, этот расчет оказался ошибочным. В реальности традиционная независимость мечетей друг от друга и растущее стремление значительной части исламской общины к идеологической независимости делают контроль над свободной циркулирующей исламских идей достаточно трудной задачей. Как следствие между государственным вмешательством в вопросы религии и растущими формами идеологической автономии существует неустойчивое равновесие, продолжительность которого трудно предсказать.

Итак, идеи модернизации исламского образования возникли в Китае в начале XX в., когда были выдвинуты требования ввести религиозное образование для женщин и преподавание основ ислама на китайском языке. Первое требование частично претворяется в жизнь в современном Китае, второе перестало быть актуальным, так как мусульманское образование осуществляется практически только на арабском языке. В результате реформ в сфере религиозного образования, проводимых в Китае начиная с 1978 г., сократилась продолжительность обучения, изменились форма и содержание классической учебной программы. Срок обучения уменьшился вдвое. В результате реформ больше времени стало уделяться современному арабскому языку. Улучшение преподавания арабского при этом сопровождается сокращением часов, отведенных на изучение персидского языка. Тогда как число традиционно изучаемых предметов и священных текстов сократилось, добавились новые современные дисциплины, например английский язык, информатика и даже ушу. Если религиозное образование на уровнях начальной и средней школ в значительной степени приватизировано, то высшее находится под полным контролем государства. Государство контролирует не только процесс обучения, но и религиозный дискурс, причем контроль осуществляется как государст-

венными учреждениями, так и при помощи лояльных к властям мусульман. Особенно жестким этот контроль является в Синьцзяне, где религиозные проблемы тесно связаны с этноязыковыми. Однако беспокойство, рожденное социальным неравенством, а также неразвитость демократических институтов приводят к тому, что все больше молодых людей интересуются идеями салафизма. В настоящее время трудно предсказать, на какую чашу весов склонится неустойчивое равновесие, существующее между государственным вмешательством в вопросы религии и растущим стремлением мусульманской общины к идеологической автономии.

*«Вестник Московского университета». Сер. 13,
Востоковедение, М., 2010 г., № 4, с. 56–69.*

Илтер Туран,
профессор политологии (Стамбул)
**ТУРЦИЯ НА ПОДЪЕМЕ:
ОТ НЕРАЗВИТОЙ СТРАНЫ
К РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЕ**

Турция сегодня у всех на устах, к ее развитию и политическим перспективам приковано всеобщее внимание, причем в нарастающей степени. В данной статье мы рассмотрим, каким образом за 80 лет Турция из неразвитой страны превратилась в региональную державу, а также проанализируем, как эти изменения влияют на региональную и мировую политику и экономику. Хотя Россия и Турция – очень разные страны, задачи, с которыми они сталкивались в XX и начале XXI в., во многом схожи, так что российский читатель найдет интересные параллели.

Государственная модернизация и общество, сфокусированное на государстве. Турецкая модернизация, начинавшаяся как османская, была инициирована и проводилась государством. Она стала ответом на увеличивающееся военное превосходство Запада, которое со временем превратилось в постоянную угрозу целостности империи. В отличие от российской оборонной модернизации, где гораздо более выраженный акцент делался на индустриализацию, Турция сосредоточилась на культурном преобразовании общества и его вестернизации. Военно-бюрократическая элита поставила перед собой задачу построения «современного» общества через повышение уровня образованности граждан, которым

она стремилась привить «современные» ценности. Этот курс привел к созданию сильного, интервенционистского государства, для которого граждане оставались пассивными объектами восприятия перемен, необходимых с точки зрения высшего политического руководства. Правда, нередко государству не удавалось убедить значительные слои населения в выгодности этих реформ. Кроме того, подобная стратегия не приводила к мобилизации энергии и ресурсов разных слоев общества для поддержки, т.е. отсутствовали важные элементы участия народных масс, которые незаменимы в процессе общественной трансформации.

Первое республиканское руководство пыталось добиться поддержки в первую очередь элит, планируя в долговременной перспективе расширить число своих сторонников настолько, чтобы в их число вошло практически все население. Военные, бюрократия, судейский корпус, учащиеся и преподаватели университетов, а также представители полуофициальных организаций, защищавших интересы людей свободных профессий, получали современное образование и становились опорой режима. Вместе с тем связь с массами осуществлялась через местную знать, объединяющуюся с государственными элитами в Республиканской народной партии (РНП). Она не имела ни массового членства, ни ясной и определенной идеологии. Скорее просто олицетворяла собой современное мировоззрение и взгляды на жизнь. Вместо того чтобы нацеливаться на трансформацию всего общества, РНП предпочитала тактику контролируемых перемен. Главной ее заботой являлась защита основных ценностей республики, таких как лаицизм (движение за секуляризацию и устранение влияния религии в различных сферах жизни общества) и республиканство, поскольку она понимала, что если утратить бдительность, сторонники старого режима поднимут голову.

Внешняя политика нейтралитета, которая себя исчерпала. В области внешней политики первые республиканские правительства стремились разрешить вопросы, оставшиеся после подписания Лозаннского мирного договора, и изменить те его аспекты, которые Турции было труднее всего принять. Не располагая большими средствами для достижения внешнеполитических целей, страна предпочитала воздерживаться от активного участия в международных делах. Турция действовала через Международный суд или улаживала разногласия посредством переговоров. Это породило политику нейтралитета, которая проводилась до тех пор, пока не стало очевидно, что мир готовится к новой войне.

Турция заключила ряд оборонительных договоров, стремясь при этом не испортить отношения с крупными державами антигитлеровской или гитлеровской коалиции. Стратегическое расположение страны побуждало остальных искать ее расположения, и это дало Турции возможность после подписания Конвенции Монтрё 1936 г. восстановить суверенитет над турецкими проливами, утраченный по Лозаннскому миру, а также вернуть контроль над Антиохией-Александреттой, которую французы пытались включить в Сирийский мандат 1939 г. К величайшему разочарованию стран антигитлеровской коалиции, Турция на протяжении всей Второй мировой войны сохраняла нейтралитет. Когда союзные войска захватили инициативу, они настаивали на использовании турецкой территории для борьбы с немцами, чтобы быстрее завершить боевые действия. Однако Анкара не дала согласия и потребовала предоставить ей вооружение, обещанное в соглашениях, чтобы самой позаботиться о своей защите. Многие турки считают, что нейтралитет спас страну от «освобождения» советскими войсками, поскольку в противном случае она бы стала частью «мира социализма».

Конечно, нейтралитет имел издержки. Советы утратили заинтересованность в расширении Договора о дружбе и ненападении 1925 г. Будучи черноморской державой, Советский Союз выражал настойчивое желание изменить режим турецких проливов и правила пограничного контроля между Турцией и Грузинской ССР. Рузвельт поддерживал первое из двух этих требований. Турция почувствовала угрозу, но ей не хватало друзей в новом мировом порядке.

Внешняя обеспокоенность, внутренние перемены и присоединение к НАТО. Отец-основатель республики Мустафа Кемаль Ататюрк умер в 1938 г., и через войну Турция прошла под руководством Исмета Инёню. Когда война подошла к концу, президент Инёню понял, что в условиях обостряющегося соперничества между западным и советским блоками Турции следует присоединиться к Западу. Решение объяснялось скорее интересами безопасности, чем соображениями идейного или духовного родства. Но оно потребовало перестройки внутренней политики. Президент Инёню рассудил, что Турция лучше ассимилируется в западный лагерь, если допустит политическую конкуренцию.

Два фактора облегчили переход к демократии.

Во-первых, в военное время Турция экспортировала сельскохозяйственную продукцию и сырье. Активная коммерческая

деятельность привела к появлению бизнес-элиты. Новая прослойка стремилась спроецировать свое экономическое влияние и силу на политическую арену, занятую местной знатью – приверженцами старых традиций, тесно связанных с РНП. Требование перемен поддержало и крестьянство, вынужденное в годы войны терпеть лишения, помогая обеспечивать полную военную мобилизацию.

Во-вторых, у режима не было идеологической опоры для сохранения однопартийной системы. Фактически нацеленность турецких руководителей на вестернизацию предполагала, что Турция захочет стать похожей на Западную Европу, для которой было характерно демократическое устройство.

Демократизация произошла довольно быстро. В 1946 г. в выборах было разрешено участвовать нескольким партиям. Демократическая партия (ДП) получила несколько мест в парламенте. За этим последовали либеральные перемены в избирательной системе, законы об ассоциациях, печати и полиции. Четыре правительства, сформированные РНП и находившиеся у власти с 1946 по 1950 г., колебались между либерализацией и возвратом к однопартийному правлению. Однако Инёню не отклонялся от курса и привел страну к выборам 1950 г., на которых ДП одержала убедительную победу. К тому времени Турция начала получать экономическую помощь от Соединенных Штатов, сначала в соответствии с программой четырех пунктов (программа президента Трумэна, предусматривающая экономическую поддержку слабо развитым странам. – *Ред.*), а затем с планом Маршалла. В 1949 г. Турция стала членом Совета Европы.

Гораздо труднее было вступить в Североатлантический альянс. Европейских членов НАТО беспокоило, что присоединение Турции не только отвлечет американские ресурсы от их стран, но и увеличит территорию, которую блоку придется защищать. Тем самым Западная Европа рисковала оказаться перед лицом новых угроз. Вместе с тем англичане считали Ближний Восток, в который включали и Турцию, зоной своего влияния, а потому не желали присоединения Анкары к организации, однозначно находившейся под управлением США. Кроме того, союзники считали, что турки зарекомендовали себя ненадежными партнерами, поскольку, по их мнению, во время войны не выполнили взятых обязательств. Чтобы опровергнуть этот аргумент, Анкара выделила в помощь американцам и их союзникам пехотную бригаду для участия в защите Южной Кореи, которую попыталась оккупировать Северная Корея.

Хотя многие члены организации без энтузиазма встретили членство Турции в НАТО, Соединенные Штаты понимали, что Анкара сможет заметно увеличить ее возможности. Речь шла о безопасности Восточного Средиземноморья, об образовании южного фланга и о том, что Турция наряду с Норвегией могла бы взять в клещи советские войска в случае их атаки на центральном направлении. В 1952 г. Турция вместе с Грецией стали членами НАТО.

В разгар «холодной войны» отдельные члены Альянса вынуждены были подчиниться американскому руководству. Для Турции это лидерство было более приемлемым, чем для некоторых других союзников, по двум причинам. Во-первых, она была более уязвима перед лицом угроз, исходивших от стран Варшавского договора, чем многие другие члены НАТО. Во-вторых, она была экономически слаба и зависима от военно-экономической помощи, которую ей оказывал блок. Связь с Альянсом дала Турции возможность модернизировать военное оснащение, усовершенствовать подготовку военнослужащих и увеличить оборонные возможности. Она также помогала преодолевать кризисы, поражавшие турецкую экономику с почти прогнозируемыми интервалами.

Экономический аспект взаимодействия с западными союзниками нуждается в пояснении. Республика наследовала аграрную экономику, но отдельные деревни не были интегрированы в национальную систему хозяйствования. Еще до того как Турция присоединилась к НАТО, американская экономическая помощь позволила начать строительство дорог, благодаря чему у аграрных провинций появилась возможность влиться в большую экономику. Крестьяне могли продавать свою продукцию на рынках турецких городов. Всего за несколько лет в стране сформировалась единая и постоянно расширяющаяся хозяйственная система. Резко вырос спрос на товары и услуги, удовлетворять который становилось труднее с каждым годом.

Первая мировая война высосала из страны и без того ограниченные ресурсы. Капитала, необходимого для восстановления, у Турции не было. Государство пыталось выделять фонды на промышленное развитие. В 1933 г. был даже принят соответствующий план, реализации которого помешала новая война. Коммерсанты, производившие, собиравшие и продававшие сырье и сельскохозяйственную продукцию, накопили во время войны определенный капитал, но эта общественная прослойка, сосредоточенная пре-

имущественно в небольших городах, не могла стать застрельщиком индустриализации. После войны государство снова взяло на себя руководство индустриализацией, инвестируя в промышленность, а также предоставляя дешевые кредиты частным предпринимателям.

Главный посыл политики индустриализации заключался в замещении импорта. Сторонники этой линии стремились уменьшить зависимость Турции от внешнего мира. Однако этот подход не выдержал проверку практикой. Хотя производство росло, а потребность в импорте уменьшалась, это привело лишь к изменению структуры импорта, в котором стал преобладать капитал и промежуточные товары, а не конечная продукция. Неспособность финансировать подобного рода импорт могла обернуться закрытием заводов и массовой безработицей. А поскольку товары не отличались высоким качеством и конкурентоспособными ценами, единственным способом финансирования экономики стало заимствование. Несоответствие между доходами от экспорта сырья и сельскохозяйственной продукции и внешними расходами приводило к периодическим кризисам. Экономический рост финансировался внешними заимствованиями до тех пор, пока не возникли сомнения в способности Турции возвращать долги. Когда необходимые средства найти не удавалось, начинался кризис. Будучи южным форпостом евроатлантической безопасности, Анкара не раз убеждала союзников помочь ей в преодолении трудностей. Сложилась даже определенная традиция, по которой западные партнеры периодически просили Турцию начать реформы, ввести строгие меры экономии и осуществить девальвацию лиры под руководством МВФ. В ответ союзники во главе с США, а затем с Германией создавали консорциумы с целью восполнения потребностей Турции в твердой валюте. После стабилизации экономической ситуации повторялся тот же процесс расширения производства, который рано или поздно приводил к неспособности обслуживать займы и к новому кризису.

Нефтяной шок 1973 г. показал несостоятельность стратегии импортозамещающей индустриализации. В течение следующих семи лет попытки справиться с экономическими трудностями не давали результатов. Частные производители, со временем существенно укрепившиеся, пришли к пониманию необходимости серьезной корректировки экономической политики. В конце 1979 г. Турция не смогла импортировать достаточное количество топлива для удовлетворения своих внутренних потребностей и выплачи-

вать жалование дипломатам. Суровая реальность вынудила задуматься о смене экономического курса. 24 января 1980 г. совет министров изменил правила, введенные в годы Второй мировой войны для «защиты турецкой лиры». Были сняты многочисленные ограничения на владение, перемещение и продажу иностранной валюты.

Мало кто в Турции понимал, что это решение запускает механизм радикальной трансформации. Вскоре экспорт пошел в рост, появилась твердая валюта, экономика стала расти как на дрожжах. Произошедшие изменения положили начало росту на базе экспорта, который продолжается поныне. Спустя сравнительно небольшой промежуток времени турецкая экономика интегрировалась в международную и превратилась в 17-ю экономику мира и шестую экономику Европы по объему ВВП. Турция также стала членом «Большой двадцатки».

Выбор в пользу экспортно-ориентированного экономического роста в 1980 г. был первым из двух важных событий, вызвавших трансформацию внутренней и внешней политики. Турция превратилась в «торгующее государство», где главную роль играют экономические соображения, а не факторы безопасности в чистом виде. Говоря иначе, концепцию безопасности переосмыслили, признав, что экономика играет ведущую роль в ее обеспечении, тогда как в прежние годы этому не придавалось такого большого значения.

Второе важное событие – конечно, окончание «холодной войны», ознаменовавшееся распадом Советского Союза и Варшавского договора. Исчезновение «врага» означало, что у стран НАТО стало меньше ограничений в выработке внешней политики и установлении более тесных отношений с бывшими противниками, включая Россию. Можно сказать, что 1991 г. явился точкой отсчета новой внешней политики.

Торговая ориентация побуждает Турцию искать новые рынки по всему миру. Помимо непосредственных соседей – России и бывших советских республик – это также Балканские государства и страны Ближнего Востока, Африка, Китай и остальная Азия, а также крупные государства Латинской Америки. Все эти рынки стали важными мишенями для турецкой экономической экспансии. Когда экономические соображения приобрели гораздо большее значение для выработки внешнеполитического курса, турецкое правительство начало более чутко относиться к политическим

интересам стран, с которыми Анкара расширяла или планировала расширять двустороннюю торговлю.

Во внутренней политике, что не менее важно, избиратели стали оценивать то или иное правительство в основном по экономическим успехам. Аргументы, основанные на идеологических клише и / или соображениях укрепления безопасности, которые сопровождаются призывами «потуже затянуть пояса», пользуются все меньшей популярностью. Кроме того, поскольку страна все более процветает, в основном благодаря частной инициативе, гражданское общество чувствует себя сильнее и увереннее, выдвигая требования к власти. Независимые организации гражданского общества также усиливаются и распространяются. Турецкая политика становится более демократичной, и общественное мнение играет растущую роль.

Если коротко обобщить сказанное, то после 1991 г. турецкая внешняя политика претерпела существенные изменения, которые можно разделить на два периода. На первом этапе Турцию можно охарактеризовать как лояльного союзника, интересы которого шире интересов Альянса. На втором – как самостоятельного игрока на мировой арене. Первый период, начавшийся в 1991 г., продолжался до выборов 2007 г. Во втором периоде страна находится сейчас.

С 1991 г. внешняя политика Турции была нацелена на развитие более тесных и многоплановых связей с бывшими противниками, а также странами, недавно получившими независимость. Должное внимание уделялось сохранению и совершенствованию хороших отношений с Западом, поскольку Анкара считала, что ее основные интересы находятся там. О том, какое значение Турция придавала связям с Западом, лучше всего судить по ее настойчивому стремлению присоединиться к Европейскому союзу. Турция проявила заинтересованность в тесных отношениях с Европейским экономическим сообществом сразу после его возникновения. Кульминацией стало заключение в 1963 г. Договора об ассоциированном членстве Анкары, в 1970 г. он был дополнен протоколом о трехступенчатом процессе, который подготовит страну к интеграции в ЕС. Нежелание быстро двигаться к цели было взаимным. С одной стороны, Турция опасалась, что полноценное членство серьезно подорвет независимость и хрупкую экономику. С другой – Европа не хотела, чтобы неразвитая экономика Турции тяжелым бременем легла на плечи более продвинутых европейских государств. Тем не менее в 1996 г. был заключен Таможенный союз.

Хотя Турцию в отличие от ряда восточноевропейских стран не пригласили присоединиться к ЕС на встрече 1997 г. в Люксембурге (что вызвало энергичные протесты с ее стороны), в 1999 г. в Хельсинки она была объявлена страной-кандидатом, и в 2005 г. начала переговоры о вступлении.

Турция с готовностью участвовала в совместных акциях с НАТО. Она выделяла войска для участия в миротворческих операциях в Ливане, Сомали, Боснии, Македонии, Косове и Афганистане. Также она оказала поддержку введению бесполетной зоны на севере Ирака в рамках военно-гуманитарной операции «Утешение», призванной помочь курдскому меньшинству. Единственное крупное разногласие этого периода имело место в 2003 г., когда Турция не позволила Соединенным Штатам использовать свою территорию для отправки войск в Ирак. Оглядываясь назад, можно понять и объяснить нежелание Турции сотрудничать с Вашингтоном в этом вопросе. Анкару беспокоило, что американская интервенция стимулирует курдский сепаратизм в Юго-Восточном регионе страны, граничащем с Ираком. Турция была также озабочена тем, что ее пособничество США подорвет улучшающиеся отношения с арабским миром. Однако вскоре Вашингтон и Анкара начали латать дыры, поскольку у них слишком много общих интересов. И если бы отказ Турции пропустить американские войска стал развилкой в двусторонних отношениях, это нанесло бы огромный ущерб обеим сторонам. В этот период Турция прилагала усилия, чтобы развивать связи с соседями, а также улучшать взаимодействие со странами Ближнего Востока. Она начала выстраивать контакты с теми регионами, с которыми у нее раньше их не было, например с Африкой к югу от Сахары и Латинской Америкой. Интенсифицировались и отношения с Россией, прежде всего за счет расширения экономических связей. Россия – не только обширный рынок для турецких товаров и услуг, но и важный источник поставок энергоносителей.

Июльские выборы 2007 г., похоже, стали поворотным моментом во внутренней и внешней политике Турции. Они продемонстрировали растущую поддержку Партии справедливости и развития, а также тот факт, что оппозиция слишком слаба, чтобы бросить вызов правительству. К этому времени турецкая экономика стабильно росла шесть лет подряд. Став более уверенным в себе, правительство постепенно перешло к более независимому внешнему курсу, особенно после назначения министром иностранных дел Ахмета Давутоглу. Считается, что он оказывал

большое влияние на выработку внешнеполитического курса еще до назначения, а получив министерский портфель, сформулировал новые принципы внешней политики. В сжатом виде доктрина Давутоглу звучала так: «Никаких проблем с соседями» – мирно разрешать любые споры и конфликтные ситуации с соседними государствами. Давутоглу также провозгласил, что любое событие, происходящее в пограничных регионах, не может не волновать Турцию, и она непременно будет там присутствовать. Эта доктрина внешне не противоречит общей ориентации страны на поддержание связей с западными союзниками. Тем не менее центр тяжести перемещается на соседние государства и регионы. Но, что важнее, Анкара начала проводить независимую внешнюю политику, не всегда совпадающую с приоритетами традиционных союзников.

Однако Турция по-прежнему намерена вместе со своими традиционными союзниками участвовать в построении такого мира, в котором преобладали бы демократические ценности и рыночные институты и где отношения не строились бы на применении силы. Именно эта ориентация на общие ценности составляла основу сотрудничества с союзниками по НАТО в прошлом и остается фундаментом партнерства со странами Запада. В частности, в последнее время Турция поддерживала западных союзников в Египте, Ливии и Сирии. Та же общая ориентация побудила Анкару дать согласие на размещение натовских радаров в Восточной Турции в рамках противоракетной обороны. Союзники Турции приветствовали ее инициативы по углублению мирного процесса. В частности, они одобрили посредничество Анкары на переговорах между Сирией и Израилем для сближения позиций по вопросу о Голанских высотах в 2008 г. Точно так же получили широкое одобрение усилия Турции по смягчению позиции в отношении Армении, хотя они и не принесли заметных успехов.

Однако продолжение союзнических отношений не позволяет закрывать глаза на серьезные проблемы. Это трения между Турцией и ЕС, между Турцией и США, а также стремление Анкары играть более заметную роль в мировой политике в связи с ростом ее экономической мощи и влияния. Наверное, стоит проанализировать эти три главные причины разногласий.

Хотя трансформация турецкой экономики и ее интеграция в мировую экономику усилили желание Турции стать полноправным членом Евросоюза, окончание «холодной войны» и последовавшие изменения в области европейской безопасности снизили

заинтересованность в этом Брюсселя. В турецко-европейских отношениях появилось три проблемных области.

Во-первых, политики ЕС указывают на проблемы в области соблюдения прав человека. Анкара пытается соответствовать ожиданиям Европейского союза, производя изменения на законодательном уровне, обучая чиновников более чуткому отношению к соблюдению прав граждан и создавая специализированные агентства для устранения недостатков, отмечаемых ЕС. В Турции даже ограничена власть военных, которая была постоянным поводом для критики со стороны Брюсселя. Это произошло благодаря судебным процессам, на которых за подготовку интервенции и за деятельность, дискредитирующую гражданские власти, были осуждены высокопоставленные военные чины.

Вторая проблема – это Кипр. Во время последнего крупного расширения Европейского союза Греция пригрозила сорвать весь процесс, если Кипр не войдет в состав объединенной Европы. Брюссель уступил давлению, тем самым нарушив фундаментальный принцип, гласящий, что кандидат на присоединение к ЕС должен прежде уладить все споры с соседними странами, чтобы они не оказались головной болью Брюсселя. Став членом Евросоюза, Кипр решил, что ему не нужно идти на компромиссы в деле объединения острова. Логика Никосии состоит в том, что, учитывая желание Турции присоединиться к ЕС, объединение и так произойдет рано или поздно.

Однако факты свидетельствуют об обратном. Хотя Кипр заблокировал восемь или более разделов на переговорах об интеграции Турции, позиция Анкары о характере приемлемого решения не изменилась, зато возникли другие «осложнения». Турция заблокировала сотрудничество между ЕС и НАТО, поскольку Евросоюз не вправе представлять интересы Турции при планировании обороны Западной Европы. В свою очередь, Кипр не может быть допущен на советы НАТО. Не так давно между греческим Кипром, с одной стороны, и турецким кипрским государством и Турцией – с другой, разгорелся новый конфликт по поводу разведки нефтегазового месторождения в исключительной экономической зоне острова. Хотя Кипр является одним из препятствий на пути дальнейшего строительства отношений между Анкарой и ЕС, имеются и другие помехи, усугубляемые склонностью некоторых членов Евросоюза использовать разделенный остров в качестве предлога для отказа в предоставлении Турции полноправного членства. Так что

не следует переоценивать роль одной маленькой страны в этом деле.

Это приводит к третьей проблеме. Некоторые ключевые члены Евросоюза, такие как Франция и Германия, сомневаются в целесообразности интеграции Турции, предлагая ей в качестве альтернативы особые отношения. Хотя иногда главной причиной их позиции называют отсутствие культурно-религиозной общности, не следует упускать из виду, что присоединение Турции изменит баланс внутри единой Европы и бросит вызов франко-германскому кооперативу, которым Европейский союз сегодня является.

Турецко-европейские отношения сегодня находятся в состоянии стагнации. Анкара утратила первоначальный энтузиазм по поводу присоединения к европейской семье, хотя последние правительства Турции подтверждают преданность европейским ценностям. Со своей стороны, ЕС не сумел стать тем центром силы, которым стремился быть, и сегодня столкнулся с серьезными экономическими проблемами. Стороны делают все возможное для того, чтобы отношения не были окончательно испорчены. Турция строит важные двусторонние связи с отдельными членами Евросоюза, которые ей выгодны и интересны. Несмотря на разговоры о том, что Турция рано или поздно вольется в ЕС, в настоящее время нет убедительных доводов в пользу столь радужного будущего турецко-европейских отношений. И перспектива вступления в Евросоюз все в меньшей степени определяет проводимую Турцией внешнюю политику.

После окончания «холодной войны» в турецко-американских отношениях постепенно нарастало напряжение. Американское руководство, привыкшее определять стратегии и политический курс НАТО, полагало, что продолжит действовать в том же духе. Турция же считала себя вправе действовать более самостоятельно с учетом резко изменившихся обстоятельств. Понимая общность интересов и желая сохранить тесные связи, установившиеся в годы «холодной войны», Анкара и Вашингтон попытались подыскать подходящее выражение, чтобы описать свои взаимоотношения. Поначалу охарактеризовав их как «стратегические», они затем предпочли фразу «образцовое партнерство». Хотя это определение не указывает на конкретный характер отношений, ясно, что обе стороны хотели бы сотрудничать для продвижения общих интересов. Оба государства отличаются прагматизмом, они ориентированы на будущее и стараются не заикливаться на прошлых

разногласиях. Однако наличие многочисленных центров силы и влияния в американской политической системе чревато возникновением неожиданных проблем во взаимоотношениях. Деятельность этнических лобби в Конгрессе США, особенно в Палате представителей, привела к принятию эмбарго на поставки вооружений в Турцию, которое длилось с 1974 по 1977 г. Совсем недавно возникла напряженность в связи с принятием резолюций о геноциде армян. Хотя этот документ не дал конкретных результатов, подобные шаги крайне эмоционально воспринимаются турецкой общественностью, и она, в свою очередь, может заставить правительство предпринять радикальные шаги, которые станут настоящим испытанием для «образцового партнерства».

До недавнего времени Анкара могла рассчитывать на поддержку еврейского лобби, которое выступало противовесом армянскому и греческому влиянию в американском Конгрессе. Однако постепенное ухудшение отношений между Израилем и Турцией, начавшееся с жестких израильских бомбардировок сектора Газа, достигло кульминации, когда израильтяне убили девять турецких граждан на борту корабля, перевозившего гуманитарную помощь для жителей сектора Газа. Американско-израильский комитет по общественным связям (AIPAC) осудил действия Турции как провокацию, так что Анкара больше не может рассчитывать на поддержку еврейского лобби в американском Конгрессе. Несмотря на имеющиеся и потенциальные проблемы, обе страны зависят друг от друга, а значит, приложат силы к тому, чтобы сохранить дружеские, рабочие отношения. Турции не только нужны американские разведданные и некоторые передовые виды вооружений для противодействия курдскому терроризму на северо-востоке страны, но и более широкие гарантии безопасности, которые дает членство в НАТО. Соединенным Штатам нужно работать с Турцией для стабилизации положения на Ближнем Востоке.

В последние годы целый ряд факторов привел к тому, что турецкие политики и стратеги стали считать свою страну региональной державой, способной влиять на мировую политику. Прежде всего этому способствовали впечатляющие экономические достижения, страна постепенно перестала полагаться на поддержку и помощь других государств и международных организаций. Появившиеся экономические ресурсы дали Турции возможность оказывать помощь более бедным государствам, входящим в сферу ее интересов, таких как республики Центральной Азии, а также небольшим и сравнительно бедным Балканским странам. Притяза-

ниям Турции на роль регионального лидера также способствовал отказ других стран, таких как Египет, от традиционной роли лидера арабского мира. Способность вести переговоры с конфликтующими сторонами только укрепила Анкару в новой роли. Наконец, лидерство Турции упрочилось благодаря наличию в ней дееспособной демократической системы, позволяющей на протяжении последнего десятилетия формировать стабильные и эффективные правительства.

Ни один из этих факторов не мог бы объяснить устремлений Анкары, если не принять во внимание желание примерить на себя роль регионального и мирового лидера в международной политике. Когда новое политическое руководство Турции стало увереннее действовать на международной арене, его посетило болезненное осознание того факта, что существует мировой порядок с устоявшейся философией, ценностями, кодексами поведения, основополагающими предпосылками и международными организациями. Оно также осознало, что мировой порядок устроен преимущественно в интересах победителей во Второй мировой войне, а новичкам нелегко стать частью этой системы и оказывать влияние, даже несмотря на возросший политический вес и экономическое влияние.

Турецкий премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, разочарованный неэффективностью, неискренностью и двойными стандартами, присущими нынешнему мировому порядку, решил одновременно сотрудничать с его ключевыми игроками и бросать ему вызов. Соответственно, Эрдоган проголосовал против резолюции Совета Безопасности ООН о введении санкций против Ирана и выступил с резкой критикой Объединенных Наций на сессии Генеральной Ассамблеи в сентябре 2011 г., в то же время одобрительно высказавшись об операциях НАТО в Ливии.

Некоторые обозреватели назвали подобное поведение «самоутверждением третьего мира», другие говорят, что уместней вспомнить о «голлизме». Вместо того чтобы мучительно подбирать подходящий термин, лучше описать эту линию поведения по существу. Новая внешняя политика Турции ревизионистская по риторике, но вполне традиционалистская по фактическим действиям. Риторика частично может быть конвертирована в реальную политику, если будут подходящие условия на международной арене, но это прояснится лишь в среднесрочной перспективе. Турецкому премьер-министру нравится бывать с визитами в странах региона, где ему удается заручиться поддержкой широких масс при

помощи ревизионистской риторики и заявлений о поддержке демократизации. Он добился изоляции Израиля с целью принудить его положить конец бедствиям палестинского народа, но пока этот курс не принес реальных плодов. Если говорить о прагматичных действиях, Эрдоган добивается отмены визовых ограничений между Турцией и странами региона, а также роста торговли и инвестиций с соседями.

Похоже, что Анкара продолжит подобную политику по мере дальнейшего перемещения центра силы из Евроатлантического региона к Азии. Было бы ошибочно приписывать Турции такие грандиозные внешнеполитические цели, как руководство всем мусульманским миром или восстановление Османской империи. В действительности мы наблюдаем формирование средней державы с честолюбивым руководителем, которая порой переоценивает свои возможности, но нацеливается на усиление позиций и влияния в период мирового экономического кризиса и в условиях быстро меняющихся обстоятельств.

Как изменение турецкой внешней политики влияет на российско-турецкие контакты? Нынешний уровень отношений, при котором между двумя странами растет торговый оборот, отменены визовые ограничения и Россия намеревается построить атомную электростанцию в Турции, – неотъемлемая часть перемен. Нет оснований подозревать, что эти связи, особенно в сфере экономики, не получат развития в предстоящие годы. Однако можно смело предположить, что помимо сотрудничества между двумя странами будет развиваться и определенная конкуренция.

В чем суть этой конкуренции? Во-первых, претензии Турции на роль региональной державы подразумевают те территории, которые Россия склонна считать зоной своего исключительного влияния. Речь идет прежде всего о Кавказе и Центральной Азии. Во-вторых, если Россия заинтересована в монополизации поставок энергоносителей и маршрутов их доставки в Европу, то Турция заинтересована в их диверсификации. В-третьих, Россия отождествляет себя с авторитарными режимами на Ближнем Востоке, тогда как Турция привержена демократическим переменам. В-четвертых, Россия является бенефициаром мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны, который Турция оспаривает. Можно легко добавить и другие области соперничества, со временем неизбежно возникнут новые.

Психологический надлом, который России пришлось пережить в связи с ее низведением с позиций сверхдержавы до уровня

державы средней, региональной, а также ощущение опасности в связи с подобными переменами; авторитарный характер российского политического строя, недостатки юридической и правовой системы, неспособность к развитию подлинно рыночной экономики, стремление использовать экономические инструменты для достижения политических целей – все это составляет фон, на котором любые незначительные проблемы способны легко перерасти в серьезные трудности. Турция, со своей стороны, может стать излишне самонадеянной из-за укрепления позиций на международной арене и недостаточно учитывать российскую психологию или озабоченности. Эти непростые обстоятельства требуют благоразумия, осторожности и терпения для поддержания и развития взаимовыгодных отношений.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., Т. 9, № 5, сентябрь-октябрь, с. 124–138.*

А. Яковлев,
востоковед

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Современное развитие Королевства Саудовской Аравии свидетельствует как о немалых достижениях в экономической и социальной сферах, так и о возникновении новых трудностей, порожденных в ходе стремительного процесса модернизации. Созданное в начале XX в. на основе примитивного бедуинского общества, саудовское королевство к концу века кардинально трансформировалось, вобрав в себя традиционные основы араб-исламской цивилизации, некоторые плоды и достижения современной западной культуры. Новое интегрированное состояние саудовского общества очень сложно, но его надежными (пока) скрепами являются ислам и традиции в духовной сфере и государство в общественной сфере.

Опыт развития Саудовской Аравии за последнее десятилетие показал важность государства как главного субъекта социально-экономического развития. Очевидно, что в королевстве оно играет важную роль в экономической, социальной, политической, а также в культурной и духовной жизни. Но прежде рассмотрения деятельности государства в этих сферах обратимся к рассмотрению его природы. Саудовское государство – иноприродно запад-

ной модели современного государства, притом что у них общая цель: обеспечение условий для развития общества в условиях рыночной экономики. Основатель Саудовской Аравии после завоевания и покорения в 1900–1920-е годы различных частей Аравии взял за образец нового государства образ Халифата времен первых, «праведных» халифов, основным принципом которого был шариат. В то же время в более отсталом Неджде Ибн Сауд положил в основу формирования государства концепцию уммы (религиозной общины), а в более развитой провинции Хиджаз – концепцию светского централизованного государства с элементами представительной власти. Возникновение такого симбиоза двух разнородных начал государственности было вызвано прагматичной целью – объединить Аравию под властью одной династии, но имело долгосрочные последствия.

Само по себе сочетание светского и духовного, религии и политики характерно для политической культуры ислама со времен Халифата. Однако в условиях необходимости государственного строительства, с учетом усиливающихся потенциальных угроз власти династии Ааль Сауд со стороны как некоторых групп племен Аравии, так и Великобритании, желавшей большей степени контроля над Аравией, Ибн Сауд не имел времени на постепенное установление в ходе модернизации гармоничного сочетания начал исламской и светской государственности. Первые были в обществе сильнее, но были враждебны переменам, вторые, очевидно, необходимы, но не имели опоры в обществе.

В тогдашних конкретно-исторических условиях Ибн Сауд сделал своей важной опорой племенное начало: различные кочевые и полукочевые племена стали социальной опорой модернизаторской политики короля и источником легитимности династии Ааль Сауд. При этом в действительности он не намеревался сохранить племенные основы социальной организации или принцип консенсуса в отношениях с племенами, все это с очевидностью препятствовало централизации власти в масштабах страны. Племена нужны были ему для решения конкретных задач и лишь в ослабленном виде. Если бы Ибн Сауд оказался выразителем интересов только кочевых племен, страна вернулась бы к состоянию раннефеодального застоя, если бы он склонился в сторону городской буржуазии Хиджаза и отдал преимущество интересам торговцев и ростовщиков, то потерял бы свою опору в центральной Аравии. Сознывая это, Ибн Сауд сразу стал строить государство как институт высшей политической и социальной ценности.

Тем самым созданное им государство превращалось не только в арбитра различных социальных сил и регулятора экономической жизни, но и в патриархального патрона. В то же время традиционная патриархальная форма отношений маскировала их изменившуюся суть и смягчала для жителей пустынной Аравии восприятие перемен.

В отсталой Аравии лишь государство обладало возможностями для проведения модернизации всего общественно-производственного организма (правда, в отличие от западных стран то была не созидаящая, а догоняющая модернизация). Опыт республиканской Турции, в которой в основу государственного строительства был положен принцип этатизма, также учитывался королем. В фундамент созданного Ибн Саудом государства были положены начала религиозные, племенные и светские. Этот противоречивый симбиоз позволил не только выжить новому государству, но и – благодаря нефтяному фактору – сформироваться своеобразной модели государственности. Важными системообразующими элементами этой модели стали принципы ислама (включая шариат), патриархального патернализма и светскость государственности западного образца. Авторитарный королевский режим обладал всей полнотой законодательной и исполнительной власти, а также контролировал систему административного управления в провинциях. Режим стремился к сохранению религиозной и племенной лояльности, впоследствии – также лояльности социально-политической. Центральный аппарат государственного управления (Совет министров) обладал направляющими, регулирующими и контролирующими функциями в экономической жизни. Политическая жизнь протекала в специфической форме внутрдинастических, внутриклановых или межплеменных взаимоотношений, власть должна была считаться с мнением и улемов (семья аш-Шейх), и племенной аристократии (семьи Джилуви, Сунайян и др.). Социальное развитие отчасти протекало стихийно, отчасти регулировалось государством, исходившим из исламских и национально-государственных соображений.

В ходе модернизации, проводимой королем Фейсалом в 1964–1975 гг., усилился абсолютистский характер власти короля за счет умаления исламских и племенных начал (но не отказа от них). Главенство государства оставалось бесспорным. Жесткая вертикальная организация власти смягчалась в некоторой степени традициями патернализма и племенной демократии. Однако по мере модернизации саудовского общества и упрочения в социаль-

но-экономической жизни начал капиталистического строя и буржуазного общества (по западной модели) государство оказалось вынужденным реагировать на столь кардинальные перемены.

Важным рубежом в развитии государства стал 1992 г. Саудовская Аравия была провозглашена арабским, исламским, полностью суверенным государством, религией которого является ислам, а конституцией – «Книга Аллаха всевышнего и Сунна Его Пророка». В стране сохранялась монархическая форма правления, в основе которого лежат принципы «справедливости, совета и равенства». Был создан Консультативный совет из назначаемых королем «благочестивых и достойных людей» для участия общества в делах государственного управления (фактически совещательный орган власти был воссоздан на основах старого Совета (маджлиса), существовавшего 1926–1936 гг. в Хиджазе). Экономической и социальной основой государства являются «собственность, капитал и труд». Государство гарантирует неприкосновенность частной собственности, берет на себя защиту ислама и воплощение в жизнь основ шариата, в соответствии с которым обеспечивает права человека. Оно поддерживает систему социального обеспечения и поощряет благотворительность. Тем самым был подтвержден системообразующий принцип саудовской государственности – принцип этатизма, что еще более сблизило ее с западной моделью государственности, в которой во второй половине XX в. проявлялось все более активное вмешательство государства в экономическую, политическую и социальную жизнь страны.

К концу XX в. в основном завершился процесс модернизации в саудовском обществе. Согласно долгосрочным планам и последовательным действиям государства в стране возникла современная экономика, основанная на современных производительных силах и функционирующая на основе капиталистических начал. В главной отрасли национального хозяйства – нефтегазовой – действует государственная компания САУДИ АРАМКО. Объем добываемой нефти остается на высоком уровне, принимаются меры для увеличения ежедневного уровня добычи ради удовлетворения спроса со стороны растущих потребителей Китая и Индии. В 2008 г. САУДИ АРАМКО разработала пятилетний план расширения своей деятельности. Намечено увеличить объем инвестиций в разведку новых месторождений и обустройство старых месторождений Гавар, Саффания, Марждан, Бери, Зулуф и нового – Манифа (от 10,7 до 13,7 млрд. долл.). К 2013 г. планируется увели-

чить число эксплуатируемых нефтяных скважин с 187 до 248, объем добываемой нефти до 12,5 млн. бар. в день, а далее – до 15 млн. Добыча природного газа обеспечивает потребности внутреннего рынка, а часть газа экспортируется. САУДИ АРАМКО намеревается увеличить объем добычи газа с 5,5 млрд. футов³ в день до 14,5 млрд.

Курс на диверсификацию экономики за несколько десятилетий привел к изменению соотношения в общем объеме нефтяного экспорта долей сырой нефти и нефтепродуктов в пользу вторых. В разных районах королевства были построены новые нефтеперерабатывающие и нефтехимические предприятия, намечается строительство новых. Так, САУДИ АРАМКО приступила вместе с другой крупнейшей государственной промышленной корпорацией, САБИК, к модернизации старейшего нефтеперерабатывающего предприятия в Рас-Таннура, мощности завода к 2013 г. возрастут с 2,4 млн. бар. в день до 3,6 млн.

Использование плановых методов развития экономики позволило государству не только сконцентрировать усилия и ресурсы на стратегически важных промышленных объектах, но и привлекать туда иностранный и национальный частный капитал. Ставка была сделана на создание специальных промышленных зон, начало чему было положено ранее: естественно возникший в конце 1930 – начале 1940-х годов район нефтепромыслов АРАМКО в Восточной провинции, на побережье Персидского залива, стал именно такой особой промышленной зоной. В 1970-е годы опыт его формирования и функционирования был использован при создании новых промышленных зон: в районах Джубайль (побережье Персидского залива) и Янбо (побережье Красного моря). Спустя 20 лет, по мере социально-экономического развития страны, встала задача развития иных, ранее отсталых районов. И вновь эту политику «экономического районирования» целенаправленно проводит государство.

Новые промышленные зоны создаются в районах Джидды, Медины, Хаила, эль-Харджа, Джизана, Даммама, а еще девять новых зон (промышленных городов) в западной, центральной и северо-западной частях страны. Наиболее крупным из них, видимо, станет Экономический город короля Абдаллы, строящийся на месте небольшого городка Рабиг на западном побережье королевства. В частности, предполагается, что новый морской порт войдет в десятку крупнейших портов мира. В промышленной зоне Медины намечается при содействии специалистов из Малайзии создать

наукоемкие, высокотехнологичные производства, а также Город знаний и учебные центры при участии специалистов из университета Тайбея. Стоит отметить обоснованность притязаний саудовцев на создание постиндустриального сектора промышленности: уже в 2009 г. размеры капитализации рынка информационных технологий в стране оценивались в 135 млрд. риалов, что ставило эту сферу национальной экономики на третье место после финансовой и нефтяной. Примечателен быстрый рост пользователей Интернета в стране: 2008 г. – 7831,4 тыс. человек (34% населения), 2009 г. – 10 033,7 тыс. (34,7%).

Государство объявило о планах развития столицы Эр-Рияда (о формировании новых районов и строительстве метро). Города в королевстве стремительно растут: в 1950 г. 15% саудовцев жили в городах, в 2010 г. – 80%. Численность населения столицы составляла в 1968 г. 350 тыс. человек, в 1992 г. – 2,8 млн., в 2008 г. – 4,6 млн., а к 2020 г. ожидается в 11 млн. человек. Город растет горизонтально, 99% жилых домов составляют частные виллы. Ставится задача активизировать высотное строительство. Пока лишь в центре столицы возвышаются башни Фейсалия и Королевская башня (300 м). Государство намерено совместно с частным капиталом осуществить инвестиции в развитие инфраструктуры (строительство дорог, легкого метро) и энергетических мощностей. Обсуждаются планы создания двух городов-спутников с населением по 15 млн. человек. Частные банки готовы оказать финансовую помощь правительству в реализации такого рода масштабных проектов, но очевидно, что главную роль в их реализации вновь будет играть государство.

В 2009 г. было объявлено о готовности двух государственных инвестиционных фондов (Саудовский фонд промышленного развития и Фонд общественных инвестиций) поддержать создание двух крупных нефтехимических заводов на побережье Красного моря в районе г. Джизан (зона Джизан экономик-сити). Это будет одна из девяти новых экономических зон (экономических городов), создание которых планирует Генеральное инвестиционное управление Саудовской Аравии. Создание таких промышленных зон, по планам власти, решает две стратегические задачи: расширение сотрудничества государства и частного сектора, а также создание новых рабочих мест для быстро растущей численно саудовской молодежи.

Естественной частью социально-экономического развития является создание современной инфраструктуры. За годы первого–

восьмого пятилетних планов в стране была с нуля создана система современных автомобильных дорог, модернизированы или заново построены крупные морские торговые и пассажирские порты и аэропорты. Эти объекты обеспечивают условия для успешного функционирования внутреннего рынка и экспортно-импортных операций. При создании инфраструктурных объектов государство изначально сделало ставку на активность частного капитала, и это себя оправдало. Точно таким же образом государство начало действовать в сфере энергетики, но там раз за разом возникали различные проблемы – как недостаточной эффективности частных компаний, так и нехватки инвестиций для развития отрасли.

Важно отметить, что государство не осознается как самодостаточное в процессе социально-экономического развития. Еще в 1962 г. реформатор Фейсал назвал седьмым пунктом в своей программе реформ (знаменитые «десять пунктов») нерушимость принципа частной собственности. Немного позднее, в 1966 г., в одном из интервью король-реформатор Фейсал сказал: «Мы намеряемся двигаться вперед благодаря широкому планированию, ведомые нашими исламскими законами и верой... Мы избрали экономическую систему, основанную на свободном предпринимательстве, так как мы убеждены, что она абсолютно подходит к нашим исламским законам и соответствует условиям нашей страны, предоставляя возможность людям, обладающим инициативой, и любым группам работать для общего блага. Это не означает их безудержного роста, мы будем вмешиваться, когда правительство сочтет это необходимым, но без нанесения ущерба основному принципу...»

В 1980-е годы, по мере угасания нефтяного бума и по мере создания основ современной экономики и современного общества (здравоохранение, образование, социальное обеспечение), власть приступила к проведению приватизации, главная цель которой – увеличение степени участия частного капитала в национальной экономике. Это стало важной частью политики экономической либерализации. Намечалось, в частности, повышение эффективности действующих предприятий, облегчение условий внешнеторговых операций при гарантиях Саудовского фонда развития и перемещения капиталов, финансирование производственных проектов в развивающихся странах также при поддержке этого фонда, обращение иностранной валюты внутри страны. Предусматривалось создание наряду с государственными учреждениями образования и

здравоохранения частных учебных заведений и медицинских учреждений.

Нефтяная, точнее нефтегазовая, сфера была и остается под контролем государства, а доходы от нее – в распоряжении государства. В 2000 г. королевским декретом был создан Высший совет по нефти и минеральным ресурсам. Все иные отрасли национальной экономики, созданные за последние десятилетия, составляют потенциальные объекты для приватизации. (Еще одним безусловным исключением из списка приватизации стала Национальная кооперативная страховая компания.)

Теперь государство позволяет частному сектору действовать в сферах, бывших ранее исключительно в его владении. Гибкость правительственной политики видна в том, что частному капиталу предлагаются две формы приватизации: полный переход предприятия в частные руки и частичный, с сохранением государственного участия (не менее 40%). В начале 1980-х годов частный капитал получил 30% акций крупнейшей промышленной компании страны САБИК. В 1997 г. начался процесс частичной приватизации государственных телефонных сетей страны (для повышения эффективности деятельности и снижения стоимости операций). Несколько частных компаний в сотрудничестве с государственной Почтовой службой начали осуществлять быструю доставку почты и посылок. По степени важности и сложности на первое место в процессе приватизации следует поставить национальную авиакомпанию «Саудия». Она остается монополистом на внутренних и заграничных авиалиниях, принося значительные убытки государству. Различные попытки в 1980–1990-е годы рационализировать управление и снизить издержки успехов не принесли. Путем ее приватизации правительство надеется улучшить обслуживание пассажиров, увеличить прибыльность компании, рационализировать расходы, диверсифицировать источники дохода компании. Важным шагом к достижению этой цели стало создание по решению Совета министров в октябре 1998 г. частной акционерной Национальной компании авиаперевозок, участником которой стала и «Саудия».

Из крупных проектов приватизации можно назвать также морские порты, службы коммунального хозяйства. В июле 2007 г. решением короля Абдаллы как председателя Высшего экономического совета список объектов для приватизации пополнился. В него вошли Корпорация по опреснению морской воды (предлагается не менее чем 60%-ное участие частного капитала в отдель-

ных операциях корпорации), Саудовская электроэнергетическая компания (дополнительный капитал необходим для реализации масштабных проектов энергогенерирующих мощностей), Саудовская железнодорожная организация (средства необходимы для строительства новых участков пути и 35 переходов для автомобилей и верблюдов на существующей дороге Эр-Рияд–Даммам), такие важные социальные объекты, как биржи труда, а в сельскохозяйственном секторе – ветеринарные пункты и сети водоснабжения.

В августе 1999 г. правительством был одобрен проект, разработанный Высшим экономическим советом королевства, предложившим в рамках экономических реформ программу приватизации. Главные ее цели таковы: «Безопасность и благосостояние общества. Неуклонный рост национальной экономики, обеспечивающий реальное увеличение доходов населения. Стабилизация цен. Обеспечение рационального использования рабочей силы и оптимизация трудовых ресурсов, включая “саудизацию”. Контролирование национального долга в разумных пределах. Справедливое распределение доходов, инвестиций и возможностей деятельности. Диверсификация экономики и увеличение доходов государства. Создание прочных правовых основ для инвестиций. Обеспечение правительством возможностей роста национальной экономики в соответствии с целями национального развития. Усиление способности национальной экономики к эффективному вхождению в мировое хозяйство. Расширение вклада частного сектора в национальную экономику путем реализации правительством программы приватизации».

Эволюция саудовского национального хозяйства от моноотраслевого к многоотраслевому, наметившаяся еще в 1980-е годы, но обретающая реальные черты спустя 20 лет, очевидно, повлечет за собой изменения в отношениях государства и частного сектора. С сокращением доли нефтяных доходов в бюджете слабеет способность государства к абсолютному доминированию вследствие монопольного контроля над ресурсами. По мере возрастания доли ресурсов в виде собираемых налогов верховной власти необходимо договариваться с отдельными группировками правящей элиты об условиях изъятия ресурсов. Таким образом, диверсификация саудовской экономики со временем должна сказаться и на социально-политической жизни королевства.

Со сменой эпох неизбежно должна меняться и экономическая стратегия государства. Остаются в прошлом принципы «мо-

билизационной экономики», обеспечившие в 1970–1990-е годы высокие темпы экономического роста. Но то, что было 20 лет назад плюсом, сейчас становится минусом. Национальное хозяйство и его новые движущие механизмы обретают современные реальные очертания, и открывается, что сами по себе «рыночные силы» не в состоянии обеспечить успешное развитие королевства. В стране давно сформировался государственно-монополистический уклад наряду с частным капиталистическим укладом, и их взаимодействие способно организовать лишь государство.

Стоит отметить, что, несмотря на очевидную «нефтяную» и «аравийскую» специфику, названная «двуслойность» саудовской экономики вполне обычна для Запада. Ф. Бродель четко различал «капитализм в разных его формах» и «рыночную экономику» или «два этажа» западной экономики: «сектор монополистический и сектор конкурентный», видя в том «живую диалектику капитализма». Специфика саудовской экономики состоит в том, что власть не отделена от собственности, и правящая семья Саудидов в то же время управляет конгломератом различных промышленных и финансовых корпораций. Это позволяет ей через формальные и неформальные механизмы регулировать экономическое развитие как на уровне государственно-монополистического уклада, так и на более низком уровне. Интересы национальной экономики и интересы государства совпадают в главном, и это соображение однозначно требует от последнего способствовать развитию капиталистической (и – возможно, в будущем – посткапиталистической) экономики.

Основой социального развития королевства служит нефтегазовый сектор. Так, несмотря на быстрый рост численности населения с 22,5 млн. человек в 2004 г. до 25,4 млн. в 2009 г., объем ВВП на душу населения неуклонно рос, составив соответственно 41 668 и 55 535 риалов. Продолжительность жизни увеличилась с 54 лет в 1975 г. до 72,7 лет в 2007 г., что выше, чем в большинстве арабских и развивающихся стран. Уровень детской смертности (на 1 тыс. детей) понизился со 185 в 1970 г. до 26 в 2005 г. Основная часть населения проживает в городах: 1975 г. – 58,3%, 2010 г. – 82,1%. Благодаря активной политике государства сформировались новые социальные силы: национальная буржуазия, рабочий класс, интеллигенция, бюрократия. Развитие системы образования было и остается одним из важнейших приоритетов саудовского государства. Закончилась эпоха «нефтяного опьянения», когда казалось, что все можно купить за нефтедоллары. Ныне все больше внима-

ние обращается на развитие человеческого фактора. В 1998 г. усилия властей по ликвидации неграмотности в королевстве были отмечены специальной премией ЮНЕСКО. В последнее десятилетие, несмотря на финансовые трудности, расходы государства по статье «развитие человеческих ресурсов» остаются в бюджете одними из самых больших (будучи неизменно на втором месте после расходов на оборону и безопасность): 2008 г. – 104,6 млрд. риалов (25,5%), 2010 г. – 137,4 млрд. (25,5%).

Власти отлично сознают важность не только материального, но и интеллектуального развития общества. Так, по инициативе наследного принца, ныне короля, Абдаллы ибн Абдель Азиза, в средних школах в рамках «национального проекта принца Абдаллы» в 1990-е годы начата полная компьютеризация национальной системы образования, а также изменена программа обучения. В ней предусмотрено увеличение часов на изучение точных наук и возможность выбора учащимися курсов по собственным интересам. Это прямо противоречит традиционной методике обучения, в основе которой лежит преобладание религиозных дисциплин, зубрежки и послушания учителю.

В то же время сохраняет остроту проблема рабочей силы. Национальная экономика возникла и обрела свое нынешнее качество при непосредственном и существенном участии иностранной рабочей силы. Иностранцы различных специальностей и уровней квалификации присутствуют в королевстве на временной и постоянной основе, составляя четвертую часть населения и половину рабочей силы. В 2009 г. численность населения составляла 25 373,5 тыс. человек, из них саудовцы – 18 543,2 тыс., несаудовцы – 6830,3 тыс. Численность самодеятельного населения соответственно – всего 8611,0 тыс. человек, саудовцы – 4286,5 тыс., несаудовцы – 4324,5 тыс. Ситуация на рынке труда государственных служащих регулируется министерством гражданской службы, для работников частного сектора существуют биржи труда. В принятом в 2005 г. новом законе о труде предусматривается приоритет коренных граждан страны при приеме на работу. В соответствии с целями Восьмого пятилетнего плана намечается оптимизировать использование иностранной рабочей силы не только за счет ее «саудизации», которая идет медленно и непросто. Увеличение числа рабочих мест для быстро растущего коренного населения – эта цель остается одной из важных в ходе социально-экономического развития, в частности для снижения уровня безработицы. В то же время планируется как ограничение

найма иностранцев на некоторые специальности и в некоторые производства, так и более широкое использование новейших, менее трудоемких технологий.

Контроль государства реально распространяется и на неэкономические сферы жизни. В соответствии с решениями властей развивается общественная жизнь, действуют многочисленные профессиональные и общественные организации, созданы начала демократических институтов власти (Консультативный совет, муниципальные органы власти). В условиях ускоренного социально-экономического развития они принимают на себя ранее несвойственные им функции – формирования современного мировосприятия, новой трудовой этики. Модернизация социально-экономической жизни страны в 1970–1990-е годы привела к возникновению качественно новых условий труда и жизни. В саудовском обществе ввиду стремительного повышения уровня и качества жизни не только верхов, но и широких народных масс возникла тенденция потребительского отношения к жизни, ее смысл стал видеться не в том, чтобы производить, а в том, чтобы потреблять без приложения для этого особых усилий. Эта тенденция накладывалась на давнее традиционное мировоззрение кочевника в условиях натурально-патриархального хозяйствования. Перемещению саудовцев в материальном отношении из условий доиндустриального уклада в индустриальный не соответствовали их поведенческие стереотипы со склонностью минимизации трудовых усилий в скудных условиях пустыни. Присутствие на постоянной основе миллионов иностранных работников воспринимается значительной частью населения в качестве естественного процесса, усиливая иждивенческие настроения и упования на безусловную помощь государства. Немалая часть коренных жителей до сих пор пренебрегает «непрестижными профессиями», предпочитая канцелярскую работу государственного чиновника, службу в армии и полиции, где полученное современное образование остается необходимой формальностью.

Следует особо отметить усилия, которые государство в последние десятилетия прилагает для повышения статуса женщины в саудовском обществе, развивая женское образование и позволяя молодым женщинам (в сопровождении родных) выезжать для обучения за границу. Доля женщин в общей численности рабочей силы еще невелика, в 2009 г. – 16,5%, однако в некоторых сферах и отраслях экономики она заметно растет (здравоохранение, начальное образование, предпринимательская деятельность). Жен-

щины занимают должности низшего и среднего уровня в государственном аппарате (министерствах иностранных дел, здравоохранения, университетах). По оценкам, в стране насчитывается около 3 тыс. женщин, занятых крупным и средним предпринимательством. Несколько женщин входят в Советы торгово-промышленных палат Эр-Рияда и Джидды, некоторые входят в число богатейших людей страны. Следуя курсом «саудизации», правительство намерено создавать новые рабочие места специально для женщин, в том числе в сфере промышленности.

Потенциальным источником роста социальной напряженности могут стать проблемы демографии. Доля молодежи в саудовском обществе уже сейчас крайне велика. При ежегодном росте населения в 2,3% молодые люди в возрасте до 15 лет составили в 2009 г. 8,11 млн. человек, или 31,97% всего населения; следующая возрастная группа 15–39 лет составляет 11,58 млн. человек, или 45,66%. В последнее десятилетие власть озабочена не только проблемами адаптации молодого поколения саудовцев к реалиям жизни современного общества, но и более конкретными вопросами обеспечения жизненных потребностей, создания рабочих мест и направления нарастающего недовольства молодого поколения в безопасное русло. Решение этой задачи было и остается преимущественно делом государства.

Итак, на первый взгляд опыт развития Саудовского королевства за последние десятилетия свидетельствует о закономерности, казавшейся либералам всех оттенков абсолютной: развитие капиталистических начал в социально-экономической жизни с неизбежностью влечет за собой демократизацию. Но это не совсем так. Демократизм в Саудовской Аравии имеется, но он иной природы, чем западный: он основывается на традициях племенной демократии и воле государства к построению более справедливого общества. Сложившаяся за полвека политическая система государства закреплена в принятых в 1992 г. основных Актах (basic Acts), ставших, по существу, конституцией страны. В соответствии с ними Королевство Саудовская Аравия есть арабское исламское государство, конституция – Священный Коран и Сунна Пророка (традиции), язык – арабский, столица – Эр-Рияд. Система правления в Саудовской Аравии монархическая, с правящей династией, основанной королем Абдель Азиз ибн Абдель Рахман Ааль Саудом, во главе с сыновьями его сыновей. Источником власти режима является Священный Коран и Сунна Пророка, которым должны соответствовать другие законы.

Яркими примерами отнюдь не формального значения этой статьи о важности религиозного фактора стали санкции верховного муфтия королевства в 1979 г. о разрешении использовать военную силу для освобождения захваченной мятежниками Большой мечети в Мекке или в 1991 г. о разрешении военных действий против режима Саддама Хусейна совместно с немусульманами (точно так же, как полвека назад фетва верховного муфтия позволила королю Абдель Азизу начать использовать в стране радиосвязь). В то же время в последние десятилетия все зримее становятся противоречия между реалистическим и прагматическим курсом власти и ультраконсервативными взглядами части улемов. Стало известно о смещении некоторых имамов, осуждавших в своих проповедях действия правительства, о закрытии газеты «Муслимун», выражавшей крайние фундаменталистские взгляды, об арестах религиозных активистов, публично выражавших недовольство властями.

Раздел о государстве Основного закона содержит положения о почти абсолютной власти короля, который является и главой правительства, верховным главнокомандующим, назначает министров и высших чиновников, созывает и распускает Консультативный совет (Маджлис аш-шура). Одновременно отмечено, что маджлис (совет) короля и маджлис наследного принца будут открыты для всех граждан, дабы каждый мог использовать свое право обсуждения с органами власти любых вопросов.

Важным и уникальным элементом саудовской государственности является нахождение на территории страны святых мест ислама – Большой мечети в Мекке и мечети Пророка Мухаммада в Медине. И в Основном законе заявлено: государство сохраняет и обеспечивает две Святые мечети, гарантируя безопасность для паломников.

В разделе «Права и обязанности» отмечено, что государство защищает права человека в соответствии с нормами исламского шариата. Там же подробно обозначены обязательства государства в социальной сфере: социальная защита подданных и их семей, предоставление возможностей для труда, защита прав трудящихся и предпринимателей, обеспечение образования и борьба с неграмотностью, предоставление медицинских услуг каждому подданному. Определены и обязательства государства в сфере культуры: государство уделяет большое внимание науке и искусству. Оно поощряет научные исследования, сохраняет арабское и исламское наследие и принимает участие в развитии арабо-исламской и общечеловеческой цивилизаций. Заявлено, что средства массовой

информации должны действовать для просвещения масс и укрепления национального единства в соответствии с традициями и законами государства. Примечательно, что в современных условиях «культурного вызова» и экспансии западной массовой культуры саудовское государство готово противостоять им. По словам доктора Абдаллаха ибн Абдель Мухсена ат-Турки, для защиты «своей социальной и культурной самобытности от произвола западной культуры» необходимо «придерживаться Божественного руководства, Корана и Сунны Пророка, основ и принципов шариата, гордиться своей религиозной и культурной самобытностью и придерживаться ее на практике. Эта самобытность гарантирует... почетное место в том, что касается прав человека в международном сообществе». По мнению отечественных арабистов, культурная политика государства имеет четко выраженные ориентиры, осуществляется целенаправленно и неуклонно, «отсеивая» те элементы современной западной культуры, которые не соответствуют мусульманской и арабской идентичности.

Вместе с тем верность традициям в понимании саудовских властей вовсе не противоречит продолжению перемен. В мае 2003 г. король Фахд в речи, обращенной к членам Консультативного совета, заявил: «Мы стремимся к тому, чтобы наши внутренние дела стали объектом нашего собственного реформирования... Мы будем пересматривать законы и указы, с тем чтобы расширить участие народа в принятии правительственного решения. В рамках благородных шариатских установок мы откроем более широкие горизонты для женщин».

По инициативе нынешнего короля Абдаллы был создан Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза, значение которого состоит в установлении регулярного диалога и взаимодействия общества и властей – при отсутствии «нормативных» по западной модели институтов демократического общества. По сути дела, создание Центра национального диалога можно в равной степени назвать и иницилирующей реформой, поскольку общество в целом пока еще не готово жить по западным принципам демократизма, и санкционирующей реформой. Дело в том, что в январе 2003 г. 115 представителей саудовского «нового класса» из энергичных и инициативных предпринимателей и интеллектуалов, получивших высшее образование на Западе, подали членам семьи Саудидов петицию «Видение настоящего и будущего родины», в которой предлагалось продолжение реформ в сфере политической жизни как альтернатива назреванию новых проблем. В феврале

2004 г. появился новый документ такого рода «Вместе по пути реформ», который подписали уже 905 представителей разных слоев саудовского общества. Авторы обоих документов, предлагая властям в лице правящей династии диалог, в качестве базы для диалога видели существующую систему государственности в единстве системообразующих начал – монархического, исламского и племенного. Тем не менее часть лиц, подписавших второй документ, была арестована. Тем самым власть четко определила пределы, в рамках которых она готова вести диалог с обществом.

Семья Саудидов показала, что не намерена уступать свое господствующее положение и делегировать даже часть своих прерогатив единственного «политического класса» возникшему в результате модернизации «новому классу». Например, нынешний наследник престола принц Султан ибн Абдель Азиз занимает должности министра обороны и авиации, генерального инспектора вооруженных сил, возглавляет Высший комитет совета исламского призыва, Высший совет мусульманских дел королевства, правление государственной корпорации по гражданской авиации, правление государственной корпорации «Саудовские авиалинии», Высший комитет по экономическому развитию, государственный комитет по стратегическим запасам, Высший комитет по политике в области образования, Межведомственный комитет по административному устройству, Комиссию по изданию всемирной арабской энциклопедии, Национальный комитет охраны природы, Генеральную компанию военной промышленности, Генеральный комитет по делам туризма, является заместителем председателя Совета национальной безопасности, Высшего совета по нефти и минеральным ресурсам, Высшего совета по инвестициям, Высшего экономического совета, Высшего совета королевской семьи. Он также руководит созданным в 1995 г. Благотворительным фондом имени Султана ибн Абдель Азиза, который поддерживает различные образовательные, медицинские, научные, социальные и культурные проекты в королевстве и других странах.

Объективно главной задачей нынешнего режима является поддержание стабильности в обществе и устойчивого экономического развития страны. Непременное условие этого – сохранение существующего государства. Опыт большинства стран Востока, успешно проводивших модернизацию в XX в., свидетельствует, что ее завершающим этапом становились кардинальные перемены в политической жизни, которые приводили политическую систему в соответствие с изменившимися социально-экономическими ус-

ловиями, сохраняя при этом на вершине власти правящие и господствующие группы. Секрет такой политики сформулировал в конце XIX в. английский правовед У. Беджгот. Он утверждал: «Наши государственные деятели должны руководить обществом, а не давать обществу руководить собой». Но как этого добиться? У. Беджгот советует правящему и господствующему слою: «Пока низшие классы не научились действовать сообща, есть еще возможность предотвратить это, а предотвратить можно только величайшей мудростью и величайшей предусмотрительностью со стороны высших классов. Они должны избегать не только всякого зла, но и всякого подобия зла; пока власть еще принадлежит им, они должны устранять не только все действительные обиды, но, где это возможно, и все кажущиеся. Они должны добровольно удовлетворить всякое требование, которое может быть удовлетворено мирным путем, чтобы не пришлось удовлетворить против воли такое требование, которое может нарушить спокойствие страны». Глава Консультативного совета С. ибн Хамид не случайно отмечал, что процесс реформ и развития в королевстве определяется тщательно продуманным и взвешенным планом короля, который исходит из «потребностей нынешнего этапа и степени эволюции саудовского общества. Мы не стремимся перепрыгнуть через этапы реформ, чтобы не споткнуться о первое же препятствие». Очевидно, что уже не одна мечеть, но государство при опоре на мечеть способно предотвратить раскол саудовского общества по вопросу о продолжении процесса модернизации.

* * *

Таким образом, в процессе модернизации саудовского общества государство было не только главным и решающим субъектом перемен, иницируя, направляя и регулируя процесс ускоренного развития. На различных этапах этого процесса оно устанавливало соотношение традиционных и современных начал, соизмеряя их роль и важность с переменами в самом обществе и в мире. Государство формировало современное состояние всех сфер жизни общества – экономической, социальной, политической и культурной. Оно же, естественно, сохраняет и пытается сохранить в дальнейшем контроль над этими сферами. А что же само саудовское общество? Оно не просто делегировало свои полномочия государству, приняв принцип патриархальности в отношениях «государство–общество». Арабо-мусульманская цивилизация сформирова-

ла иную, чем западная, европейская христианская цивилизация, модель «государство—общество», в которой сохраняется религиозная основа общественной жизни, за источником власти и права признается божественная природа. И в условиях стремительной по историческим меркам модернизации, не пережив ни своего Ренессанса, ни Просвещения, ни великих революций, которые на Западе отвергли Традицию, создали иную систему ценностей, сформировали рациональную и прагматическую основу общественной жизни, саудовцы смогли сохранить основы своей Традиции. И оказалось, что эти традиционные основы до поры до времени вполне могут сочетаться с новейшими материальными достижениями капиталистической формации.

Конечно, в начале XXI в. в условиях глобализации в саудовском обществе назревает противоречие между объективной необходимостью его вхождения в мировое сообщество и стремлением части общества отгородиться от нарастающих перемен и замкнуться в пределах традиционной культуры и привычного уклада жизни. Едва ли это противоречие может исчезнуть или разрешиться само собой. Но показательно, что основная масса населения страны – богатые и бедные, консерваторы и реформаторы – равно заинтересованы в сохранении ведущей роли государства в общественной жизни. Поэтому государство в Саудовской Аравии, сыграв исторически необходимую и важнейшую роль агента и локомотива модернизации, в начале XXI в. сохраняет свое значение в качестве инициатора и регулятора модернизации, имея в виду не просто аппарат власти, а государство как «сумму иерархий» (Ф. Бродель) – политической, экономической, социальной, культурной и религиозной. Вероятно, что в будущем при проведении новых реформ власть будет исходить не столько из принципа эффективности, сколько из принципа стабильности, стремясь к возможной «гармонии интересов» различных социальных сил в обществе.

Государство вынуждено изменяться, так как изменилось саудовское общество, изменился и быстро меняется внешний мир, от которого в условиях глобализации невозможно отгородиться. Но в ходе модернизации в обществе сохраняется прочная социальная, культурная и религиозная преемственность по отношению к историческому опыту, который не прерывался. Такая надежная опора может существенно помочь усилиям государства при проведении новых реформ. Ведь и в наши дни, вступая в общение с государством, жители королевства независимо от происхождения и

социального положения ориентируются не на ключевые государственные институты и законы, а на «ключевую фигуру» члена семьи Ааль Сауд. Прошлое там не оставлено во вчерашнем дне.

Представляется, что в Саудовской Аравии окрепнут и разовьются те тенденции в экономической жизни, которые проявились в 1990-е годы: возрастание самостоятельности частного сектора и сотрудничество государства с частным капиталом на равноправных началах в рамках системы «экономика развития» – уже не «экономика потребления» и еще не «экономика знаний». В социальной жизни государство обречено сохранять за собой те обязательства, которые были приняты в правление королей Фейсала, Халеда, Фахда и Абдаллы, закреплены в статьях Основного закона. В социальной и политической сферах можно ожидать нарастания противоречий между ожиданиями перемен со стороны образованной саудовской молодежи и стремлением консервативных сил сохранить в целостности нынешний уклад жизни. Пока власть дальновидно идет на уступки, используя метод санкционирующих реформ, признавая законность тех преобразований, которые уже возникли и укрепились в обществе. Вместе с тем не определилась тенденция к уменьшению роли государства как полновластного регулятора всей общественной жизни и единственного реформатора. Видимо, часть этих функций примет на себя модернизирующееся саудовское общество.

«Восток (Oriens)», М., 2011 г., № 5, с. 84–96.

Леонид Исаев,
историк (ВШЭ)

«ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: АРАБСКИЙ МИР В ПОИСКАХ СТАБИЛЬНОСТИ

Арабская весна 2011 г. стала настоящим испытанием на прочность для всех без исключения политических лидеров региона. Президенты Туниса и Египта, Зин аль-Абидин бен Али и Хосни Мубарак, потеряли свои посты. Государство Муамара Каддафи в Ливии рухнуло, в то время как режим Башара Асада в Сирии балансирует на грани коллапса. Правление династии аль-Халифа в Бахрейне напрямую зависит от поддержки со стороны могущественного саудовского соседа, а Йемен вновь столкнулся с угрозой распада. Всеми этими проблемами, вкуче с уже традиционными для арабского мира конфликтами в Сомали, Судане и Ираке, при-

дется заниматься старейшей международной организации – Лиге арабских государств (ЛАГ).

Как известно, намечавшийся на 28–29 марта 2011 г. 23-й саммит ЛАГ на уровне глав государств в Багдаде был перенесен сначала на май, а потом и вовсе на 2012 г. В прежние времена Ирак уже дважды принимал арабских лидеров. Саммит 1978 г. памятен тем, что на нем по инициативе бывшего иракского президента Саддама Хусейна Египет был исключен из Лиги за подписание мирного договора с Израилем. А в 1990-м тот же Саддам Хусейн созвал в своей столице внеочередной саммит, чтобы заручиться поддержкой арабских государств накануне вторжения в Кувейт.

Предстоящая встреча в Багдаде была чрезвычайно важна для принимающей стороны. Во-первых, в ней видели определенный вотум доверия Ираку после арабской изоляции, начало которой положило поражение Саддама Хусейна в войне с Кувейтом в 1990 г. Во-вторых, иракцы надеются, что проведение саммита на их территории позволит им восстановиться в качестве ведущего государства региона; это стремление стало особенно актуальным на фоне политически парализованного Египта. И, наконец, официальный Багдад хотел бы продемонстрировать всему миру и США в частности готовность своей армии и полиции к окончательному выводу американских войск, намеченному на конец 2011 г.

Однако возможность проведения масштабной встречи в Багдаде, сотрясаемом ежедневными взрывами, у многих с самого начала вызвала сомнения, в первую очередь из-за соображений безопасности. На внеочередном саммите ЛАГ в Сирте (Ливия) в октябре 2010 г. лидер ливийской революции Муамар Каддафи предлагал перенести запланированную на март 2011 г. встречу в Каир, где располагается штаб-квартира ЛАГ. Его позиция, которую поддержал президент Алжира Абдель Азиз Бутефлика, основывалась на том, что Ирак *de facto* еще не является суверенным государством, поскольку оккупирован Соединенными Штатами. Однако большинство арабских лидеров этого мнения не поддерживали.

Ситуация еще более запуталась после бегства президента Туниса Бен Али в Саудовскую Аравию и того резонанса, который это событие вызвало во всем арабском мире. Тунис доказал, что за сравнительно непродолжительное время деспотичный режим, казавшийся непоколебимым на протяжении десятилетий, может стать демократическим, если народ выступит массово. Подобный

поворот событий застал ЛАГ врасплох, поскольку еще в феврале 2011 г. ни у кого не было и мысли об отмене Багдадского саммита. Но в середине марта председательствующий на совете представителей арабских государств при ЛАГ в Каире оманец Халифа бен Али аль-Хариси объявил о переносе встречи в верхах на неопределенный срок. Он аргументировал это решение тем, что череда антиправительственных выступлений требует серьезного анализа, определения их причин, а также выработки дальнейших действий, позволяющих избежать хаоса.

Надежды иракского правительства собрать у себя представительное собрание были серьезно поколеблены. Они окончательно рухнули, когда в середине апреля 2011 г. страны Аравийской шестерки обратились в секретариат Лиги с предложением отменить мероприятие в Багдаде из-за того, что протестующие в Бахрейне шииты получают помощь от иракских властей. Более того, шиитское правительство Ирака обвинялось в сговоре с Ираном и ливанской организацией «Хизбалла» с целью сместить суннитскую династию аль-Халифа. В результате эмир Бахрейна обратился к соседям за военной помощью.

В свою очередь, иракское правительство подвергло жесткой критике монархии Персидского залива и призвало другие арабские страны не менять ранее принятого единогласного решения относительно проведения саммита ЛАГ именно в Багдаде. В принципе официальный Багдад был готов перенести саммит, однако категорически выступал против его отмены. Вопрос был отложен до 15 мая 2011 г., когда министрам иностранных дел предстояло не только решить судьбу багдадской встречи, но также выбрать нового генерального секретаря ЛАГ в связи с завершением полномочий его предшественника.

Между тем ситуация в арабском мире продолжает оставаться крайне напряженной, и не исключено, что проведению саммита в Багдаде в марте 2012 г. вновь что-то помешает. А пока шиитское правительство Ирака чувствует, что аравийские сунниты глубоко унизили его. Считая приход шиитов к власти в Ираке незаконным, а также подозревая их в тесных связях с единоверцами в Иране, монархии Персидского залива использовали протесты в арабском мире в своих внешнеполитических интересах, не позволив Ираку официально продемонстрировать свое миролюбие. Соответственно, попытки перенести багдадский саммит в будущем будут интерпретироваться шиитами как преднамеренное стремление изолировать их от арабской политики. Вполне вероятно, что ара-

вийские монархи использовали исключительно важный для Ирака вопрос о саммите и для того, чтобы надавить на шиитские власти страны, вынудив их ослабить поддержку шиитов, протестующих в Бахрейне.

Интересно, что не менее оскорбленными ощущают себя и иракские курды, усматривающие в требовании отменить саммит в столице Ирака удар по курдскому президенту Джалалу Талабани, которому, если бы все шло по плану, предстояло стать первым этническим неарабом, возглавившим высший орган Лиги арабских государств. Кроме того, саммит на уровне министров иностранных дел, традиционно собирающийся накануне встречи в верхах с целью ее подготовки, должен был возглавить министр иностранных дел Ирака Хошияр Зибараи, также этнический курд. Вот слова иракского парламентария-курда Махмуда Османа: «...Некоторые недружественные по отношению к Ираку государства Персидского залива изначально были настроены против проведения саммита ЛАГ в Багдаде и использовали бахрейнский вопрос в качестве предлога для его отмены».

В свою очередь, иракские сунниты не упустили возможности в очередной раз покритиковать правящее шиитское большинство, возложив на него ответственность за отмену багдадской встречи. Так, лидер суннитского парламентского блока Ийяда Аллави заявил: «[Вмешавшись в кризис в Бахрейне,] Ирак потерял шанс на проведение саммита ЛАГ и укрепление отношений с арабскими странами, которые поддерживали иракский народ, прощая иракский внешний долг».

Таким образом, само по себе требование отменить саммит в Багдаде заметно оживило иракскую политику, подогрев и без того острые разногласия между соперничающими политическими группировками.

Правительство Бахрейна, согласно его неоднократным декларациям, полно решимости и впредь подавлять протесты шиитов, что является залогом самого существования династии аль-Халифа. В то же время министерство обороны Ирана недавно в очередной раз заявило о готовности прийти на помощь союзникам в любой части света. Подобная динамика может обернуться тем, что шиитское правительство Ирака, став изгоем в глазах арабов-суннитов, лишится иного выбора, кроме как взять курс на сближение с соседним Ираном. Это, в свою очередь, только углубит региональные разногласия между суннитами и шиитами, а также арабами и иранцами.

За шесть десятилетий истории ЛАГ арабские саммиты отменялись не раз. Причиной, как правило, выступало потенциальное отсутствие кворума, обусловленное бойкотом со стороны арабских лидеров того государства, которому предстояло принять саммит. Так, под угрозой срыва был саммит ЛАГ на высшем уровне, все-таки состоявшийся в Дамаске в 2008 г. Однако, в отличие от прежних локальных ссор и привычных личностных неприятий, нынешний конфликт, имеющий явную религиозную подоплеку, может открыть новый виток масштабного внутриарабского противостояния на Ближнем Востоке.

Бахрейнский кризис осложнил и без того напряженные отношения между целым рядом арабских стран и Ираном. Еще на 22-м саммите ЛАГ в Сирте в марте 2011 г. предложение Амр Муссы о создании арабской «соседской зоны», в которую должны будут войти Турция и Иран, подверглось серьезной критике со стороны наиболее влиятельных членов Лиги в лице Саудовской Аравии и Египта. Таким образом, «мнения участников саммита ЛАГ по данному вопросу разделились на противников «интеграции» Ирана в арабский мир, с одной стороны, и ее сторонников – с другой. По сути, вопрос так и остался открытым. Однако с учетом вышеупомянутых событий вряд ли стоит ожидать в ближайшее время установления более тесных взаимоотношений между Ираном и Лигой.

А вот кому действительно удалось за последние месяцы серьезно укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, так это Турции. Уже год назад в Сирте присоединение этой страны к арабской «соседской зоне» не подвергалось сомнению, жесткая критика турецким правительством строительства израильских поселений в Восточном Иерусалиме полностью соответствовала настрою Лиги. Неудачи, которыми на протяжении последних лет оканчиваются переговоры об интеграции Турции в Европейский союз, а также приход к власти умеренно-исламистской Партии справедливости и развития все больше отдаляют Анкару от Европы и все заметнее сближают ее с арабским миром.

Революции, охватившие арабские государства, выводят Турцию на ключевую позицию на Ближнем Востоке. Европа оказалась в затруднительной ситуации. Попытки отрезать Турцию от арабского мира, вполне удачно предпринимаемые европейцами и американцами на протяжении XX столетия, ныне заканчиваются провалом. Очевидно, что официальная Анкара больше не намерена ждать снисхождения со стороны Брюсселя и полна решимости

вести собственную политику в отношении Ближнего Востока. А членство в НАТО и вовсе развязывает руки турецким исламистам: Турция уже неоднократно демонстрировала свою принципиальность партнерам по Североатлантическому альянсу. Так, в 2008 г., во время российско-грузинского конфликта, Анкара, умело воспользовавшись Конвенцией Монтрё о статусе проливов 1936 г., перекрыла пролив Босфор для прохождения американских военных судов в акваторию Черного моря, что не позволило бы им оперативно вмешаться в ход боевых действий, если бы подобное желание у Америки возникло.

Все большую принципиальность демонстрирует Турция и в отношении Ближнего Востока, называя свою интеграцию в арабскую политику «естественным ходом истории». В свою очередь, обновление турецкой политики с энтузиазмом воспринимают в Сирии, Иордании и особенно в послереволюционном Египте. Турция рассматривается здесь как модель государства, адаптировавшего мусульманскую веру к требованиям развитого индустриального общества. Внешнеполитические стратегии, которые основывались и основываются на призывах к конструктивному диалогу, снижению уровня насилия в регионе и недопустимости внешнего вмешательства, применявшиеся и применяемые Турцией в отношении режимов Бен Али, Мубарака, Каддафи и Асада, еще более укрепили ее авторитет. В разгар «арабской весны» Анкара продемонстрировала гораздо большее понимание потребностей региона, нежели Брюссель или Вашингтон. Турецкий премьер-министр Тайип Эрдоган еще в феврале призывал Хосни Мубарка покинуть пост президента Египта, потом сопротивлялся давлению НАТО в отношении бомбардировки Ливии, а теперь негативно отзываясь о введении санкций против режима Башара Асада в Сирии. И, конечно же, он продолжает открыто осуждать израильскую оккупационную политику применительно к палестинским территориям, невзирая на недовольство США.

Сегодня отношения Израиля с его главными партнерами на Ближнем Востоке в лице Египта и Турции – двух стран, ранее в наибольшей мере способствовавших поддержанию status quo в регионе, – находятся в точке замерзания. После гибели пяти египетских полицейских на Синайском полуострове под обстрелом с израильских вертолетов Египет отозвал своего посла из Тель-Авива, а израильское посольство в Каире было разгромлено возмущенными жителями города. Вероятно, этот инцидент усилит антииз-

раильские настроения в городах Египта и станет одним из главных сюжетов начинающейся здесь предвыборной гонки.

Весьма кстати пришлось и официальное обнародование доклада независимой комиссии ООН, расследовавшей инцидент с захватом израильскими спецслужбами Флотилии свободы, которая в 2010 г. под турецким флагом направлялась в Палестину. Инициаторы расследования возложили вину за гибель людей на обе стороны: Израиль был обвинен в чрезмерном применении силы, а Турция в провокационных действиях. Тем не менее премьер-министр Беньямин Нетаньяху отказался приносить туркам извинения по поводу гибели турецких граждан; результатом этого стало почти полное свертывание сотрудничества между Анкарой и Тель-Авивом, в том числе и на дипломатическом уровне. С осуждением доклада ООН и Израиля выступила Организация исламского сотрудничества, генеральный секретарь которой Экмеледдин Ихсаноглу пообещал поддержать иск, поданный Турцией в Международный суд в Гааге.

Все это, в свою очередь, вызывает волну негодования в Израиле, подкрепляемую опасениями касательно усиливающейся роли «Братьев-мусульман» в Египте, которых, по данным опросов, поддерживают 85% жителей страны. Скорее всего, новое правительство Египта возьмет курс на укрепление связей с Турцией, что сделает обе эти страны менее зависимыми от Соединенных Штатов. Такой сдвиг позволит заново интерпретировать вопрос о создании арабской «соседской зоны» в ходе саммита ЛАГ в 2012 г., особенно в том случае, если победителем президентской гонки в Египте окажется инициатор этой концепции, бывший генеральный секретарь Лиги Амр Мусса. Не исключено, что консолидация антиизраильских сил на Ближнем Востоке побудит еврейское государство занять более гибкую позицию в поиске путей ближневосточного урегулирования. Тем более что политическую систему Израиля ощутило сотрясла долго не утихавшие акции протеста в крупнейших городах страны.

Немалую роль в очерчивании контуров будущего сыграет фигура седьмого генерального секретаря ЛАГ, египтянина Набиля аль-Араби, избранного на этот пост в мае 2011 г. Сам факт того, что арабам удалось достичь консенсуса в этом вопросе, выглядит многообещающим, особенно на фоне непопулярной внешней политики прежнего египетского руководства, которая с каждым годом теряла поддержку арабских государств. Министр иностранных дел Катара, который также намеревался номинироваться на

пост генерального секретаря ЛАГ, снял свою кандидатуру в пользу египтянина, заявив, что «теперь египетский кандидат – это и катарский кандидат, кандидат от всех арабов». Аль-Араби удалось стать компромиссным кандидатом во многом благодаря тому, что в ходе египетской революции он поддержал оппозиционные силы. Изначально видную должность сулили египетским государственным министру по парламентским вопросам Муфиду Шехабу и министру иностранных дел Ахмеду Абуль Гейту, однако падение режима Мубарака поставило крест на их карьерах. Существенно и то, что египетский кандидат получил одобрение со стороны Алжира и Ирака, хотя первая из этих стран на протяжении шести последних лет призывает к выборам генерального секретаря ЛАГ на ротационной основе, а вторая первоначально намеревалась выдвинуть на багдадском саммите кандидатуру иракца Кайса аль-Аззауи.

Безальтернативное избрание Набиля аль-Араби генеральным секретарем можно считать своеобразным вотумом доверия после-революционному Египту со стороны арабских государств, приветствовавших перемены в его внешней политике. При этом арабские министры иностранных дел были весьма осторожны в своем выборе. На момент назначения седьмому руководителю Лиги было уже 75 лет. Ясно, что он вряд ли будет претендовать на второй срок. Таким образом, к поискам нового главы Совет ЛАГ вернется уже через пять лет, на протяжении которых страны, во времена Мубарака ставшие недругами Египта – Алжир, Катар, Сирия и другие, – будут внимательно следить за изменением египетской внешнеполитической линии.

С момента ухода в 2001 г. Амр Муссы из египетской дипломатии МИД Египта неуклонно терял свой престиж. Между тем с самого основания Лиги в 1945 г. лидирующая роль Каира здесь никогда не ставилась под сомнение. Даже после того, как Египет был исключен из нее в 1978 г., арабы больше нуждались в Египте, поддерживающем отношения со всеми участниками ближневосточного конфликта, нежели сами египтяне в арабах, выбравших изоляционистскую позицию. В последние десять лет от Хосни Мубарака ожидали более решительных действий в отношении целого ряда нерешенных арабских проблем. Именно пассивность египетского президента, его нежелание менять сложившееся в регионе положение вещей и привели к ухудшению отношений с соседями.

Наль-Араби, став министром иностранных дел в кабинете Эссама Шарафа в марте 2011 г., в корне изменил вектор внешней политики официального Каира. Во-первых, в отличие от своего предшественника, он четко обозначил приоритеты египетского внешнеполитического ведомства. В прежние времена выражением официальной позиции преимущественно выступали популистские лозунги, изображавшие Египет ведущей силой арабского Востока и не имевшие ничего общего с происходившим на практике. Во-вторых, аль-Араби взял курс на нормализацию отношений с Тегераном, что особенно актуально ввиду очередного витка противоречий, порожденных ситуацией в Бахрейне. В-третьих, Египет открыл контрольно-пропускной пункт Рефах на границе с сектором Газа. Данное решение станет, вероятно, серьезным испытанием для египетской экономики, поскольку в Египет хлынул поток палестинских беженцев. Однако с внешнеполитической точки зрения оно уже позволило минимизировать дипломатический конфликт с Катаром, продолжавшийся с января 2008 г., когда Египет закрыл границу с сектором Газа во время обстрела этой территории израильянами. Все перечисленное позволило Египту в целом и руководителям его внешней политики в частности в кратчайшие сроки заслужить доверие со стороны всех 22 арабских государств.

Кроме того, еще на ранней стадии своей дипломатической службы аль-Араби, в отличие от многих египетских дипломатов, сопровождавших в 1978 г. Анвара ас-Садата в Кэмп-Дэвид, выражал обеспокоенность подписанием мирного соглашения с Израилем, которая хотя и не была принята во внимание египетским президентом, наглядно охарактеризовала его как принципиального и решительного человека. Более того, аль-Араби стал первым генеральным секретарем Лиги арабских государств, который занял этот пост, не имея никакой протекции со стороны египетского руководства. По сути, руководителем главной арабской организации его сделала египетская революция.

По-видимому, наиболее серьезным испытанием для нового лидера станут последствия гражданской войны в Ливии, членство которой в Лиге было приостановлено весной 2011 г. Кстати, начало этой войне положила резолюция Совета ЛАГ № 7360 от 12 марта 2011 г., адресованная Совету Безопасности ООН с целью вынудить Муамара Каддафи покинуть свой пост под предлогом удовлетворения требований оппозиции. Понятно, что Амр Мусса в последние месяцы пребывания на посту генерального секретаря ЛАГ действовал фактически как кандидат на пост президента

Египта. Такая установка прежде всего и объясняла его решительную позицию относительно режима Каддафи, крайне не популярного среди египтян. Впрочем, окончательно решать ливийскую проблему предстоит уже его преемнику.

К несчастью, в случае с Ливией ЛАГ оказалась заложницей собственных решений. После того как Лига окончательно порвала с Триполи, приостановив членство Ливии в своих рядах и инициировав установление Советом Безопасности ООН «бесполетной зоны», у нее попросту не осталось иного выбора, кроме словесной поддержки повстанцев. Выступить в защиту Каддафи означало бы признать собственную неправоту, а вмешательство в конфликт на стороне Бенгази создало бы опаснейший прецедент, противоречащий принципам Соглашения о взаимной обороне и экономическом сотрудничестве 1950 г. Неслучайно с посреднической миссией к Каддафи ездили президент ЮАР и генеральный секретарь Африканского союза, но не представители Лиги арабских государств, несмотря на то, что целый ряд статей резолюции Совета Безопасности ООН № 1973 наделяет генерального секретаря ЛАГ, как и генерального секретаря ООН, координирующими полномочиями.

Безысходность ситуации, сложившейся вокруг Ливии, подтвердила и встреча представителей Европейского союза, Организации исламского сотрудничества, ООН, Африканского союза и ЛАГ в Каире в начале июня 2011 г. Принятому на ней рабочему документу, предусматривающему прекращение огня, проведение гуманитарных операций и передачу власти в руки переходного правительства, так и не суждено было воплотиться в жизнь. Каддафи уже неоднократно давал понять, что не намерен уходить в отставку и будет сражаться до конца; тем самым он ставит ЛАГ в тупиковую ситуацию, вынуждая ее оставаться сторонним наблюдателем происходящего, пассивно дожидаясь победы мятежников.

Дождавшись, наконец, захвата Триполи, Совет ЛАГ, собравшийся в Каире 28 августа 2011 г., восстановил членство Ливии и признал Национальный переходный совет (НПС) в качестве официального правительства страны. Однако победившие повстанцы уже столкнулись с фундаментальной проблемой, которая со временем будет лишь обостряться. Пока им не удастся выработать стратегию национального единства, и далеко не факт, что нынешнее правительство сумеет сделать то, что удалось Каддафи в 1969 г. Изголодавшиеся по влиянию на государственную политику племена Киренаики и Феццана вряд ли захотят разделить политическую власть с триполитанскими кланами, которые, в свою оче-

редь, будут всячески бороться за нынешние привилегии. Ситуация осложняется также и тем, что специфика ливийского социально-политического устройства требует весьма неординарной общенациональной идеи (в свое время таковой являлась идея Джамахирии, предложенная Каддафи), которая на данный момент просто отсутствует. Объединявшая же оппозиционеров цель ниспровержения общего противника после захвата Триполи ныне достигнута и более неактуальна.

Кроме того, приняв помощь со стороны НАТО, новый ливийский режим *de facto* обрек себя на существенную зависимость от стран Запада (прежде всего, Франции), ограничив собственную самостоятельность в вопросах как внешней, так и внутренней политики. Это, в свою очередь, может осложнить отношения между Ливией и другими арабскими странами – в частности, с Алжиром, Сирией и, возможно, Египтом (в зависимости от результатов предстоящих выборов). Аналогичная ситуация уже имела место при обсуждении проведения саммита ЛАГ в Багдаде, когда целый ряд членов Лиги подверг сомнению суверенитет Ирака.

«Неприкосновенный запас»,
М., 2011 г., № 5, с. 208–218.

Борис Долгов,

востоковед

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА ВО ФРАНЦИИ: СВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ИСЛАМСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Кризис в социально-экономической сфере во многих странах арабо-мусульманского мира, политическая нестабильность, усиление террористической активности, репрессивные действия властей – все эти явления имели одним из своих последствий миграцию отсюда значительного числа людей. Основной поток мигрантов направлялся в страны Европейского союза (ЕС), где в 2000-х годах проживало от 15 до 18 млн. мусульман. Мусульманская диаспора обладает своей собственной культурной и религиозной идентификацией. По сравнению с другими этноконфессиональными сообществами она является наиболее структурированной в конфессиональном и социально-политическом плане. Этот феномен связан с особенностями исламской идентификации. Ислам в процессе своего исторического развития стал для большого числа мусульман не

только религией, но и образом жизни. На протяжении веков ислам выработал систему культурных, моральных и этических норм. До настоящего времени они в значительной степени являются регуляторами отношений между людьми в повседневной жизни и социально-политической практике в мусульманском обществе, в том числе в мусульманских диаспорах.

В силу особенностей исторических связей между Францией и странами Магриба арабо-мусульманская диаспора во Франции является самой многочисленной в Европе и составляет, по разным оценкам, свыше 5 млн. человек (население Франции на 2008 г. насчитывает 64,5 млн. человек). Большинство этой этнической общности составляют выходцы из стран Магриба (свыше 82%). Ее формирование происходило в течение достаточно длительного периода. Первая волна мигрантов пришла в начале XX в. Это связано, в том числе, с Первой мировой войной, когда большое число магрибинцев, в первую очередь алжирцев, было призвано во французскую армию для участия в боевых действиях. Затем многие из них, награжденные французскими боевыми наградами и получившие известные привилегии, остались во Франции. В 20-х годах трудовая миграция продолжилась, это было вызвано потребностями в послевоенном восстановлении и наметившимся промышленным подъемом.

Второй значительный поток мигрантов прибыл во Францию в 60-х годах XX в. Он был вызван окончанием войны в Алжире и новым экономическим подъемом во Франции, требовавшим большого количества рабочей силы. В последующие годы эмиграция также шла достаточно высокими темпами, в том числе в связи с принятыми во Франции законами о воссоединении семей, предоставлявшими существенные льготы магрибинским мигрантам. В настоящее время во Франции проживают уже третье и четвертое поколение мусульман-мигрантов, многие из которых родились во Франции и имеют французское гражданство. Часть французских мусульман восприняла европейские цивилизационные ценности. Тем не менее изрядное число мусульман сохраняет приверженность традициям своей религии и культуры. Они воспринимают ислам как основу своей цивилизационной идентификации. Мусульманская община во Франции располагает своими профессиональными, гуманитарными, просветительскими, политическими и религиозными организациями. В процессе социокультурного развития в мусульманской общине сложилось несколько направлений восприятия и следования нормам ислама. Некоторые мусульман-

ские идеологи, такие, например, как достаточно популярный среди молодых французских мусульман профессор Фрибургского университета Тарик Рамадан, заявляют, что в Европе и прежде всего во Франции сформировался европейский ислам, или «европейская исламская культура, приверженцы которой остаются верными фундаментальным мусульманским принципам и в то же время адаптировались к европейской культуре. Они являются мусульманами по своей религиозной принадлежности и полноценными европейцами по своей культуре». Однако Т. Рамадан подтверждает, что «речь идет не о создании “нового ислама”, а о восприятии ислама в его изначальном подлинном динамизме и созидательности. Это позволяет его последователям интегрировать все то положительное, что выработали другие культуры, с которыми они соприкасаются, и наряду с этим критически подходить к тем аспектам, которые не соответствуют исламским ценностям». Во французской мусульманской общине есть последователи традиционного классического ислама, индивидуального ислама, движение светских мусульман. В то же время действуют неорационалистские течения. Традиционный умеренный ислам исповедуют большинство мусульман, в основном среднего и преклонного возраста. Его проповедуют, если можно так сказать, официальные мусульманские структуры, в частности имамы Большой парижской мечети. Например, профессор Иваз, ведущий преподаватель-теолог Мусульманского института при Большой парижской мечети, в беседе с автором этих строк (13.01.2010) подчеркивал, что «французские мусульмане в основной своей массе являются приверженцами классического ислама». Касаясь светского характера Французской Республики и возможного его противоречия с практикой ислама, профессор Иваз утверждал, что «светскость предоставляет всем религиям право исповедовать свою веру, и в этом ее задача». В этом вопросе его позиция совпадает с мнением президента Франции, который, в частности, отметил, что «светскость гарантирует право каждого гражданина исповедовать свою религию, так же как и право быть атеистом. Светскость не является противником религий. Напротив, светскость – гарантия свободы совести каждого гражданина».

Выразителем направления умеренного и традиционного ислама в известной мере является Французский совет мусульманской культуры (ФСМК), создание которого было инициировано министром внутренних дел Ж.-П. Шевенеманом и реализовано в 2003 г. сменившим его в этой должности Н. Саркози. Президентом ФСМК

является М. Муссауи. Он сменил на этом посту имама Большой парижской мечети Д. Бубакера. Эта мечеть имеет тесные связи с представителями алжирской диаспоры. Ряд французских исследователей полагают, что создание ФСМК явилось попыткой французских властей создать структуру, которая представляла бы большую часть французской мусульманской общины, и таким образом осуществлялось бы более эффективное сотрудничество с ней и в известной мере контроль за ней. В то же время мусульманские деятели Большой парижской мечети (в частности, профессор Иваз) заявляют, что ФСМК «в большей степени выполняет техническую функцию. Он руководит организацией религиозной деятельности мусульман, но ни в коей мере не руководит мусульманской мыслью и не тяготеет над ней. Никакая структура не может выражать мнение и выступать от имени всех мусульман». Тем не менее ФСМК стремится также быть своеобразным форумом, на котором французские мусульмане могли бы обсуждать как теологические вопросы, так и свои насущные проблемы. Официально ФСМК ставит перед собой следующие задачи: строительство мечетей; обустройство мусульманских кладбищ; организация мусульманских праздников; назначение имамов-духовников в лицеи, колледжи, больницы и тюрьмы; подготовка имамов. Руководящими органами ФСМК являются Исполнительный совет и Административный совет, состоящий из 43 членов.

Второй организацией, следующей идеологии традиционного ислама, является Национальная федерация мусульман Франции (НФМФ). Она была создана в 1985 г. и имеет достаточно прочные связи с марокканской и турецкой общинами. НФМФ в то же время является своеобразным оппонентом Большой парижской мечети и также имела определенную поддержку властей до создания ФСМК. Президент НФМФ – известный во Франции мусульманский деятель М. Бешари, ее вице-президент – А. Буссуф, имам мечети в Страсбурге. НФМФ курирует несколько мечетей в пригородах Парижа и на востоке Франции.

Руководство НФМФ в последнее время не раз выражало обеспокоенность по поводу «проявлений исламофобии у некоторых политических деятелей и у части французских СМИ». В своем заявлении «Нет “исламизации” насилия» НФМФ отвергает «какую-либо связь между исламом и насилием и терроризмом» и призывает к «диалогу между религиозными общинами, с тем чтобы способствовать созданию атмосферы толерантности и взаимного уважения между верующими всех конфессий». Необходимо отме-

тить, что как между ФСМК и НФМФ, так и внутри их руководств идет борьба за лидерство в мусульманской общине, а также за возможность получать поддержку, в том числе финансовую, со стороны государственных структур. Так, например, в 2006 г. вице-президент НФМФ А. Буссуф обратился в суд, обвиняя президента НФМФ М. Бешари в фальсификации итогов выборов руководства федерации и в нецелевом использовании ее финансовых средств. Однако суд обвинения не подтвердил.

Убедительным влиянием во Франции пользуются последователи индивидуального ислама, который в известной степени можно охарактеризовать как «исламский протестантизм». Видный политолог и исламовед, специалист по европейскому исламу, в том числе по его радикальным направлениям, профессор Высшей школы социальных исследований в Париже (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales – EHESS) Ф. Кхосрокхавар (Farhad Khosrokhavar) считает индивидуальный ислам во Франции «значительным социальным явлением». Индивидуальный ислам исповедует в основном молодое поколение мусульман. Они считают, что приверженность религии является частным делом индивидуума, и в этом их позиция совпадает с общепринятым отношением к религии во французском обществе. Ведущий научный сотрудник EHESS, специалист по индивидуальному исламу Н. Брахим (Naoufel Brahim), в беседе с автором этих строк определил подобный социальный феномен как «продукт индивидуального “эго” индивидуума, его собственное субъективное восприятие ислама, который он исповедует». В этом плане, как считает Н. Брахим, исторические традиции Франции начиная с эпохи Просвещения и Французской революции 1789 г. так же, как и современные институты (школа, СМИ общество в целом), проповедующие индивидуализм, способствуют распространению индивидуального ислама.

С 2003 г. во Франции стали создаваться мусульманские организации, приверженцы которых заявляли, что они придерживаются республиканских, демократических и даже светских принципов. Сторонники движения светских мусульман выступают против ношения хиджаба (по французским данным, хиджаб постоянно носят во Франции только около 400 мусульманок) и против радикального исламизма, за реформирование ислама и его большую адаптацию к современным реалиям. Например, видная активистка движения светских мусульман Ф. Амара (дочь алжирского иммигранта) заявляла, что «ношение чадры означает угнетение женщи-

ны» и что «необходимо бороться с радикальным исламизмом, который полностью деформирует мусульманское учение».

Ф. Амара является достаточно известной фигурой в общественно-политической жизни. В 2001 г. ее избрали муниципальным советником по списку Социалистической партии в г. Клермон-Ферране. С 2004 г. она становится членом Консультативной комиссии по соблюдению прав человека. Затем в 2007 г. Фаделя Амара назначается Государственным секретарем по городскому развитию при Министерстве труда, социальных отношений и семьи, где она представила свой план развития городских окраин, населенных в основном иммигрантами-мусульманами. В интервью британской газете «Файненшел таймс» Ф. Амара подтвердила, что «большинство французских мусульманок выступает против ношения чадры. Так же считают мусульманки и все те, кто борется за равноправие женщин, в частности в Алжире. Здесь хорошо знают, какой проект обскурантизма и уничтожения всех свобод предлагают исламские фундаменталисты».

Движение светских магрибинцев (ДСМ) объединяет Французский совет светских мусульман (ФССМ) и Совет мусульман-демократов Франции (СМДФ). Основателем ФССМ является А. Ферхати, занимающий также пост советника Государственного секретаря по перспективному развитию в правительстве Франции. Президент СМДФ А. Дахман – также активный политический деятель. Он, в частности, в 2006 г. был руководителем инициативной группы в поддержку президента Ж. Ширака. В руководство ДСМ входят такие известные общественно-политические деятели, как преподаватель и журналист А. Сахири, писатель М. Шебель, член руководства президентской партии «Союз за народное движение» (СНД) Р. Каси и бывший депутат Европейского парламента Д. Таздэ.

Члены ДСМ выступают против исламского фундаментализма и позиционируют себя не только сторонниками светского движения, но и, как заявляет генеральный секретарь ФССМ Зияд Гуджилль, «наследниками идей Великой французской революции». Активисты ДСМ выступили с обращением «ко всем мусульманам – гражданам Франции, преданным идеалам мира, справедливости, свободы и светскости, за просвещенный ислам, который полностью соответствует демократическим и республиканским принципам Франции». Среди 450 человек, подписавших это обращение, были такие видные фигуры, как муфтий Марселя С. Беншейх, известная женщина-социолог Л. Бабес, алжирский

журналист М. Сифауи. Журналист А. Сахири резко выступает против ортодоксального ислама, проповедующего скрупулезное следование «устаревшим мусульманским догмам». Он, в частности, заявляет: «Мы выступаем за просвещенный ислам, а не за ретроградный ислам, привнесенный из консервативных мусульманских стран». В свою очередь муфтий Марселя С. Беншейх подчеркивает, что «светскость – это гарантия свободного религиозного выражения. Поэтому защита догмата светскости должна стать лозунгом последователей Движения светских мусульман. Как верующие мусульмане, мы нуждаемся в духовности, что придает смысл нашему существованию».

Вопрос соответствия ислама французским республиканским принципам, по мнению Х. Дауда, директора программы изучения Ближнего и Среднего Востока, профессора Дома наук о человеке в Париже (Maison des sciences de l'Homme – MSH), в настоящее время является достаточно актуальным во Франции и активно обсуждается как в общественных кругах, так и в СМИ (беседа автора с Х. Даудом 6.09.2010). Видный исследователь-ориенталист, профессор французского Национального центра научных исследований (Centre national des recherches scientifiques – CNRS) и Центра международных исследований (Centre d'etudes et de recherches internationales – CERI), член научного совета издания «African Affairs» и «Recherches internationales» Ж.-Ф. Байарт (Jean-Francois Bayart) в 2009 г. опубликовал свою книгу «Республиканский ислам» (L'Islam republicain). В ней он проводит сравнительное историко-социологическое исследование соотношения и взаимодействия республиканских принципов и ислама в мусульманских странах (Иран, Турция и Сенегал).

Во французской мусульманской общине есть сторонники исламизма, пытающиеся использовать ислам в политических целях, а также приверженцы неофундаментализма, ставящие своей целью объединение всех существующих исламских организаций в единую мусульманскую общину под своим руководством. Для них характерно неприятие европейских ценностей и фактический отказ от интеграции. Представители неофундаментализма являются также сторонниками стратегии коммюотеризма, т.е. движения за создание в районах компактного проживания мусульман своеобразных зон-коммун (от франц. commune), где действуют мусульманские традиции и законы шариата. Имеются также приверженцы радикального исламизма, действующие полуподпольно, зачастую под руководством самопровозглашенных имамов в не-

официальных мечетях или молельных домах, так называемый «ислам окраин и гаражей».

Во Франции существует довольно большое количество исламских организаций, отражающих в той или иной степени идеологию вышеназванных течений ислама. Наиболее значительными из них, официально зарегистрированными и действующими легально являются Союз исламских организаций Франции (СИОФ) и Партия мусульман Франции (ПМФ).

СИОФ создан в 80-е годы XX в. Его председатель Ф. Алауи занимает также пост вице-президента ФСМК. Ежегодно СИОФ проводит в пригороде Парижа на территории выставочного комплекса Бурже симпозиумы «Встречи мусульман Франции» (в 2010 г. он работал со 2 по 5 апреля). На них обсуждаются проблемы, связанные с повседневной жизнью мусульманской общины, а также проходят дискуссии по теологическим вопросам, где выступают видные мусульманские деятели. Наиболее известными из них наряду с профессором Т. Рамаданом являются Ахмад Джабалла, придерживающийся в основном классической трактовки мусульманских священных текстов, и Т. Убру, имеющий свою собственную концепцию развития ислама в Европе. Т. Убру (род. в 1959 г.) считается одним из наиболее видных идеологов в мусульманских кругах, объединившихся в СИОФ. Он развивает свои собственные, достаточно оригинальные и амбициозные идеи по интерпретации коранических текстов. Т. Убру разделяет основные положения идеологии Ассоциации «Братья-мусульмане», которые провозглашают каноны Корана и мусульманские ценности «вечными и непреходящими, приемлемыми в любом месте и в любое время». Тем не менее Т. Убру считает важным освободить ислам от всего, что мешает «мусульманской мысли стать легитимной дочерью Запада». Он призывает к такой интерпретации Корана, которая основывается на знании исторического и социального контекста, при котором возникли те или иные суры.

Мусульманскую теологию, согласно Т. Убру, необходимо реформировать, «не порывая с ее принципиальными основами». В своей работе «Единственность Бога. Божественные имена и атрибуты» (2006) и в двух статьях, написанных в 1998 г., Т. Убру пытается выработать некий «шариат меньшинства». С одной стороны, он создает основы минимальной ортодоксальности, с другой – проповедует ритуальную и этическую практику. Он сохраняет нормативную роль шариата и вместе с тем пытается представить мусульманское право (фикх) в светском контексте и инкорпориро-

вать дух французского права в рамки шариата. В отличие от Т. Убру другой достаточно известный проповедник европейского ислама А. Кэйро, разрабатывающий фетвы для Европейского совета по фетвам и исламским исследованиям (ЕСФИ), предлагает легитимизировать личное право мусульманина на основе признания принципов плюрализма.

Что касается Партии мусульман Франции (ПМФ), то она была создана в начале 2000-х годов, председателем является М. Латреш. Национальное бюро ПМФ находится в Страсбурге, имеется также региональное отделение в Париже. ПМФ была зарегистрирована в качестве политической партии в Страсбурге не случайно. Дело в том, что закон, регламентировавший отношения государства с религиозными организациями и запрещавший создание политических партий на религиозной основе, был принят во Франции в 1905 г. Страсбург, как известно, в тот период принадлежал Германии и соответственно этот закон здесь не действовал (и не действует до сих пор). В своей программе ПМФ ратует за сохранение традиционных семейных ценностей, в частности, за «проведение государственной политики, направленной на поддержку французской семьи и сокращение аборт, число которых в последние годы достигает 250 тыс. в год».

ПМФ требует предоставить равные для всех возможности для поступления в наиболее престижные вузы, чтобы там «могли учиться не только молодые люди из привилегированных семей». ПМФ выступает также за увеличение государственного финансирования школьного образования и государственной поддержки неимущих семей, с тем чтобы «их дети также могли получить достойное образование». Программа ПМФ предполагает признание религиозных организаций «в качестве социальных партнеров» и реализацию стратегии коммюнитеризма. ПМФ резко критикует проекты «некоторых французских политиков-ассимиляционистов и представителей СМИ, стремящихся навязать мусульманам обязательную ассимиляцию, модернизацию их религии и отказ от традиционных мусульманских ценностей в качестве условия признания их “хорошими гражданами”».

Во Франции действуют также сторонники ассоциации «Братья-мусульмане». Причем наряду с Союзом исламских организаций Франции (СИОФ) «Братья-мусульмане» проявляют все большую активность во французской мусульманской диаспоре. На такую тенденцию обращает внимание имам мечети Дранси (район Парижа) Х. Шальгуми в своей вышедшей в сентябре 2010 г. книге

«За ислам Франции» (Pour l'islam de France). Имам Шальгуми – довольно известная фигура во французской общественно-политической жизни. В частности, в период острой дискуссии в СМИ по поводу возможности ношения хиджаба французскими мусульманками он активно выступал против этого. Он заявлял, что «наши жены и сестры должны обрести подлинное равноправие с мужчинами и найти свое место во французском обществе, в то время как ношение хиджаба, напротив, изолирует их». Такая позиция имама вызывает ожесточенную критику, нападки и угрозы в его адрес со стороны ортодоксальных мусульман и экстремистов (имам вынужден пользоваться личной охраной). В своей книге имам пишет также об имеющем место, по его мнению, вмешательстве посольств некоторых исламских государств в религиозную жизнь французской мусульманской общины с целью усиления здесь своего влияния. Он отмечает, что «с одной стороны, во Франции наблюдается определенный подъем антимусульманского расизма, с другой – идет процесс радикализации части французских мусульман».

Уже упоминавшийся профессор Ф. Кхосрокхавар указывает, что в настоящее время мусульманское сообщество в Западной Европе, в частности во Франции, условно можно разделить на три категории.

К первой относятся примерно 80% французских мусульман, которые во многом восприняли европейские ценности и нормы поведения и фактически являются непрактикующими.

Вторая категория, меньшая по числу (примерно 15%), представляет приверженцев неоконформизма, т.е. эта категория мусульман интегрируется во французское общество, но не ассимилируется с ним. Они выполняют все то, что предписано мусульманской религией и хотят по примеру французской еврейской общины жить в мире на европейской земле, сохраняя в то же время свою исламскую идентификацию, отличную от секуляристской идентификации большинства французского населения. Причем в Британии, где ношение паранджи не воспринимается как вызов и нарушение общественных норм, данная категория мусульман в большей степени интегрирована в общество. Однако во Франции, где законодательство и общественное мнение не так толерантны к внешнему проявлению религиозной идентификации, эта часть мусульман ведет достаточно обособленный образ жизни.

К третьей категории (около 5%) относятся ортодоксальные фундаменталисты – неосалафиты и последователи движения таб-

лига, которые отвергают европейские ценности, стремятся полностью отгородиться от «безбожного общества» и жить по законам шариата. Исключение из экономической и социальной жизни и соответственно высокий уровень безработицы части данной категории мусульман, особенно молодежи, ее геттоизация и частичная маргинализация способствуют усилению влияния джихадистской идеологии. Около 1 тыс. из них по всей Франции являются членами закрытых и полуподпольных исламистских организаций, возможно, представляющих потенциальную опасность.

Различные течения ислама во Франции противостоят друг другу. Это касается прежде всего Движения светских магрибинцев, которое ратует за модернизацию ислама, провозглашает демократические ценности и выступает против фундаменталистов и исламистов, представленных в основном Союзом исламских организаций Франции и Партией мусульман Франции. Так, один из известных сторонников светских магрибинцев Абд ан-Нур Бидар, преподаватель философии из Ниццы, опубликовал «Манифест за европейский ислам», в котором он предлагает свое видение реформирования ислама. А. Бидар призывает всех своих единомышленников, исповедующих европейский ислам, сплотиться на основе трех принципов.

Первое – реформировать каноны ислама, в том числе интерпретацию текста Корана в свете современной концепции соблюдения прав человека. Объявить недействительными все части священного Корана, которые входят в противоречие с ценностями индивидуальной свободы, равноправия полов светскости, толерантности между народами и религиями.

Второе – подтвердить право каждого мусульманина самому выбирать принцип его мусульманской идентичности. А именно: соблюдать полностью мусульманские законы или нет, быть верующим или нет. В связи с этим признать, что мусульманская идентичность может быть как религиозной, так и только культурной.

Третье – отказаться от всяких претензий на узурпирование идеи «правильного ислама» или «официального ислама», навязываемого имамами».

Другой видный сторонник «просвещенного ислама» А.В. Меддеб, регулярно выступающий на радиостанции «Франс кюльтюр» («Французская культура»), также ратует за модернизацию ислама. Об этом он, в частности, пишет в своей книге «Болезнь ислама» («La maladie de l'islam»). Он видит одно из проявле-

ний «болезни ислама» в антизападнических идеях многих известных мусульманских деятелей. А. Меддеб утверждает также, что во всех монотеистических божественных откровениях, в том числе в Коране, есть элементы «воинственности, фанатизма, угрозы». В качестве способа противодействия «болезни» А. Меддеб приводит отрывок из книги Вольтера «Трактат о толерантности» («Traite sur la tolerance»), в котором подчеркивается, что «лучшим способом уменьшить число религиозных фанатиков является лечение этой болезни духа разумом, который должен медленно, но неминуемо просветить людей». Тем не менее А. Меддеб подтверждает, что он «не смешивает ислам с его болезнью» и предлагает для его «лечения» два подхода – внешний и внутренний. Внешний предполагает «отказ от концепции исключительности ислама и его большую интеграцию в общечеловеческий цивилизационный поток». Внутренний – это процесс реформирования ислама самими мусульманами в соответствии с современными реалиями.

В развернувшейся во французских СМИ в 2009–2010 гг. дискуссии о национальной идентичности часть французского общества видела стремление властей приступить к решению проблем, связанных с мусульманской диаспорой. Известно, что на протяжении многих лет во французских городах регулярно происходят стычки с полицией, поджоги автомашин и другие противоправные действия, в которых в основном участвует магрибинская молодежь, многие представители которой являются безработными.

Достаточно серьезной проблемой является также появление в пригородах больших городов, большинство жителей которых составляют мусульмане, зон, где мусульманские общины пытаются внедрять шариат и культивировать свои обычаи (вышеуказанный коммюнеризм). Актуальной остается проблема распространения и употребления наркотиков, что также наиболее характерно для пригородов с мусульманским населением. Причем согласно существующему законодательству, обнаружение полицией у кого-либо небольшого количества наркотиков не влечет за собой никакого наказания. Следует отметить, что именно в пригородах действуют полуподпольные исламистские организации, исповедующие радикальный исламизм и джихадизм. Однако представители французского общества, в том числе известные французские исследователи (Ф. Кхосрокхавар, Ж. Кепель, Ф. Фрегози), хотя и признают наличие проблем, связанных с мусульманской диаспорой, тем не менее не считают их столь острыми и требующими незамедлительных мер. Видный французский специалист по исла-

му и исламистскому движению О. Рой полагает, что «ислам трансформировался благодаря влиянию светскости и секуляризации. В среде мусульманских интеллектуалов появились умеренные либералы и другие свободно мыслящие идеологи, выражающие различные направления современной мусульманской мысли. Ислам сегодня должен отвечать на вызовы современности». Попыткой такого ответа в известной мере можно считать возникновение различных течений исламского фундаментализма. Его лидеры стремятся воссоздать пространство, в котором мусульманин может существовать в соответствии с законами своей веры. Однако, как считает О. Рой, «такое виртуальное пространство так же, как и мифическая умма, существует только в сети Интернет и отчасти в закрытых коммунальных районах. В то же время некоторые молодые мусульманские неопиты полагают, что западный мир, «погрязший в своем материализме», неизбежно будет присоединяться к лагерю правоверных мусульман.

Тем не менее современный ислам приобрел новые конфигурации от детерриторизации до индивидуализации. Даже исламский фундаментализм до определенной степени интегрировался в религиозное пространство Запада. Его идеологи пытаются продвинуть свои ценности (достаточно консервативные) в форме такого дискурса и практики, которые присущи консервативным религиозным кругам христиан и иудеев. Другой известный французский исследователь арабской литературы и исламской мысли, профессор университета Сорбонны Мухаммед Аркун, отмечал, что «Коран является открытым текстом, и ни одна интерпретация не может запереть его окончательным и “ортодоксальным” образом. Приверженцы тех мусульманских течений или школ, которые стремятся навязать свою гегемонию в исламской мысли и отвергают реформаторские идеи в исламе, в действительности являются идеологическими движениями, выражающими цели определенных социальных групп». В то же время некоторое усиление исламистских тенденций, в том числе по вопросу ношения хиджаба, является своеобразным вызовом обществу или реакцией на существующие элементы дискриминации представителей мусульманской общины (при приеме на работу, учебу в элитных вузах и т.д.). Наряду с этим необходимо отметить, что большинство проблем, связанных с мусульманской диаспорой, носят скорее социально-экономический, чем межконфессиональный или межцивилизационный характер и касаются безработицы, плохой обустроенности районов проживания мусульман и т.д.

Районы Парижа, где ранее проживали рабочие располагавшихся здесь промышленных предприятий и известные под названием «красный пояс Парижа», после вывода многих предприятий из Франции были заселены мигрантами, в том числе безработными. Так, например, если средний уровень безработицы по Франции в 2009–2010 гг. составил 10–12%, то в кварталах с преимущественным проживанием мигрантов-мусульман он достигал 30–40%. Увеличению числа безработных способствовали массовые увольнения во французской автомобильной промышленности в последние годы в связи с переводом ряда производств в другие страны. Известно, что среди рабочих французского автопрома до 50% составляли алжирцы и тунисцы. Примечательно, что среди заключенных французских тюрем 40% составляют лица, у которых отец являлся иммигрантом. В 2000-е годы магрибинцы составляли 34% всех учеников, покинувших среднюю школу, не получив диплома, 38% составляли выходцы из Центральной Африки.

Что касается политики французских властей в отношении мусульманской диаспоры, то она, как известно, представляла собой ассимиляционную модель, согласно которой иммигранты должны полностью воспринять французские республиканские принципы, в том числе светскость, французский язык и систему образования. В отличие от британской модели мультикультурализма представители мусульманской диаспоры не рассматриваются как национальное меньшинство, но считаются французскими гражданами с разной степенью ассимиляции (вид на жительство или французское гражданство). В то же время, как подтверждает заместитель директора Центрального бюро по взаимодействию с культурами (Bureau central des cultes – ВСС) Министерства внутренних дел Франции Б. Годар, «государство осуществляет взаимодействие с религиозными организациями на основе Закона об отделении церкви от государства от 1905 г. и никоим образом не вмешивается во внутреннюю жизнь легитимно действующих религиозных организаций». Необходимо отметить, что в 80-е годы XX в. термин «ассимиляция» был заменен на более политкорректное по отношению к иммигрантам определение – «политическая интеграция».

Французские власти в последние годы предпринимают значительные усилия для решения проблем, связанных с мусульманской диаспорой и ростом исламистских тенденций. Здесь можно выделить два направления. Первое – ужесточение законодательства и борьба с нелегальной иммиграцией, второе – преодоление со-

циальной маргинализации, обустройство и модернизация жилых кварталов, где проживают мигранты, борьба с проявлениями дискриминации. В рамках первого направления в результате принятых мер число нелегальных иммигрантов сократилось с 250–300 тыс. человек в год в 1980–1990-е годы до 90 тыс. в 2000-е. Если из 150 тыс. заявлений в год на переселение во Францию в 1980–1990-е годы было удовлетворено 142 тыс., то в 2000-е годы из тех же 150 тыс. заявлений удовлетворено лишь 90 тыс. В 2006–2007 гг. было ужесточено законодательство, касающееся воссоединения семей, введены генетические тесты для идентификации родства. Осуществляется выдворение нелегальных иммигрантов. Так, если к началу 2000-х выдворялось примерно 12 тыс. нелегалов в год, то в 2009 г. было выдворено 30 тыс. В 2007 г. было создано Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и солидарного развития, которое осуществляет централизованную политику в отношении мигрантов.

В рамках второго направления был принят закон, направленный против социальной сегрегации и дискриминации, согласно которому за их проявления на виновного может быть наложен штраф в размере до 25 тыс. евро. Осуществляется обустройство районов, в которых проживают мигранты, в том числе бесплатное выделение земли для постройки мечетей. Введен контракт иммиграции, согласно которому вновь прибывшие мигранты бесплатно проходят курс обучения французскому языку в объеме 400 часов и гражданского права и обязанностей в объеме 30 часов.

Необходимо также отметить высокую степень приверженности демократическим принципам и республиканским традициям большей части французского общества, в том числе толерантности по отношению к мусульманской диаспоре и искренней убежденности в возможность интеграции ее большинства во французский социум. В то же время вопрос конфессиональной принадлежности гражданина не является, согласно социологическим опросам, сугубо актуальным для французской общественности. Так, в результате опросов, проведенных в январе 2010 г. в рамках дискуссии о национальной идентичности, степень значимости для французских граждан компонентов национальной идентичности распределилась следующим образом: на первом месте – права человека; на втором – французский язык; на третьем – система социального обеспечения. Что касается конфессиональной принадлежности, то этот компонент оказался на 12-м месте.

Арабо-мусульманская диаспора в Европе, в частности во Франции, является частью как французского общества, так и мусульманского мира. Она играет и будет продолжать играть все возрастающую роль во французской социальной и общественно-политической жизни как в силу тенденции к постоянному увеличению ее членов, так и по значительности той ниши во французском обществе, которую занимает достаточное число представителей мусульманской общины. Активная роль мусульманского сообщества проявилась, в частности, в участии ее членов в массовом протестном движении, охватившем значительную часть французского общества в сентябре-октябре 2010 г. Демонстрации явились выражением социального протеста и недовольства многих французов как планируемой властями пенсионной реформой, так и общей политикой правительства в социальной сфере. Необходимо отметить, что члены мусульманской диаспоры, участвовавшие в манифестациях, не позиционировали себя как инаковерующие, а поддерживали общие лозунги социально-экономической направленности.

Что касается восприятия и практики ислама, так же как и исламской идентификации, то они имеют различные течения и не являются едиными во французском мусульманском сообществе. В последние годы во Франции набирает силу движение светских мусульман, исповедующих демократические и республиканские ценности. Это движение объединяет многие общественно-политические и женские организации. Возрастающую роль начинают играть последователи индивидуального ислама, считающие исповедование религиозного культа частным делом гражданина. Такое восприятие ислама практически идентично общепринятому в европейском сообществе отношению к религии. Индивидуальный ислам, исповедуемый, как правило, мусульманскими интеллектуалами и частью молодежи, становится социальным явлением во французской мусульманской диаспоре и, соответственно, во французском обществе. Вместе с тем среди французских мусульман наблюдается определенное усиление влияния неопундаменталистских течений, которые в какой-то степени выражают социальный протест. Для части (достаточно немногочисленной) мусульман характерно неприятие европейских ценностей, отказ от интеграции. Их лидеры проповедуют коммюнотеризм, т.е. замкнутое существование мусульманской общины по законам ислама. В известной мере некоторый рост исламистских настроений является своеобразным ответом на имеющие иногда место проявления

расизма и исламофобий. Такие внешние факторы, как перманентное обострение палестино-израильского противостояния, иракский и афганский кризисы, воспринимаемые частью мусульманского сообщества как война против ислама, вызывают болезненную реакцию мусульман и играют на руку исламистским идеологам. Необходимо констатировать, что для достаточно значительной части французской арабо-мусульманской диаспоры мусульманская идентификация является не столько религиозной, сколько культурной, что может способствовать полноценной интеграции этой категории мусульман во французское общество.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2011 г., вып. 43, с. 18–34.*

Вячеслав Белокреницкий,

ВОСТОКОВЕД

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ИСЛАМСКОГО МИРА

Современную демографическую историю, т.е. период после окончания Второй мировой войны, можно разделить на три этапа – бурного увеличения населения в мире вообще и особенно в слабо-развитом, развивающемся ареале (конец 1940-х – начало 1970-х годов); замедления темпов роста как в развитых странах, так и в развивающихся (1970–1980-е годы); дальнейшее падение темпов роста и даже сокращение населения в развитых странах и регионах и снижение скорости увеличения численности населения в менее развитых ареалах (1990–2000-е годы).

Исламские страны (т.е. такие, где большинство или примерно половина населения – мусульмане) демонстрировали на первом этапе быстрые темпы прироста народонаселения, однако этот факт не привлекал к себе внимания на фоне послевоенного «бэби-бума» в США, менее выраженного, но сходного процесса в европейских государствах, а также стабильных темпов увеличения численности населения в СССР. Кроме того, мусульманские страны не выделялись из общей группы развивающихся государств, для которых была характерна исключительно высокая демографическая динамика.

Это явление, получившее название «демографический взрыв» или «взрыв популяционной бомбы», объяснялось двумя факторами – снижением смертности под влиянием прогресса в ме-

дицине и здравоохранении (введением препаратов пенициллиновой группы, использованием порошка ДДТ для борьбы с малярией, применением вакцин против заразных заболеваний и др.) и сохранением на прежнем, традиционно высоком уровне рождаемости при постепенном снижении младенческой и детской смертности.

Демографические темпы роста в мире достигли максимума в 1962–1963 гг., после чего началось их плавное падение. Вместе с тем абсолютный прирост населения земного шара продолжал нарастать, увеличившись с 60–70 млн. в год в начале 1960-х до 80–90 млн. человек в конце 1980-х годов. В условиях быстрого демографического роста менее развитые государства уже в 1950-е годы стали проводить политику планирования семьи, ограничения рождаемости. Такого рода меры одобрялись практически всеми государствами, в том числе такими демографическими гигантами, как Китай и Индия, а также многими мусульманскими – в частности, Египтом, Пакистаном, Индонезией и др.

Волна исламизации, поднявшаяся в конце 1970-х годов, внесла коррективы в эти тенденции. Политике планирования семьи в ряде исламских государств, в частности в Исламской Республике Иран, перестали уделять серьезное внимание, хотя и открыто про-наталистского курса не проводили. «Отец» исламского Ирана имам Хомейни известен как один из первых религиозных авторитетов, не возражавших против применения современных методов контрацепции. Между тем молодая структура населения и без специальных мер государственного воздействия подняла рождаемость в том же Иране на исключительно высокий уровень – среднегодовые темпы прироста населения между 1980 и 1990 гг. достигли небывалых 3,5%. В Пакистане с конца 1970-х годов в связи с проведением кампании по исламизации власти по существу отказались от мер по поощрению ограничения рождаемости. Похожим образом поступили многие другие режимы в мусульманских странах.

На третьем, текущем этапе послевоенной демографической эволюции (с рубежа 1980–1990-х годов) происходит возрождение государственной поддержки программ по планированию семьи. А поощрение рождаемости в исламском ареале по большей части «опускается» с государственного уровня на общественный. Главную роль в пронаталистском курсе играют теперь представители сословия мусульманских богословов и священнослужителей (улемы и муллы), заинтересованные в сохранении традиционного соз-

нения масс, неизменности семейно-бытовых установлений, прежде всего обычаев раннего и всеобщего замужества, в том числе выхода замуж вдов, традиций большой патриархальной семьи, малограмотности и узкого кругозора женщин. Традиционалистски настроенные круги опираются на поддержку политических и общественных организаций исламского направления, стремясь не допустить изменений в общественном сознании и структуре семейных отношений. Факторы такого рода можно отнести к числу специфических для исламского мира.

В то же время среди мусульманских священнослужителей нет единого подхода к вопросам рождаемости и многодетности. Так, на состоявшейся в 1996 г. в Каирском исламском университете аль-Азхар конференции представители духовенства (сословия богословов) из 40 мусульманских стран приняли «Свод исламских правил планирования семьи». В нем, в частности, легализовалась практика применения современных средств контрацепции. Надо, впрочем, принимать во внимание давнюю репутацию университета Аль-Азхар как проводника умеренной, либеральной линии в исламе, а также то, что Египет, раньше других столкнувшийся с проблемой перенаселения, одним из первых в арабо-мусульманском мире вступил на путь поощрения мер по сокращению рождаемости. И все же демографический потенциал мусульманского мира во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия стремительно увеличивался. В связи с этим развернулись оживленные дебаты вокруг «исламской демографической бомбы». В периодических изданиях и на интернет-сайтах ныне публикуется немало аналитических и публицистических статей, посвященных этому феномену. Чтобы разобраться в нем и конкретнее представить себе демографическое будущее исламского мира, необходимо, очевидно, дезинтегрировать относящиеся к нему данные по странам и регионам.

Группирование мусульманских стран в территориально близкие регионы представляет собой эвристическую задачу, а ее решение не может считаться единственно возможным. Вместе с тем при неизбежной условности ряда выделенных в данной статье регионов основная их часть вполне привычна и определяется давно сложившимся геокультурным и геополитическим единством. При этом к мусульманским странам, как выше уже оговаривалось, мы отнесли такие, где доля мусульман на начало 2000-х годов превышала 45%, полагая, что в достаточно близком будущем она превысит в большинстве случаев половину.

Первый из выделенных нами ареалов – Центральная Азия. В него вошли пять новых постсоветских государств Закаспия и Азербайджан, располагающийся на западном берегу Каспийского моря. Из табл. 1 следует, что в середине XX в. население этого по преимуществу мусульманского ареала (единственное исключение на тот момент – Казахстан) составляло в соответствии с данными Отдела народонаселения ООН 20,3 млн. человек. За полвека число жителей выросло более чем втрое (среднегодовой прирост 2,3%). Особенно быстрым был рост населения в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении (примерно в четыре раза, на уровне близком к 3% в год). Удельный вес региона в общемировом населении за 1950–2000 гг. вырос с 0,8 до 1,0%. Согласно прогнозным оценкам ООН (средний вариант), население к 2030 г. увеличится на 20 млн. человек, а к 2050 г. всего на 5 млн. Это означает резкое снижение демографической динамики – среднегодовой прирост за 2000–2050 гг. должен составить всего 0,7%. Особенно медленно, как предполагается, будет расти население в Азербайджане и Казахстане. Место региона на демографической карте мира немного уменьшится.

Таблица 1

Центральная Азия

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2050 г.
		млн. человек			
Азербайджан	93	2,9	8,1	8,9	10,6
Казахстан	47	6,7	15,0	15,8	17,9
Киргизстан	80	1,7	5,0	5,6	6,9
Таджикистан	95	1,5	6,2	7,1	11,1
Туркменистан	89	1,2	4,5	5,2	6,8
Узбекистан	88	6,3	24,8	27,8	36,4
Итого		20,3	63,6	70,4	89,7

Следующий регион составили четыре страны, расположенные в Средне-Западной части Азии. Самым западным государством в этом широтном ярусе является Турция (часть ее территории принадлежит европейскому континенту), а самым восточным – Пакистан. В середине прошлого века численность жителей в регионе равнялась примерно 133 млн., а в конце столетия она увеличилась до 302 млн. (см. табл. 2), т.е. в 2,3 раза (среднегодовой прирост – около 1,7%). Наиболее быстро, в 4 раза, возросло

число жителей Ирана, в 3,6 раза увеличилось пакистанское население. В Турции, согласно принятым демографами ООН оценкам, численность жителей выросла ровно втрое, а в Афганистане – в 2,5 раза. Нужно заметить, что цифры за 1950 г. не являются единственными, встречаются и другие данные, по Пакистану – более низкие, а по Ирану – более высокие. Доля региона в мировом населении несколько уменьшилась за вторую половину прошлого столетия – с 5,2 до 4,9%. Однако по прогнозу на первую половину нынешнего столетия демографический потенциал региона в мировом масштабе будет возрастать: к 2030 г. – до 6%, а к 2050 г. до 6,6%. Общее население Средне-Западной Азии (СЗА) увеличится вдвое (прирост 1,4% в год). Особенно быстро должно возрасти число жителей Пакистана – в 2,2 раза (1,7% среднегодового роста). Величина пакистанского населения к 2030 г. почти сравняется с числом жителей в Индонезии, а в 2050 г. страна перейдет с нынешнего 6-го на 4-е место в мире по демографическим показателям. Еще более высокие темпы в среднем прогнозе ООН покажет Афганистан – увеличение в 3,6 раза, при среднегодовых темпах в 2,6%. Население Ирана и Турции, почти одинаковое по величине, должно расти, напротив, существенно медленнее, особенно в 2030–2050 гг.

Таблица 2

Средне-Западная Азия

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2050 г.
		млн. человек			
Афганистан	100	8,1	20,5	29,1	74,0
Иран	98	16,9	66,9	75,1	97,0
Пакистан	97	41,2	148,1	184,8	335,2
Турция	99	21,5	66,5	75,7	97,4
Итого		87,7	302,0	364,7	603,6

Пять мусульманских стран Южной и Юго-Восточной Азии сильно разнятся по масштабам. Доминируют Индонезия и Бангладеш, среднюю позицию занимает Малайзия, а Бруней и Мальдивы представляют собой островки в людском океане. Из данных табл. 3 видно, что в 1950 г. этот населенный преимущественно мусульманами ареал был достаточно крупным, а к 2000 г., увеличившись втрое, превысил почти на 70 млн. человек Средне-Западную Азию. Согласно среднему варианту прогноза, к середине XXI в. там будет проживать около 550 млн. человек. Предполагается, таким об-

разом, что рост будет менее быстрым, чем в СЗА (чуть ниже 0,8% в год), что приведет к небольшому снижению удельного веса региона в мировом населении – с 6,1 до 6,0%. Решающее значение на эти тенденции оказывает демографическое развитие Индонезии (прирост 0,7% в год) и Бангладеш (0,9%). Население Малайзии (более чем на треть немусульманское) должно увеличиваться быстрее (1,1%).

Таблица 3

Южная и Юго-Восточная Азия

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2050 г.
		млн. человек			
Бангладеш	88	43,6	140,8	164,4	222,5
Бруней	67	0,05	0,3	0,4	0,7
Индонезия	88	77,2	205,3	232,5	288,1
Малайзия	60	6,1	23,3	27,9	39,7
Мальдивы	100	0,05	0,3	0,3	0,5
Итого		127,0	370,0	425,5	551,5

Наиболее многочисленным по составу является регион Юго-Западной Азии (ЮЗА) – 12 государств и территорий. В нем нет явного демографического лидера или лидеров. Население всех государств – арабское. Арал является сердцем исламского мира, концентрируясь вокруг аравийских святынь, Мекки и Медины. В середине XX в. это был малонаселенный регион с 20 млн. жителей (0,8% мирового населения). К 2000 г. число жителей увеличилось в пять раз до 100 млн., а удельный вес в мире вдвое (1,6%). Быстрыми темпами росло число жителей в религиозном магните региона, Саудовской Аравии, – в 6,5 раза. Население Иордании увеличилось в десять раз. Но абсолютный рекорд побили небольшие государства Залива – численность граждан Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) увеличилась в 46 раз, Кувейта – в 11, Катара – в десять раз.

В первой половине XXI в. население региона продолжит быстрый рост, но замедляющимися темпами. К 2050 г. число жителей ЮЗА приблизится к 250 млн. человек. Темпы роста за 50-летний период будут достаточно высоки (1,8% в год), но почти вдвое ниже, чем в предыдущее 50-летие (3,3%). Доля региона в населении планеты возрастет почти до 3%. Причем рекордсменами демографического роста окажутся наиболее бедные страны – Ирак, чье население вырастет до 64 млн., и Йемен – до 54 млн. человек.

Средними по количеству жителей странами мира станут также Саудовская Аравия (44 млн.) и Сирия (37 млн. человек).

Пятый регион включает восемь государств северо-востока и востока Африки. Исторически он был тесно связан с Юго-Западной Азией, составляя с ней по существу единое культурно-религиозное пространство, зону воздействия арабского центра ислама на африканскую периферию. В мусульманский регион Восточной Африки нами включена и Эфиопия, традиционный оплот восточного христианства на африканском континенте. К началу XXI столетия страна с точки зрения религиозного состава населения оказалась поделена надвое между христианами и мусульманами. Отнесение Эфиопии к региону произведено с учетом достаточно быстрого увеличения там доли мусульман, которая к концу прогнозного периода почти наверняка превысит половину.

Таблица 4

Юго-Западная Азия

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн. человек				
Бахрейн	98	0,1	0,7	0,8	1,1	1,3
Ирак	97	5,7	24,6	31,5	48,9	64,0
Иордания	95	0,5	4,9	6,5	8,6	10,2
Йемен	99	4,3	18,2	24,3	39,4	53,7
Катар	95	0,05	0,6	1,5	2,0	2,3
Кувейт	95	0,2	2,2	3,0	4,3	5,2
Ливан	70	1,4	3,8	4,3	4,9	5,0
Палестинские территории	99	1,0	3,2	4,4	7,3	10,3
ОАЭ	96	0,05	3,2	4,7	6,6	8,3
Оман	99	0,5	2,4	2,9	4,1	4,9
Саудовская Аравия	97	3,2	20,8	26,2	36,6	43,7
Сирия	88	3,5	16,5	22,5	30,6	36,9
Итого		20,5	101,1	132,6	194,4	245,8

Как следует из данных табл. 5, население Восточной Африки в середине прошлого века равнялось 60 млн. человек (2,4% мирового). За вторую половину столетия оно увеличилось в 3,6 раза, достигнув почти 220 млн. Численность жителей в главной стране региона – Египте росла несколько медленнее, очевидно под воздействием государственной политики планирования семьи

(в 3,3 раза, на 2,4% в год). Более высокими темпами увеличивалось количество жителей Судана, но разброс в темпах естественного движения населения по странам был в целом невелик.

Средний вариант прогноза по региону свидетельствует о сохраняющихся потенциях высокого роста: к 2030 г. население должно превзойти планку в 400 млн., а к 2050 г. – в 500 млн. человек. Увеличиваясь в среднем на 1,8% в год, восточноафриканский мусульманский ареал почти догонит ареал Южной и Юго-Восточной Азии, отставая от него в 1950 г. более чем вдвое. Доля региона в планетарном населении последовательно возросла с 2,4% в 1950 г. до 3,5% в 2000 г., а в 2030 г. составит 4,9%, в 2050 г. – 5,7%. При этом скорость увеличения численности египтян должна замедлиться до 1,2% в среднем в год, но это замедление куда менее значительно, чем в случае с Турцией и Ираном, которые примерно равны по величине населения с Египтом в 2000 и 2010 гг. Повышенными для региона темпами будет возрастать численность жителей в самых бедных и крупных государствах – Судане и Эфиопии (в последней почти на 2% в среднем в год). Если прогноз ООН оправдается, эта мусульмано-христианская страна превратится в одну из самых населенных в мире. Вместе с похожим по конфессиональной структуре Суданом она образует смежный ареал более чем в 250 млн. человек, а с Сомали почти 300 млн. В то же время рекордно высокими для региона являются как оценочные, так и прогнозные данные по полумусульманской Танзании.

Таблица 5

Восточная Африка

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн. человек				
Джибути	94	0,05	0,7	0,9	1,2	1,5
Египет	94	21,5	70,1	84,5	110,9	129,5
Коморские острова	98	0,2	0,6	0,7	1,0	1,2
Сомали	100	2,3	7,4	9,4	15,7	23,5
Судан	65	9,2	34,9	43,2	61,0	75,9
Танзания	45	7,7	34,1	45,0	75,5	109,5
Эритрея	48	1,1	3,7	5,2	8,1	10,8
Эфиопия	48	18,4	65,5	85,0	131,6	173,8
Итого		60,2	217,0	273,9	405,0	525,6

Северная Африка является регионом существенно более однородным по религиозному составу населения. От Ливии до Западной Сахары, находящейся под управлением Марокко, его в основном населяют мусульмане арабо-берберского происхождения. За вторую половину XX в. число жителей в ареале увеличилось в 3,3 раза (см. табл. 6). По среднему прогнозу ООН, в текущем столетии темпы будут вдвое ниже, в среднем 0,9% в год, а между 2030 и 2050 гг. – только 0,5%. В мировом населении доля региона, повысившись с 0,9 до 1,3% между 1950 и 2000 гг., должна в дальнейшем сохраниться без изменений, что говорит о совпадении регионального демографического развития с общемировым. Самые высокие темпы роста в прошлом веке наблюдались в наименее населенных Западной Сахаре и Ливии, а наиболее низкие – в Тунисе.

Таблица 6

Северная Африка

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн. человек				
Алжир	99	8,8	30,5	35,4	44,7	49,6
Западная Сахара	100	0,05	0,3	0,5	0,8	0,9
Мавритания	100	0,7	2,6	3,4	4,8	6,1
Ливия	97	1,0	5,3	6,5	8,5	9,8
Марокко	99	9,0	28,8	32,3	39,3	42,6
Тунис	99	3,5	9,5	10,4	12,1	12,7
Итого		23,01	77,0	88,5	110,2	121,7

Последний из выделенных здесь мусульманских регионов тоже африканский. Он состоит из десяти западно- и центрально-африканских стран, исламизация которых шла в основном через Северную Африку, начавшись после завоевания ее арабами в VII в. и существенно усилившись на рубеже двух тысячелетий. Общее число жителей региона в середине XX в. не превышало 60 млн., а в конце века вплотную приблизилось к 200 млн. человек (см. табл. 7). Прогноз Отдела народонаселения ООН состоит в том, что среднегодовые темпы прироста в XXI в., скорее всего, немного сократятся, с 2,4 до 2,0%. Это не помешает возникновению исключительно крупного демографически (5,6% жителей планеты в 2050 г.) и обширного географически по преимуществу мусульманского ареала. Особенно будет выделяться своей численностью

бывший «невольничий берег» – Нигерия (почти 300 млн.). Мусульмане там, впрочем, составляют лишь половину населения, как и в Буркина-Фасо, Гвинее-Бисау, Сьерра-Леоне и Чаде.

Интересно, что устойчивой корреляции между процентом мусульман и темпами демографического роста этих африканских государств между 1950 и 2000 гг. в целом не наблюдается, хотя в полумусульманской Гвинее-Бисау увеличение численности жителей происходило существенно медленнее, чем в соседней почти полностью мусульманской Гвинее. В Нигере темпы были несколько выше, чем в Нигерии, зато в мусульманском Мали они уступали показателям Буркина-Фасо и Чада.

Таблица 7

Западная и Центральная Африка

Страны	% мусульман	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
		млн. человек				
Буркина-Фасо	55	4,1	11,7	16,3	27,9	40,8
Гамбия	95	0,3	1,3	1,8	2,7	3,8
Гвинея	85	2,6	8,4	10,3	16,9	24,0
Гвинея-Бисау	45	0,5	1,3	1,7	2,5	3,6
Мали	90	4,3	10,5	13,3	20,5	28,3
Нигер	95	2,5	11,0	15,9	32,6	58,2
Нигерия	50	36,7	124,8	158,3	226,7	289,1
Сенегал	95	2,4	9,9	12,9	19,5	26,1
Сьерра-Леоне	60	1,9	4,2	5,8	8,9	12,4
Чад	54	2,4	8,4	11,5	19,0	27,8
Итого		57,7	191,5	247,8	377,2	514,1

Данные о семи мусульманских регионах сведены в табл. 8. Из нее видно, что в середине прошлого столетия в них проживало около 18% населения планеты. К последнему году XX в. доля регионов выросла до 22%. Согласно среднему варианту прогноза ООН, ее увеличение продолжится: 23% – в 2010, 26 – в 2030 и 29% – в 2050 г. Таким образом, за столетие может произойти рост удельного веса населения стран и регионов с исламским большинством с менее 20 до почти 30%.

Мусульманские ареалы

Регионы	1950 г.	2000 г.	2010 г.	2030 г.	2050 г.
	млн. человек				
Центральная Азия	20,3	63,6	70,4	83,8	89,7
Средне-Западная Азия	87,7	302,0	364,7	496,7	603,6
Южная и Юго-Восточная Азия	127,0	370,0	425,5	511,0	551,0
Юго-Западная Азия	20,5	101,1	132,6	194,4	245,8
Восточная Африка	60,2	217,0	273,9	405,0	525,6
Северная Африка	23,0	77,0	88,5	110,2	121,7
Западная и Центральная Африка	57,7	191,5	247,8	377,2	514,1
Итого	441,4	1322,2	1603,4	2178,3	2652,5
Население мира	2 529,0	6 115,0	6 908,0	8 308,0	9 150,0
Мусульманские ареалы, %	17,5	21,6	23,2	26,2	29,0

Характеризуя демографическую динамику исламского мира, необходимо обратить внимание на значительное число немусульман среди жителей выделенных регионов. Особенно значительно оно в Западной и Центральной Африке, а также в Восточной Африке. Только в этих ареалах немусульман в 2000 г. было почти 125 млн. Вместе с отдельными странами в других регионах (Казахстаном и Малайзией) количество немусульман превосходило 140 млн. человек, или 11% населения. Но если подсчитать общее число мусульман в мире на 2000 г., то к получаемой за вычетом немусульман, проживающих в исламских ареалах, цифре в 1182 млн. нужно прибавить около 15 млн. мусульман в России, примерно столько же в Европе, где лидирует Франция (6 млн.) и балканские страны, прежде всего Албания. Небольшое число мусульман живет в Новом свете, прежде всего в США.

Существенно пополняется общее число мусульман за счет Индии, где по данным переписи 2001 г. их доля равнялась 13,4%, а численность составляла 140 млн. человек. Серьезно разнятся оценки количества мусульман в Китае. По используемым в этой статье данным ООН, их доля равна 1,5%, а численность около 20 млн. человек. Однако есть и более высокие оценки в 60 и даже 90 млн. Отметая эти крайности, сделаем вывод, что вне мусульманского ареала в конце XX в. насчитывалось около 200 млн. последовате-

лей Пророка Мухаммада, а общая их численность приближалась к 1,4 млрд. человек, равняясь примерно 23% мирового населения.

Повторим, что приведенные данные свидетельствуют о заметном увеличении мусульманского «клина» в демографическом поле современного мира. В чем базовые причины этого явления? Прежде всего, очевидно, в том, что большинство мусульманских стран и регионов относится к числу менее богатых и индустриально развитых, более аграрных и традиционных. Этими общими характеристиками объясняются, как правило, различия между поступательными темпами естественного движения населения в более продвинутых с социально-экономической точки зрения и в отстающих районах на современном этапе истории. Традиционность, граничащая иногда с глубокой отсталостью, примитивностью, создает общий фон, способствующий сохранению высокой рождаемости, которая при снижающейся смертности в основном за счет внешнего воздействия в виде применения достижений медицины и здравоохранения и служит главной причиной «ножниц» между смертностью и рождаемостью.

При этом нужно согласиться с тем, что каких-то особых исламских моделей регулирования рождаемости и отношения к репродуктивному поведению в устойчивом и значимом виде не наблюдается. Предписания ислама как религии на этот счет совпадают с ограничителями и нормами, вводимыми иными религиозными системами, в частности христианством, а также индуизмом, буддизмом, китайскими и другими народными верованиями, образующими корпус правил и обычаев, регламентирующий отношение к деторождению. А потому базовая причина ускоренного роста состоит, по всей видимости, в особом характере исламского микрообщества с его тендерной иерархией, т.е. подчиненным положением женщины в семье и более широком кровнородственном сообществе.

Зависимое положение женщин отличает, без сомнения, и иные, не только исламизированные традиционные общества. Известно также, что ислам на заре своего существования способствовал закреплению за женщинами определенных прав в плане наследования и возлагал на мужчин моральные обязательства по заботе о женщинах. Вместе с тем в отличие от таких религий, как иудаизм, христианство, индуизм, буддизм, ислам санкционирует полигамию, облегчает для мужчин процедуру развода и закрепляет за отцом в таком случае преимущественное право на воспитание детей. К этому надо добавить ориентированность на всемерное рас-

ширение исламской культурно-религиозной среды. Помимо прозелитизма, она проявляется в обычае мусульман брать в жены немусульманок с обязательным принятием ими ислама и воспитание детей от таких браков в мусульманской вере.

В увеличении численности последователей Пророка Мухаммада с самого начала присутствовал и сильный политический компонент.

Представители других религий, как известно, облагались мусульманскими правителями специальным налогом-данью (джизией), их переход в ислам поощрялся властями.

Ускоренный рост количества мусульман по сравнению с расово-этнически и социально-культурно близким ему немусульманским населением можно проиллюстрировать многими примерами. Весьма наглядно он выявляется, если взять данные по Южной Азии в границах колониальной Индии. Доля мусульман среди ее населения в 1870–1880-х годах не превышала 20%, к началу XX в. она перевалила одну пятую, а по переписи 1941 г. достигла 25%. К началу нынешнего столетия суммарное мусульманское население Индии, Пакистана и Бангладеш составляло уже 31%, а к 2050 г., при сохранении текущих тенденций, должно приблизиться к 45%. При этом удельный вес мусульман в Республике Индия, согласно переписи 1951 г., едва превышал 10%, а по переписи 2001 г. равнялся уже почти 14%. Нынешнее правительство Индии учредило специальный комитет по изучению социально-экономического и образовательного статуса мусульман с целью, в частности, выявления причин относительно более быстрого их роста. Комитет не пришел по этому вопросу к однозначным выводам, подчеркнув объективный и трудно корректируемый характер демографических процессов.

Сочетание общих для традиционных развивающихся обществ и специфических факторов в общем виде, по-видимому, объясняет повышенную динамику роста мусульманского населения. При этом многое зависит от конкретных стран и регионов, взаимодействия культурно-религиозных, социально-политических и эколого-экономических обстоятельств.

Прогнозируемая динамика

Так или иначе, но исламский мир в демографическом плане ожидает в наступившем веке, по всей видимости, дальнейший рост. При этом он внесет свой вклад в продолжающееся увеличе-

ние народонаселения земли, хотя, как уже отмечено, происходить оно будет медленнее, чем во второй половине XX в. (0,8% среднегодового прироста против 1,8%, см. табл. 8).

Основная масса нового пополнения людей (97%) придется на менее развитые регионы, самые бедные и недостаточно быстро развивающиеся (временами и деградирующие) страны. В середине текущего века в более развитых регионах будет проживать 1,27 млрд., а в менее развитых – 7,87 млрд. человек.

Численность населения в последних в начале XXI в. возрастала в шесть раз быстрее, чем в развитых, а в наименее развитых 49 странах почти в десять раз быстрее. Такого рода диспропорции приведут, с одной стороны, к почти неизменной величине жителей в 30 экономически развитых государствах, включая Россию (она увеличится лишь на 81 млн. человек, да и то в основном, очевидно, за счет иммигрантов из менее развитых стран), а с другой – к разрастанию демографических масштабов отстающих в развитии государств и территорий с пяти до почти восьми млрд. человек.

В связи с тем, что ни одна мусульманская страна в соответствии с трактовкой, принятой для целей демографического прогноза ООН, не относится к развитому региону, отмеченные выше тренды в полной мере относятся к исламскому миру. Между тем показатели смертности, по прогнозам ООН, будут неуклонно снижаться и в менее развитых регионах, в том числе исламском. Несмотря на воздействие эпидемии ВИЧ / СПИДа смертность будет убывать во всех странах, включая наиболее страдающие от нее африканские. Заметим, кстати, что от этой эпидемии страдают главным образом южные, немусульманские страны континента.

Средняя продолжительность жизни (величина дожития при рождении, рассчитанная из существующих на данный момент коэффициентов смертности) будет практически универсально монотонно возрастать. Причем это коснется даже таких бедных плотно населенных государств, как Бангладеш. Там уже в начале XXI в. средняя продолжительность жизни и мужчин, и женщин превысила 60 лет, а в ближайшие десятилетия должна подняться до 70–75 лет.

Снижение смертности вызовет постарение населения и новые крупные проблемы для менее развитых государств. Одновременно будет нарастать их демографический вес. Но возрастная пирамида и средний возраст жителей изменятся в сторону превращения этих стран в более «солидные», с менее выраженным «молодежным горбом» (доли людей в возрасте 15–25 лет). Этому же

будет содействовать прогнозируемое плавное снижение рождаемости в большинстве менее развитых государств, в том числе и мусульманских.

В середине текущего столетия, по весьма правдоподобным прогнозам, доля мирового мусульманства должна будет составить 33%, т.е. мусульманином будет каждый третий житель планеты. Их общее число приблизится к 3 млрд. человек. К концу текущего столетия, т.е. к 2100 г., на фоне небольшого сокращения мирового населения доля мусульман может возрасти до 37%, а численность достигнет 3,3 млрд. человек.

Основными составляющими ускоренного роста исламского мира будут два процесса – замедленное по сравнению с другими частями человечества сокращение рождаемости и демографическая инерция, так называемый популяционный момент.

* * *

Оценивая демографическое будущее исламского мира, необходимо учитывать вариативность прогнозов на длительную перспективу. Прогнозы Отдела народонаселения ООН, Бюро цензов США и других демографических организаций обычно состоят из целого спектра вероятностей, намечают наиболее низкие и высокие траектории, выявляя, как правило, средний вариант, считающийся самым надежным. Однако все прогностические оценки строятся на базе предположения о линейности грядущих явлений. Поэтому только если абстрагироваться от возможности нелинейных, турбулентных «возмущений» (скачков и катаклизмов), можно утверждать, что исламский мир продолжит наращивать свои абсолютные демографические параметры и удельный вес в мировом населении.

Оправдано ли считать эти тенденции тревожными для международного порядка и мирового развития? Представляется, что для этого нет оснований.

Во-первых, потому что современный процесс демографической эволюции не обходит исламский мир стороной. В мусульманских странах и сообществах происходит хотя и менее быстрое в целом, но неуклонное сокращение рождаемости. Измеряемая средним числом рождений на женщину в возрасте от 15 до 49 лет, она снизилась за последние четыре-пять десятилетий с 7–8 до 2–3 в таких странах, как Тунис, Алжир, Египет, Ливия, Марокко. По сравнению с 1975–1980 гг. в Иране число рождений к 2000–

2005 г. уменьшилось почти втрое. И в других мусульманских странах и регионах прослеживается пусть и не столь выраженная тенденция к определенному снижению.

Во-вторых, нужно учитывать раздробленность, разобщенность мира ислама, отсутствие в его составе явного лидера. Наличие многих центров притяжения, многополярность современной исламской цивилизации обостряют борьбу за лидирующие позиции, накладываясь на такие явные и скрытые противоречия, как соперничество суннитов и шиитов, арабов и неарабов, представителей соседствующих этносов, последователей различных сект и школ, сторонников разных идеологий и программ действий.

Наконец, в самом факте увеличения численности и удельного веса одной из существующих на земле мировых религий нет ничего необычного. На протяжении Нового времени по числу последователей в мире явно лидировали христиане, в первую очередь католики, сильнейшие позиции занимали представители китайских этнических верований, а также индуисты. В XX в. сотни миллионов причисляли себя к нерелигиозным людям. Изменения в структуре религиозной принадлежности населения мира не несут сами по себе чего-то априори негативного. Такой момент появляется лишь под действием сил, стремящихся разыграть карту «популяционной мощи».

Именно с этим связана идея «исламского наступления» и ответная задача его остановить. Очевидно, что и та и другая установка не учитывают сложной взаимосвязи между геодемографией и геополитикой. Демография составляет лишь фон, подоплеку политических процессов. Религиозно-демографический ресурс залегает «глубоко» и трудно поддается тотальной мобилизации. Что касается региональных аспектов этноконфессионального ресурса, то он, безусловно, уже играет и будет в дальнейшем играть немаловажную роль в международно-политических процессах и конфликтах. Но и тут религиозная принадлежность остается одним из фоновых факторов далеко не решающего свойства.

«Исламский фактор в истории и современность», М., 2011 г., с. 47–62.

«МНОГО ЛЕТ МЫ ЖИЛИ В ОДНОМ ГОСУДАРСТВЕ...»

Для России Центральная Азия (ЦА) является стратегическим регионом. И не только потому, что влияет на сохранение стабиль-

ности и безопасности ее южных границ. Немаловажное значение для РФ имеет экономический потенциал ЦА, ее богатейшие недра и трудовые ресурсы. Наконец, нельзя не считаться и с тем, что в течение многих десятилетий мы жили в одном государстве. Сначала в России, потом в СССР. Вышедшая в свет монография доктора экономических наук, член-корреспондента РАН Г.И. Чуфрина «Россия в Центральной Азии»¹ посвящена важнейшим проблемам развития отношений России со странами ЦА в период после распада СССР. Автор выделяет три крупных блока вопросов. В блоке, связанном с проблемами региональной безопасности, рассмотрены современные нетрадиционные угрозы безопасности – религиозный экстремизм, терроризм, наркобизнес, нелегальная миграция. Бесспорно утверждение автора, что главной причиной появления этих угроз являются социально-экономическая нестабильность в странах региона, высокий порог бедности и критический уровень социального расслоения населения. Автор также выделяет еще одну очень важную проблему, которая угрожает стабильности ЦА, – это перманентные разногласия между государствами региона.

Говоря о борьбе с этими угрозами, Г. Чуфрин особое внимание уделяет борьбе с терроризмом и наркобизнесом. Именно в этих двух направлениях идет очень серьезная работа не только самих стран ЦА, но и в рамках их двустороннего и многостороннего взаимодействия с региональными и мировыми центрами влияния – Россией, США, Китаем, странами – членами НАТО. Указывая на то, что это сотрудничество тесно переплетается с соперничеством и противоборством интересов крупнейших акторов в регионе, Г. Чуфрин подробно рассматривает американские и российские военно-политические и стратегические интересы в ЦА, а также принимаемые этими странами меры по укреплению своих позиций. Анализируются планы Вашингтона по размещению собственных мобильных сил в регионе, установлению контроля над военными контингентами прикаспийских, центральноазиатских государств и оказанию различной военной и военно-технической помощи. При этом делается вполне закономерный вывод о том, что в случае реализации этих планов «национальным интересам России в сфере региональной и глобальной безопасности был бы нанесен трудновосполнимый ущерб ввиду неизбежной утраты Москвой своего влияния в ЦА».

¹ Г.И. Чуфрин. Россия в Центральной Азии. – Алматы, 2010.

Одним из основных инструментов проведения российской политики в регионе является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Говоря о целях и задачах, которые ставит перед собой данная организация, автор считает, что ее дальнейшая эволюция будет проходить под влиянием не только внешних факторов, но и внутренних, «обусловленных сохраняющимися противоречиями между самими членами ОДКБ». Подчеркивается, что, несмотря на все разногласия между Россией и США в оценке желательных перспектив развития ситуации в постсоветской ЦА, эти страны не могут не сотрудничать в вопросах безопасности. В первую очередь, это связано с ситуацией в Афганистане и возможной дестабилизацией во всем регионе. Справедливо отмечено, что под влиянием эндогенных и экзогенных факторов в современной международной политической обстановке и существования кризисных явлений в мировой экономике, которые затрагивают стратегические интересы обеих стран, могут появиться условия для активизации российско-американского взаимодействия, хотя и ограниченного по своим масштабам.

Второй блок вопросов посвящен экономическому взаимодействию России и государств ЦА. Автор говорит о двух тенденциях в торгово-финансовом сотрудничестве с регионом: существенном росте товарооборота в 2000–2008 гг. и опережающих темпах его роста по сравнению с другими странами СНГ. Основной формой экономического сотрудничества России со странами ЦА остается двустороннее взаимодействие. Что касается многостороннего сотрудничества, то оно пробуксовывает уже почти 20 лет. И это при том, что осуществление большинства проектов – инфраструктурных, гидроэнергетических и других – возможно лишь на многосторонней основе. В монографии дана попытка анализа такого положения дел на примере деятельности Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и создаваемого на его базе Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии.

В работе затрагивается такая важная для всех стран проблема, как регулирование миграционных потоков из ЦА в Россию. По мнению Г. Чуфрина, экономическим интересам России в долгосрочной перспективе «не отвечает массовое сокращение числа трудовых мигрантов из центральноазиатских стран». Кроме того, массовое возвращение трудовых мигрантов на родину может привести к дестабилизации социально-политической ситуации в этих странах, что серьезно затронет и российские политические интересы, и интересы безопасности.

Наконец, «от того, как будут решаться проблемы трудовой миграции из республик ЦА и какую роль в этом будет играть Россия, в существенной степени будут зависеть ее авторитет и влияние в Центрально-Азиатском регионе» (с. 92). Водохозяиственная проблема в регионе стала одной из самых сложных, периодически вызывая серьезную напряженность в межгосударственных отношениях. Проблемы водопользования не могут быть решены самостоятельно ни одним государством ЦА. Более того, такие действия могут привести к дестабилизации всего региона. Россия действительно может оказать содействие этим государствам в преодолении разногласий по водным вопросам.

В монографии высказаны предложения по преодолению этого кризиса путем предоставления им финансовой и технической помощи в переходе к ресурсосбережению. Рассматривая вопросы сотрудничества в сфере транспорта и коммуникаций, основной акцент автор делает на анализе трубопроводной инфраструктуры и современных тенденциях ее диверсификации в сторону азиатских стран – Китая, Ирана и через Азербайджан в Европу.

Особый интерес представляет глава, посвященная российско-казахстанскому экономическому сотрудничеству. В ней представлен обширный материал по двустороннему экономическому сотрудничеству между нашими странами во всех основных сферах: финансово-банковской и инвестиционной, научно-технической, взаимной торговле, атомной энергетике, ТЭК, сельском хозяйстве. Третий блок вопросов представляет анализ взаимодействия России и стран ЦА в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Именно в этой части монографии достаточно подробно рассматривается усиливающееся китайское влияние в ЦА. Фактически речь идет о пересекающихся национальных интересах России и Китая в регионе. Сотрудничество по линии этой организации наиболее эффективно развивается в вопросах безопасности, поскольку интересы всех стран региона здесь совпадают: сохранение стабильности в Афганистане, борьба с экстремизмом и наркотрафиком. Странам удалось создать международно-правовую базу сотрудничества в борьбе с терроризмом и начать проведение военных учений антитеррористического характера.

Вместе с тем центральноазиатские участники ШОС неоднозначно относятся к иницилируемому РФ усилению военной составляющей организации. Это связано с их желанием «сохранять максимальную свободу маневра в обеспечении своей национальной безопасности». В этом страны ЦА поддерживает Китай. В то же

время все члены ШОС поддерживают российскую позицию по борьбе с терроризмом, наркотрафиком и трансграничной преступностью, а также необходимость диалога и тесного взаимодействия с другими заинтересованными международными объединениями и государствами. Гораздо медленнее и труднее в рамках организации развивается сотрудничество в сфере экономической. В монографии высказывается мнение о том, что своевременная и успешная реализация хотя бы уже согласованной программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества оказала бы положительное влияние на состояние экономики всех стран – членов ШОС.

Привлекают внимание представленные Г. Чуфриным выводы о возможностях развития экономического взаимодействия в рамках Организации.

Во-первых, несмотря на существующие трудности, в целом ряде областей ШОС обладает поистине уникальным потенциалом многостороннего сотрудничества. Это – энергетика, транспорт, ряд отраслей промышленности, аграрный сектор.

Во-вторых, существует необходимость неотложного решения вопросов, связанных с характером отношений между ШОС и ЕвразЭС. Их нерешенность оказывает определенное влияние на взаимоотношения России со странами региона и их отношения с Китаем.

В-третьих, наметилась необходимость коррекции позиций России по многосторонним проектам с учетом резко возросшей в условиях мирового кризиса внешней финансовой активностью КНР. И, наконец, в-четвертых, сотрудничество в рамках ШОС должно быть таким, чтобы оно способствовало не только общему ускорению темпов экономического роста членов организации и структурным преобразованиям национальных экономик, но и осуществлению совместных широкомасштабных программ.

Фактически Г.И. Чуфрин в своей монографии охватил весь спектр проблем, существующих в отношениях России и стран ЦА. Все они крайне актуальны не только для наших стран, но и других государств, имеющих серьезные политико-стратегические и экономические интересы в регионе. Одним из достоинств монографии является то, что в ней рассматриваются, в том числе, возможные варианты их решения.

Рецензию подготовила Е. Кузьмина, кандидат политических наук (Институт экономики РАН).

«Азия и Африка сегодня», М., 2011, № 10, с. 76–77.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 —4 (238)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 29/III-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 500 экз. Заказ № 51

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
42(02)